

ДИСКУРС 3/2019

DISCOURSE

Индекс по каталогу «Пресса России» 71225

doi: 10.32603/2412-8562

Учредитель

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет "ЛЭТИ" им. В. И. Ульянова (Ленина)» (СПбГЭТУ «ЛЭТИ»)

Научный журнал,
издается с сентября 2015 г.,
выходит 6 раз в год

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-62347 от 14.07.2015 г.
выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций

Журнал включен в Перечень
рецензируемых научных изданий ВАК

Редакция журнала

197376, Санкт-Петербург,
ул. Проф. Попова, д. 5, СПбГЭТУ «ЛЭТИ».
Тел. / факс: +7 (812) 234-10-13
discourse@etu.ru

Издательство СПбГЭТУ «ЛЭТИ»

197376, Санкт-Петербург,
ул. Проф. Попова, д. 5.
Тел. / факс: 8 (812) 346-28-56

© СПбГЭТУ «ЛЭТИ», обложка,
издательская страница, содержание,
дизайн, 2015

Материалы журнала
доступны по лицензии
Creative Commons Attribution 4.0 License

Главный редактор

А. Ф. Иванов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Заместитель главного редактора

Н. К. Гигаури, канд. техн. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Редакционная коллегия:

Г. А. Баева, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия
Е. В. Боднарчук, д-р филол. наук, доц., Северный (Арктический) федеральный ун-т имени М. В. Ломоносова, Архангельск, Россия

А. О. Бороноев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия
С. С. Бразевич, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия
А. В. Волков, д-р филос. наук, проф., Петрозаводский государственный ун-т, Петрозаводск, Россия
П. П. Дерюгин, д-р социол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия
Д. Ю. Дорофеев, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский горный ун-т, СПб., Россия
Ю. А. Дубовский, д-р филол. наук, проф., Пятигорский государственный ун-т, Пятигорск, Россия
С. М. Елисеев, д-р полит. наук, проф., Ун-т при межпарламентской ассамблее ЕВРАЗЭС, СПб., Россия
В. И. Игнатъев, д-р филос. наук, проф., Новосибирский государственный технический ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Изгарская, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный ун-т, Новосибирск, Россия
Е. Н. Лисанюк, д-р филос. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия
Б. В. Марков, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия
Т. В. Мельникова, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия
В. П. Милецкий, д-р полит. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия
С. И. Росенко, д-р социол. наук, проф., Национальный государственный ун-т физической культуры, спорта и здоровья имени П. Ф. Лесгафта, г. Санкт-Петербург, СПб., Россия

И. Б. Руберт, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный экономический ун-т, СПб., Россия

Е. Г. Соколов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия
А. В. Солдатов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный морской технический ун-т, СПб., Россия

А. Ю. Сторожук, д-р филос. наук, вед. н. с., Институт философии и права СО РАН, Новосибирск, Россия

Е. В. Строгачева, канд. полит. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

Н. А. Трофимова, д-р филол. наук, доц., Высшая школа экономики, СПб., Россия
В. В. Тузов, д-р филос. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Чебанов, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный ун-т, СПб., Россия
С. И. Черных, д-р филос. наук, доц., Новосибирский государственный аграрный ун-т, Новосибирск, Россия

А. А. Шумков, д-р филол. наук, доц., Санкт-Петербургский государственный электротехнический ун-т «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина), СПб., Россия

С. В. Шустова, д-р филол. наук, доц., Пермский государственный национальный исследовательский ун-т, Пермь, Россия

В. В. Щербина, д-р социол. наук, проф., Российский государственный гуманитарный ун-т, Москва, Россия

М. П. Яценко, д-р филос. наук, доц., Сибирский федеральный ун-т, Красноярск, Россия

Balkrishna Vithal Bhosale, Ph. D., Prof., University of Mumbai, Mumbai, India

Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Ronginska Tatiana, Ph. D., Prof., University of Zielona Gora, Zielona Gora, Poland

Nesteruk Aleksey, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

Редакторы: О. Н. Артунян, Н. Ю. Меньшенина, О. Р. Крумина,
Н. В. Кузнецова

Выпускающий редактор Н. Ю. Меньшенина
Компьютерная верстка Е. С. Николаевой

Подписано в печать 24.06.19. Формат 60 × 84 1/8.

Бумага офсетная. Печать цифровая. Гарнитура «Times New Roman».

Уч.-изд. л. 16,64. Усл.-печ. л. 16,0. Тираж 300 экз. (1-й завод 1–150 экз.). Заказ 71.

DISCOURSE 3/2019

ДИСКУРС

Subscription index in "Press of Russia" catalogue is 71225

doi: 10.32603/2412-8562

Founder

Saint Petersburg Electrotechnical
University "LETI" (ETU "LETI")

Founded in 2015

Issued 6 times a year

Editorial address

Saint Petersburg Electrotechnical
University "LETI", 5, Prof. Popov Str.,
197376, St. Petersburg, Russia
Tel.: +7 (812) 234-10-13
e-mail: discourse@etu.ru
http://discourse.etu.ru

The Journal is registered
by Federal Supervision Agency
for Information Technologies
and Communications
(PI No FS77-62347
of 14.07.2015)

ETU "LETI" Publishing house
Professora Popova Str. 5, building.
5J, 197376, St. Petersburg,
Russian Federation
Tel./Fax: +7 (812) 346-28-56

Editors: O. N. Artunyan,
N. Yu. Men'shenina,
O. R. Krumina,
N. V. Kuznetsova

Publishing Editor N. Yu. Men'shenina
DTP Professional E. S. Nikolaeva

© ETU "LETI", cover, publishing
page, content, design, 2015

All the materials
of the journal
are available under a Creative
Commons Attribution 4.0 License

Editor-in-Chief

Andrey F. Ivanov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical
University "LETI", St. Petersburg, Russia

Deputy Editor-in-Chief

Nina K. Gigauri, Can. of Sci. (Eng.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical
University "LETI", St. Petersburg, Russia

Editorial Board

Galina A. Baeva, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St. Petersburg, Russia
Elena V. Bodnaruk, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Northern (Arctic) Federal University
Named after M. V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

Asalkhan O. Boronoev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St. Petersburg, Russia
Svyatoslav S. Brazevich, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St. Petersburg, Russia
Aleksey V. Volkov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia
Pavel P. Deryugin, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Saint Petersburg University, St. Petersburg, Russia
Daniil Yu. Dorofeev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint-Petersburg Mining University,
St. Petersburg, Russia

Yurii A. Dubovskiy, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia
Sergei M. Eliseev, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., University associated with IA EAEC, St. Petersburg, Russia
Vladimir I. Ignatyev, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Novosibirsk State Technical University,
Novosibirsk, Russia

Anna A. Izgarskaya, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia
Elena N. Lisanyuk, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Saint Petersburg University,
St. Petersburg, Russia

Boris V. Markov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St. Petersburg, Russia
Tatyana V. Melnikova, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University,
Krasnoyarsk, Russia

Vladimir P. Miletskiy, Dr. of Sci. (Polit.), Prof., Saint Petersburg University, St. Petersburg, Russia
Svetlana I. Rosenko, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Lesgaft National State University of Physical
Education, Sport and Health, St. Petersburg, St. Petersburg, Russia

Irina B. Rubert, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint-Petersburg State Economic University,
St. Petersburg, Russia

Evgeniy G. Sokolov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg University, St. Petersburg, Russia
Alexander V. Soldatov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., State Marine Technical University,
St. Petersburg, Russia

Anna Yu. Storozhuk, Dr. of Sci. (Philos.), Leading Researcher, Institute of Philosophy and
Law of the Siberian Branch of the RAS, Novosibirsk, Russia

Elena V. Strogetskaia, Can. of Sci. (Polit.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical
University "LETI", St. Petersburg, Russia

Nella A. Trofimova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Higher School of Economics,
St. Petersburg, Russia

Victor V. Tuzov, Dr. of Sci. (Philos.), Prof., Saint Petersburg Electrotechnical University
"LETI", St. Petersburg, Russia

Sergei V. Chebanov, Dr. of Sci. (Philol.), Prof., Saint Petersburg University, St. Petersburg, Russia
Sergei I. Chernykh, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Agrarian University,
Novosibirsk, Russia

Andrei A. Shumkov, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Saint Petersburg Electrotechnical
University "LETI", St. Petersburg, Russia

Svetlana V. Shustova, Dr. of Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Perm State University, Perm, Russia
Vyacheslav V. Shcherbina, Dr. of Sci. (Sociol.), Prof., Russian State University for the
Humanities, Moscow, Russia

Mikhail P. Yatsenko, Dr. of Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Siberian Federal University,
Krasnoyarsk, Russia

Balkrishna Vithal Bhosale, Ph. D., Prof., University of Mumbai, Mumbai, Indian
Kristina Štrkalj Despot, Ph. D., Prof., Institut za hrvatski jezik i jezikoslovlje, Zagreb, Croatia

Ronginska Tatiana, Ph. D., Prof., University of Zielona Gora, Zielona Gora, Poland

Nesteruk Aleksey, Ph. D., Prof., University of Portsmouth, Portsmouth, United Kingdom

Zhang Baichun, Ph. D., Prof., Beijing Normal University, Beijing, China

СОДЕРЖАНИЕ

Оригинальные статьи

ФИЛОСОФИЯ

- Kovaleva T. V.** Social and cultural aspects of russian experimental medicine during the reign of Peter I 5
- Лапатин В. А.** Две модели катарсиса в культурной традиции Европы 12
- Поликарпова Д. А.** Языковые подходы в теории кино: движение против киноязыка 24

СОЦИОЛОГИЯ

- Щербина А. В.** Технократическая вера или гражданское общество: размышления о типологических понятиях социологии 34
- Петрова И. В.** Образовательный процесс настоящего как состояние социальной системы будущего 48
- Оюунтуяа Г.** Общественное мнение населения о миротворческой деятельности военнослужащих Монголии 60
- Солдатов А. А.** Проблемы регулирования рынков в современном мире 66

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

- Степанова Н. В.** Персуазивность vs эвазивность: стратегии в современном политическом интервью 79
- Beloglazova E. V.** Russkij jazyk in native english-language fiction: towards the poetics of russisms in non-russian literature 90
- Flaksman M. A.** Sound imitative words in *Beowulf* 99
- Корчагина Е. П.** К вопросу о междисциплинарности фоносемантических исследований 112
- Правила для авторов статей** 124

CONTENTS

Original articles

PHILOSOPHY

Kovaleva T. V. Social and cultural aspects of russian experimental medicine during the reign of Peter I 5

Lapatin V. A. Two models of catharsis in the cultural tradition of Europe 12

Polikarpova D. A. Linguistic approaches in film-theory: a movement against film language 24

SOCIOLOGY

Shcherbina A. V. Technocratic belief or civil society: reflections
on the typological concepts of sociology 34

Petrova I. V. The present educational process as a state of the future social system 48

Oyuntuya G. Public opinion on the peacekeeping activity of Mongolian military personnel 60

Soldatov A. A. The problems of market regulations in the modern world 66

LINGUISTICS

Stepanova N. V. Persuasion vs evasion: strategies in political interview 79

Beloglazova E. V. Russkij jazyk in native english-language fiction: towards the poetics
of russisms in non-russian literature 90

Flaksman M. A. Sound imitative words in *Beowulf* 99

Korchagina E. P. On the issue of interdisciplinary aspects of phonosemantic research 112

Author's Guide 124

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2019-5-3-5-11>
УДК 130.2

Tatyana V. Kovaleva✉

Saint Petersburg State University

5, Mendeleev line, St. Petersburg, 199034, Russia

SOCIAL AND CULTURAL ASPECTS OF RUSSIAN EXPERIMENTAL MEDICINE DURING THE REIGN OF PETER I

Introduction. The aim of the article is to show medicine as a multifaceted science influenced by social and cultural aspects that determine its structure and national features.

Materials and methods. Historical, fiction and intellectual prose are chosen instruments of historical and literary discourses which determine its social and cultural aspects. The pathographic features of a medical discourse are taken from numerous examples of medical practices described in the fiction and scientific literature.

Results. By focusing on the doctrine of double effect this study aims to show the historical path of Russian state medicine formation since the XVI century and understand it by modern approaches of the contemporary science, biomedical ethics.

Discussion. One of the tasks is to show why modern medicine has such distinctive aspects and why Russian people demonstrate a specific attitude towards medicine and doctors. The special attention dedicated to one of the most popular Russian historical figures, Peter the Great, who had many skills and professions. The article shows him not only as a monarch, but also as a person with a keen interest in practical and experimental medicine, so he can be called an anatomist, surgeon, physician, dentist and intelligent collector.

Conclusion. The work analyzes social and cultural aspects which influenced the state medicine formation according to Peter I vision.

Key words: Peter I, history, Russian literature, Russian culture, education, medicine.

For citation: Kovaleva T. V. Social and Cultural Aspects of Russian Experimental Medicine During the Reign of Peter I. DISCOURSE. 2019, vol. 5, no. 3, pp. 5–11. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-3-5-11

Source of financing. The work was supported by a grant from the Russian Foundation for Basic Research (project № 18-011-00673 “Methodology of ethical expertise in the field of culture”).

Conflict of interest. Authors declare no conflict of interest.

Received 25.12.2018; revised 22.03.2019; published online 25.06.2019

Т. В. Ковалева✉

Санкт-Петербургский государственный университет

Менделеевская линия, д. 5, Санкт-Петербург, 199034, Россия

СОЦИАЛЬНЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ МЕДИЦИНЫ В ЭПОХУ ПРАВЛЕНИЯ ПЕТРА I

Введение. Цель данной статьи показать медицину как многогранную науку, на которую влияют социально-культурные маркеры, определяющие ее структуру и национальные особенности.

Материалы и методы. Инструментами исторического и литературного дискурса в определении ее социально-культурных особенностей выбраны историческая, художественная и интел-

© Tatyana V. Kovaleva, 2019

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

лектуальная проза. Выявленные особенности патографического характера медицинского дискурса были взяты из многочисленных примеров медицинской практики, описанных в художественной и интеллектуальной литературе.

Результаты исследования. Фокусируясь на доктрине двойного эффекта, ставилась задача показать исторический путь формирования российской государственной медицины, начиная с XVI в., и осмыслить ее с помощью современных подходов, выработанных в современной науке – биомедицинской этике.

Обсуждение. Одна из задач – показать, почему современная медицина имеет такие специфические аспекты и почему русские люди имеют специфическое отношение к медицине и врачам. Особое внимание уделено одной из самых популярных исторических личностей России – Петру Великому, который обладал многими навыками и профессиями. Он показан не только как монарх, но и как человек, увлеченный практической медициной и экспериментальной медицинской наукой, поскольку его в полной мере можно было назвать анатомистом, хирургом, врачом, стоматологом и интеллектуальным коллекционером.

Заключение. Проанализированы социально-культурные особенности, повлиявшие на становление официальной медицины согласно видению ее идеолога Петра I.

Ключевые слова: Петр I, русская литература, история, культура, медицина, образование.

Для цитирования: Ковалева Т. В. Социальные и культурные особенности русской экспериментальной медицины в эпоху правления Петра I // ДИСКУРС. 2019. Т. 5, № 1. С. 5–11. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-3-5-11

Источник финансирования. Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 18-011-00673 «Методология этической экспертизы в сфере культуры»).

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила 25.12.2018; принята к публикации 22.03.2018; опубликована онлайн 25.06.2019

Introduction. Biomedical ethics is a multifaceted science allowing not only to study actual problems and predict events but also to analyse facts of the world history as study cases providing patterns for future specialists. Real cases from medical practice are subjects of various novellas, thus fiction and scientific literature is a part of bioethics.

Many US and European medical universities have a humanities course in “literature and medicine”. Historically, this course was also taught to medical students at Russian universities until 1917. The main purpose of this course was to increase the general cultural level of a practitioner and make medical education more humanitarian. For that reason all medical students were involved into a process of learning and understanding of fiction, philosophical and religious literature. Usually this course was divided into two parts, namely medical literature analysis and literary analysis adaptation to the therapeutic values of medical profession. There were represented by descriptions of doctor's lifestyles and operations, literary and medical discussions on psychology, history of ideas emergence, audiovisual culture and etc. The discussion topics covered not only the fiction literature, but also scientific, non-fiction literature, memoirs and even the folklore.

Results and Discussion. The healing and speaking are etymologically connected in Russian language. Russian word “vrach” (doctor) derived from the verb to lie or to speak untruth [1, p. 315]. However, a modern interpretation of this word simplifies its meaning. The mystery of medical profession was the doctor's ability to enchant and deceive a disease. The healing is always associated with the art of persuasion and it is connected with speaking, fiction ideas and rhetoric. The sacrality of Russian traditional medicine was interrupted by an influence of foreign doctors. At that time, European medical direction took the place of Russian medicine due to doctors arriving from Europe. Traditional folk medicine was used to treat common people, and Russian nobility preferred the European medical treatment methods. The common Russian

people were hostile to a medical profession because of the predominance of foreigners in this field. Foreign doctors paid dearly for any unsuccessful treatment.

The first mention of a foreign doctor is found in the Chronicles of the XI century. The later Chronicles mentioned a foreign physician named Anton Nemchin, who treated a Tatar tsarevich on the order of Moscow Tsar Ivan III in 1483. Anton is the name of the physician, and Nemchin is his nickname [2, p. 235], which derived from German “mute, voiceless”. Usually, all foreigners were called Germans, because they did not speak Russian, meaning they were mute. They were often executed for the unsuccessful treatment. The typical foreign doctor in Russian folklore and theatrical plays of XVII–XIX centuries, oddly enough, appears as badly speaking, drinking alcohol and leading dissolute life. Russian Patriarch Joachim expelled from his house foreign doctors, which were sent to him by Tsar. He explained this action by saying that he would not allow to treat himself by doctors of another religion [3, p. 74]. Despite the fact that by the end of XVII century Russians had many medical professionals who studied Medicine from foreign teachers, Russian students were still afraid to deal with them (according to official records). Russians thought foreigners could desecrate them.

Russian official medicine as a state institute still did not exist even by the end of the XVII century. Creation of this state institute, search for students willing to study medicine from the foreign physicians, and development of the medicine as a science was a decision of Peter the Great. Peter I went to his first foreign journey in 1697. The anatomy was very popular in Europe at that time. The big cities used to have anatomical theaters where everybody could see the public autopsy. In Amsterdam Peter was introduced to the famous European scientist and anatomist Frederik Ruysch (1638–1731).

Ruysch had a large collection of 600 anatomical specimens. He was interested in corpses preservation practical tasks and blood vessels structure studies. He developed the first balsamic liquor to fill the blood vessels, which recipe was later redeemed by Peter and stored in the strictest secret. The objects of the particular anatomical interest of Ruysch were dead children and newborns. He created the anatomical installations, which enraptured spectators by their beauty and aesthetics. He liked to use cambric short sleeves and lace sleeves in his installations. Aesthetic installations in a form of body parts and materials enraptured spectators by their beauty and allegorical nature. For example, there was one where the hand of a child held the heart of an adult. Thus, not only the denial of death was present here, but also its beauty and imperishability, and phantasmagoria of the body. Ruysch was at the forefront of creating the “anatomical art” direction, which is popular in modern world. In this regard, it is possible to recall the famous German anatomist Gunther von Hagens [4], who invented the method of corpses preservation known as chemical plastination, which allows for their further sculptural processing. At the end of the XVII century a new type of tourism, anatomic tourism, came to Europe. Many people wanted to see the Ruysch's collection.

“One says Peter I saw in his cabinet the excellently prepared corpse of the child smiling to eternal life. He did not restrain and kissed it” [5, p. 9]. Scene with Peter kissing the embalmed corpse of the child will become popular in the foreign and Russian historical literature. Holland historian Jan Scheltema was the first author who described this scene. In Russia only in XIX century Peter I became the target of historical and literary research by Russian writers. Member of the Saint Petersburg Academy of Sciences Peter Pekarsky retold this narrative in his book “Science and literature under Peter the Great” (1862) which he had read in the book written by Holland writer. Recently, historians Sergey Soloviev in his famous monograph “History of Russia” and Vladimir Kliuchevsky in “Lectures” repeated it. Thanks to them, this literary scene becomes popular in historical fiction about Peter I of XX century. Jury Tynianov in his historical novel “Wax figure” and famous writer Aleksey Tolstoy in his book “Peter I” used it.

Peter was very interested in anatomy and participated in anatomical theaters. Upon returning to Russia, Peter founded lectures on anatomy with demonstrations on corpses in Moscow in 1699. Tsar required his confidant boyars (his Royal court) attend these lectures. Sometimes people fainted, but Peter was merciless. He demanded reports about forthcoming autopsy or surgical operation in order to be present and even help with the operation. He subsequently learned how to skillfully anatomize bodies, release blood, extract teeth, and he did this willingly. He established the first military hospital in Russia and surgical schools. He invited famous European doctors for delivering lectures there, and they remained in the service of the Russian Tsar. However, his enthusiasm in medicine and education was not accepted by the Orthodox Church. Medical innovations conflicted with traditional healing practices. Traditional medicine used herbs and verbal folk magic. The sacrality of Russian traditional medicine did not conflict with Orthodox ideas, since it did not pretend to know human bodies. They frequently accused the doctors practicing European medicine with a desecration of graves and corpses stealing. Medical profession itself was a challenge to social and Christian morality. For example, “German doctor Quirin von Bremborg, who practiced in Moscow in 1630, was sent out of the country because the skeleton appeared in the window of his house” [6, p. 57–58]. The innovations of Peter complicated relations with the church. This became an additional impetus for the Peter's decision to separate the church from the state.

Orthodox tradition did not practice autopsy and embalming, as it was accepted in Catholicism. Such manipulations with a corpse considered as a violation of the customs of burial and mockery of the dead body. Public punishment was assigned for this. Up to the XX century it was common to believe that autopsy deprives a posthumous rest of a dead and makes this dead person a sinner, thus, deprives the right to have grave in a cemetery. In this case, they were buried outside a cemetery fence as outcasts or criminals. The family of sinner bore this disgrace entire life. Orthodox Church demanded a principle of integrity of a man from one side, and different approach to a human body from the other side. The traditional Orthodoxy required a special respect to a human body, and a dead person was not considered the corpse as in Europe, but it was a deceased intending to rise again with this body. European theological views on the anatomy changed under the action of anthropological ideas, where important central figure was a man. Andreas Vezalius, who laid foundations of the modern anatomy, argued that the anatomical dissections allow him to comprehend the perfection of the divine concept embodied in man. He wrote in the *Epitome*: “Different studies on the body harmony, which we constantly prophesy and which are completely unknown to a person himself, are written by us in order to explore the divine inspiration of the connections of organs, as the connections of the invisible acts of the creator, about a designation of which we are surprised” [7, p. 22]. The Renaissance scientists and artists justified their interest in the anatomy with the words of the Bible “for you created my inmost being; you knit me together in my mother's womb. I praise you because I am fearfully and wonderfully made” [8]. Moreover, since the XVI century the art of healing and anatomy became branches of a moral philosophy, which gives an understanding of the physiological and moral features of a man. Now interest in the body is theologically justified.

In the field of the medicine, Peter was a reformer, surgeon and dentist. His predilection to doctoring astonished many people close to him. In the book “Authentic anecdotes about Peter the Great, which I heard from the respected people in Moscow and Petersburg” (1785) [9] Peter seems to us partly a dentist. All people around Peter feared to admit that something aches, because Peter carefully examined the patient and prescribed his treatment. Often these were operations which the patient could not refuse. The Saint Petersburg Kunstkamera still stores the full bag of teeth torn out

by the Tsar and his dentist instruments. One day, one of the Peter's valets decided to punish his dissolute wife by saying Peter that she had the toothaches. Peter torn out her tooth despite the resistance of the lady. German artist Daniel Chodowiecki painted Peter, who is tearing out a tooth from the Polish gallant lady A. O. Kornilovih. It is well known, that Peter performed successfully quite complex operations. Peter loved treating patients himself and being treated.

Peter Berkhogolts, who was a contemporary of him, wrote in his diary that “the Tsar considered himself as a great surgeon, and in the last year he successfully made a big groin surgery. He is interested not only in practice, but also a theory of medicine, methods of healing and reasons of diseases and deaths”. [10, p. 101] The foundations of the anatomical and forensic pathology were laid by the Tsar. It forced physician anatomist to record all the circumstances of death. The scientific activity of Peter also had specific nature. He was fascinated by the eugenic ideas of the creation of progeny from the short and tall people. He arranged weddings of dwarfs and giants. One day, it was a wedding of Bourjois man with height of 226,7 cm and Finnish woman, who was even higher than the husband. However, to his great regret, this marriage did not confirm his theory about a possibility of designing tall people. Children of giants were born ordinary.

Science and art tend to demonstrate external and internal harmony, including a harmony of human body, and medicine always deals with innate or acquired deformities in the form of joints deformations, breaking bones, grown tumors and cysts.

In XVIII century Russia medical interest on deviations transformed from a comprehension of the appearance of such pathologies as the decision of God or normal phenomenon to a something unique and strange. In Europe it was a tradition to have museum collections of natural wonders of organic and anatomical deformities since the Renaissance. Peter bought in 1717 from Ruysch his collection and placed it in the new museum of Petersburg named “Kunstkamera” [11]. The exhibits which demonstrate pathologies and physical deviations from the standard were unique. The entrance into the museum was free on the decree of Peter. Snacks and drinks were given to every visitor. The museum was created in the tradition of European wonder-rooms. The monsters of exhibition were displayed with intention not to scare, but to emotionally shock. A special scientific interest was in the examination of the gradual development of a baby in the intrauterine state. Frequently pathology of newborn was explained by the female fright during her pregnancy. People with innate or acquired pathology were called monsters. Among the exhibits of Kunstkamera were the living monsters which astound visitors with their appearance. For example, one man named Foma was 126 cm tall, and in addition he had only two fingers on both his hands and feet. Traditionally, Russians respected such uncommon people, since their strange appearance caused mystical feelings in people. Orthodox religion required a good attitude to these people, because the God marked them, therefore, it was a great sin to offend them.

Conclusion. Positioning himself as a doctor had an ideological value for Peter the Great. The paternal relationship model between a doctor and patient implies the distribution of roles in this interaction. Doctor is a pater, and patient is a child. The pater has many children, as well as the doctor has many patients. Pater relates to the God, and sometimes becomes the personification of God, such a Demiurge, who decides fates of people. Peter changed the life of Russian people bringing a lot of new things into their patriarchal life. The theme of the manifestation of divinity also interested Peter. Holiness of a man in Russia is determined by a good behaviour during his life and incorruptibility of his body after his death. However, Peter the Great did not want to be religious miracle, he rather wanted to be proclaimed the lord of Nature.

REFERENCES

1. Sreznevskii, I.I. (1989), *Slovar' drevnerusskogo yazyka* [Old Russian Dictionary], vol. 1. Kniga Publ., Moscow, Russia.
2. "The Sofia Second Chronicle" [Sofiiskaya vtoraya letopis'] (1853), Polnoe sobranie russkikh letopisei izdannoe po vysochaishemu veleniyu Arkheograficheskoyu kommissieyu. [Complete collection of Russian chronicles, issued by the highest order of the Archeographic Commission], vol. 6. Tipografiya Eduarda Pratsa, SPb., Russia, available at: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01004161801#?page=240> (accessed 08.09.2018).
3. Barsukov, N.P. (1879), *Zhitie i zaveshhanie svyateishego patriarkha Ioakima* [Life and testament of Patriarch Joachim]. Tipografiya V. S. Balasheva, SPb., Russia.
4. Engber, D. The Plastinarium of Dr. von Hagens, available at: <https://www.wired.com/2013/02/ff-the-plastinarium-of-dr-von-hagens/> (accessed 08.09.2018).
5. Pekarskii, P. (1862), *Nauka i literatura v Rossii pri Petre Velikom: issledovanie P. Pekarskogo* [Science and Literature in Russia under Peter the Great: a study of P. Pekarsky], vol. 1. Izдание Tovarishhestva "Obshchestvennaya pol'za" Publ., SPb., Russia.
6. Zagoskin, N.P. (1891), *Vrachi i vrachebnoe delo v starinnoi Rossii* [Doctors and medical practice in ancient Russia]. Tipografiya Imperatorskogo universiteta, Kazan, Russia.
7. Vezalius, A. (1544), Epistola, docens venam axillarem dextri cubiti in dolore laterali secandam: et melancholicum succum ex venae portae ramis ad sedem pertinentibus, purgari, available at: <https://archive.org/details/hin-wel-all-00002299-002/page/n6> (accessed 08.09.2018).
8. Psalm 139:13-14, available at: <https://www.bible.com/ru/bible/111/PSA.139.13-14.niv> (accessed 08.09.2018).
9. Stählin, J. von. (1785), *Original-anekdoten von Peter dem Großen: Aus dem Munde angesehener Personen zu Moskau und Petersburg vernommen und der Vergessenheit entrissen*. Leipzig, DE.
10. Berkhgol'ts (1860), *Dnevnik kamer-yunkera Berkhgol'tsa, vedennyi im v Rossii v carstvovanie Petra Velikogo s 1721-go po 1725-yi god* [Chamber-Junker Berkhgol'ts's Diary, Kept by Him in Russia during the Reign of Peter the Great from 1721 to 1725]. Pt 4. Tipografiya Katkova i K, Moscow, Russia, available at: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003830680#?page=1> (accessed 08.09.2018).
11. Museum "Kunstkamera", available at: <http://kunstkamera.ru/en/> (accessed 08.09.2018).

Tatyana V. Kovaleva – Candidate of Philosophical Sciences (2007), Associate Professor at the Department of Ethics, Saint Petersburg State University. The author of 32 scientific publications. Area of expertise: bioethics, philosophy biology, ethics expertise, professional ethics. E-mail: trandafir@yandex.ru

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка: в 3 т. Т. 1. М.: Книга, 1989.
2. Софийская вторая летопись // Полн. собр. русских летописей, изданное по высочайшему велению Археографической комиссии. Т. 6. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1853. С. 117–365. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01004161801#?page=240> (дата обращения: 08.09.2018).
3. Барсуков Н. П. Житие и завещание святейшего патриарха Иоакима. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1879.
4. Engber D. The Plastinarium of Dr. von Hagens. URL: <https://www.wired.com/2013/02/ff-the-plastinarium-of-dr-von-hagens/> (дата обращения: 08.09.2018).
5. Пекарский П. Наука и литература в России при Петре Великом: исследование П. Пекарского: в 2 т. Т. 1. СПб.: издание Тов-ва «Общественная польза», 1862.
6. Загоскин Н. П. Врачи и врачебное дело в старинной России. Казань: Тип. Имп. ун-та, 1891.
7. Vezalius A. Epistola, docens venam axillarem dextri cubiti in dolore laterali secandam: et melancholicum succum ex venae portae ramis ad sedem pertinentibus, purgari. 1544. URL: <https://archive.org/details/hin-wel-all-00002299-002/page/n6> (дата обращения: 08.09.2018).

8. Psalm 139:13–14. URL: <https://www.bible.com/ru/bible/111/PSA.139.13-14.niv> (дата обращения: 08.09.2018).

9. Stählin J. von. Originalanekdoten von Peter dem Großen: Aus dem Munde angesehenen Personen zu Moskau und Petersburg vernommen und der Vergessenheit entrissen. Leipzig. 1785.

10. Берхгольц. Дневник камер-юнкера Берхгольца, веденный им в России в царствование Петра Великого с 1721-го по 1725-ый год / пер. с нем. И. Ф. Аммон: в 4 ч. Ч. 4. М.: Тип. Каткова и К°, 1860. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003830680#?page=1> (дата обращения: 08.09.2018).

11. Museum «Kunstkamera». URL: <http://kunstkamera.ru/en/> (дата обращения: 08.09.2018).

Ковалева Татьяна Викторовна – кандидат философских наук (2007), доцент кафедры этики Санкт-Петербургского государственного университета; автор 32 научных публикаций. Сфера научных интересов: биоэтика, философия биологии, этическая экспертиза, профессиональная этика. E-mail: trandafir@yandex.ru

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2019-5-3-12-23>
УДК 130.2:159.96

В. А. Лапатин✉

Военно-космическая академия имени А. Ф. Можайского
Ждановская ул., 13, Санкт-Петербург, 197082, Россия

ДВЕ МОДЕЛИ КАТАРСИСА В КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ ЕВРОПЫ

Введение. Современное социокультурное пространство Запада отличается от предшествующих ему исторических эпох отсутствием институализированных практик катарсиса. Такое положение дел создает трудности для представителей современной культуры, так как в отсутствие адекватных очистительных практик обостряется проблема очищения от страданий. В силу этого, приобретает особую значимость исследование существовавших в культурной традиции Европы моделей катарсиса.

Материалы и методы. Методологически работа базируется на культурфилософском анализе первоисточников и исследовательской литературы.

Результаты. Катарсис понимается как временное очищение субъекта от страданий за счет особого опыта исчерпания самости. Самость несет в себе негативность и ограниченность, а также продуцирует значительную часть страданий, переживаемых человеком. Автор, используя терминологию Ф. Ницше, выделяет «дионисийскую» и «аполлоническую» техники достижения катарсиса. «Дионисийская» модель предполагает преодоление самости и единение со всей совокупностью бытия в иррациональном акте экстаза. «Аполлоническая» катартическая техника, напротив, связана с аскезой и сосредоточением. Она предполагает развитие способностей к созерцанию с тем, чтобы впоследствии пресечь спонтанную активность ума и «умертвить» самость. Катартические практики рассматриваются на примере античных мистерий, неоплатонической философии и исихазма.

Обсуждение. Таким образом, результатом исследования является выделение двух моделей катарсиса в культурной традиции Европы.

Заключение. Будучи противоположными по методу, они совпадают по цели, каковой является достижение состояния недвойственности – отсутствия разделенности на субъект и объект по исчерпанию самости. Такой опыт автор полагает предельным для человеческой экзистенции и называет его «антропологическим максимумом».

Ключевые слова: катарсис, страдание, антропологический максимум, недвойственность, экстаз, аполлонизм, дионисийство, мистерии, неоплатонизм, исихазм.

Для цитирования: Лапатин В. А. Две модели катарсиса в культурной традиции Европы // ДИСКУРС. 2019. Т. 5, № 3. С. 12–23. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-3-12-23

Источник финансирования. Инициативная работа.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила 22.02.2019; принята к публикации 20.03.2019; опубликована онлайн 25.06.2019

V. A. Lapatin✉

Mozhaisky Military Aerospace Academy
13, Zhdanovskaja Str., St. Petersburg, 197082, Russia

TWO MODELS OF CATHARSIS IN THE CULTURAL TRADITION OF EUROPE

Introduction. The modern western socio-cultural space differs from the preceding historical eras by the absence of institutionalized practices of catharsis. This creates difficulties for representatives of contemporary culture, since the

© В. А. Лапатин, 2019

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

question of suffering becomes more acute in the absence of relevant purification practices. Thereby the study of catharsis models that existed in the cultural tradition of Europe is particularly important.

Materials and methods. *The present work methodology is based on the accepted in philosophy of culture analysis methods of primary sources and research literature.*

Results. *The catharsis is understood as a temporary purification of a subject from the suffering through the specific experience of deliverance from the self. The self carries within negativity and illiberality, and also produces a large amount of suffering which man endures throughout life. The author distinguishes in terms of Nietzsche's philosophy the Dionysian and the Apollonian catharsis techniques. The Dionysian model implies the overcoming of the self and its further unity with the totality of being by means of an irrational act of ecstasy. On the contrary, the Apollonian catharsis technique is related to an austerity and concentration. It implies the development of contemplation powers in order to stop the spontaneous mind activity and "to mortify" the self afterwards. The catharsis practices are examined on the examples of ancient mysteries, Neoplatonism and hesychasm.*

Discussion. *The result of the research is the distinction between two models of catharsis in the cultural tradition of Europe.*

Conclusion. *Methodologically opposite models of catharsis are similar in their goal, which is the attaining of non-duality manifested through the absence of separation between the subject and the object after the deliverance from the self. The author considers this experience as the ultimate for human existence and calls it the "anthropological maximum".*

Key words: Catharsis, suffering, anthropological maximum, non-duality, ecstasy, Apollonianism, Dionysianism, mysteries, Neoplatonism, hesychasm.

For citation: Lapatin V. A. Two models of catharsis in the cultural tradition of Europe. DISCOURSE. 2019, vol. 5, no. 3, pp. 12–23. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-3-12-23 (Russia).

Source of financing. Initiative work.

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received 22.02. 2019; revised 20.03.2019; published online 25.06.2019

Введение. Если сравнить современное социокультурное состояние Запада с более ранними историческими эпохами, то помимо остальных можно заметить одно существенное отличие: в культурах прошлого находилось место для специальных – разной степени институализации – практик, предполагающих кратковременное освобождение субъекта от всякого личностного содержания, а вместе с тем и страдания, поскольку то, что именуют «личностью», до известной степени тождественно страданию и обнаруживается через страдание. Такие практики можно назвать «катартическими». Ярким их примером были древнегреческие мистерии. Безотносительно их содержания можно заключить, что катартическое содержание находило институциональное оформление в культуре античных полисов.

Нормативные позиции социокультурного пространства современности блокируют многие антропологические размерности, в том числе и те, что сопряжены с глубокими очистительными переживаниями. С точки зрения тенденций развития современной западной культуры, катартические практики прошлых эпох в целом не только не нормативны, но и не вполне легитимны. Они базировались на основе представлений о возможности преодоления человеком личностных границ и достижения тождества с трансцендентной реальностью. В высокоразвитых техногенных обществах идея трансцендентного подверглась инфляции, а сам по себе интенсивный духовный опыт, отвечающий катарсису, порождает у представителей современной культуры – в своей основе материальной – недоверие. В отдельных случаях оно и вовсе может перерасти в остракизм. Так, допустимый и часто ассоциируемый в прошлом со святостью особый опыт мистического единения верующего сознания с трансцендентным божеством сегодня может восприниматься как патология.

Между тем даже испытывая научный скепсис в отношении идеи объективного существования трансцендентного мира, просвещенный субъект не склонен считать человеческое стремление к нему нездоровым. Оно диктуется наличием у человека потребности вырваться из оков наличного существования. Таким образом, проблема очищения от страданий никуда не исчезает, и в современной культуре должно быть нечто, что в каком-либо виде исполняет функции, аналогичные тем, которые брали на себя институализированные практики катарсиса.

Например, к аналогичной цели устремлены психотехники наподобие ребефинга и холотропного дыхания, однако они имеют неоднозначную репутацию и занимают маргинальное положение внутри психотерапевтического дискурса. В одной из наших предыдущих работ, посвященной проблеме катарсиса, говорилось, что место, которое в древности занимали мистерии, а затем образовавшаяся на их основе античная драма, сегодня стали занимать новости [1, с. 961]. Новостная повестка концентрируется преимущественно на негативных событиях, поэтому в современном «обществе спектакля» люди переживают коллективное единство, наблюдая за представлением больших трагедий (стихийных бедствий, террористических актов, техногенных катастроф, военных конфликтов и т. п.) в информационном пространстве. Дальнейшее рассуждение приводит к выводу, что наблюдение за большой бедой «по телевизору» дарует современникам «ложный катарсис», вызывая не столько сострадание и, как следствие, временное очищение, сколько, выступая для обывателя в лучшем случае средством анестезии, а в худшем, провоцируя гнев и другие отрицательные эмоции, предполагает последующее возвращение к безразличному и одновременно полному тягот повседневному существованию.

Поскольку потребность людей в катарсисе осталась и сегодня, а адекватные и легитимные катартические практики, способные полноценно удовлетворить эту потребность, находятся в дефиците, представляется актуальной работа, целью которой было бы рассмотрение моделей реализации катарсиса в прошлые эпохи. Таким образом, объектом исследования является социокультурное пространство Европы, а предметом – катартические практики, осуществлявшиеся в нем. Новизна объясняется анализом и классификацией существовавших в западном мире социокультурных практик, а также – систематизацией некоторых подходов к феномену катарсиса в философской литературе.

Материалы и методы. Представленные в работе выводы опираются на методологию философской антропологии и философии культуры. Философско-антропологическая компонента проявляется в изучении глубоких, предельных для человеческого сознания переживаний, соответствующих катарсису и отнесенных к категории «антропологического максимума». Культурфилософская составляющая реализуется в представлении эйдетического пространства, стоящего за катартическими практиками и служащего им идеологическим фундаментом. Исследование базируется на материале философской литературы, относящейся как к первоисточникам (Аристотель, Платон, Плотин, Ф. Ницше), так и к научным исследованиям по теме (Э. Р. Доддс, С. С. Хоружий, Е. А. Торчинов, Г.-Г. Гадамер).

Результаты исследования. Изложение результатов исследования целесообразно начать с уточнения того, что именно в настоящем тексте подразумевается под катарсисом.

Философская концептуализация этого понятия восходит к «Поэтике» Аристотеля. Гений Стагирита заключался в том, что он разглядел в драматическом искусстве нечто большее, чем развлечение или удовлетворение эстетических потребностей. Спустя несколько

тысячелетий эта идея стала «общим местом» в гуманитарном знании, но, если вдуматься, она достаточно нетривиальна: «трагедия есть подражание действию важному и законченному... совершающее путем сострадания и страха очищение (*κάθαρσις*) подобных страстей» [2, VI, 49 b24–28]. Иначе говоря, сопереживая героям трагедии, зритель как бы «обнуляет» на время собственные страдание и страх и очищается.

Заслуживает внимания замечание Аристотеля о том, каким должен быть герой трагедии: «тот, кто не отличается особенной добродетелью и справедливостью и впадает в несчастье не по своей негодности и порочности, но по какой-нибудь ошибке» [2, XIII, 53 a8–10]. Поскольку под это описание подходит почти любой человек, очистительная сила трагедии заключается в том, что каждому из нас относительно легко идентифицировать себя с персонажем на сцене и начать сострадать ему. Катарсис проистекает из того, что по окончании действия мы радуемся тому, что горести и страдания выпали не на нашу долю, а случились с вымышленным персонажем, который очень на нас похож. Мы пережили ужас, но он, однако, не имеет реального отношения к нашей жизни.

При всей нетривиальности аристотелевской мысли в ней есть нечто сомнительное. Трудно представить, как страх, будучи омрачением ума и разновидностью страдания, может очищать от него же. Можно сослаться на то, что переживание сильного, концентрированного, но небольшого по длительности страдания исчерпывает «большое страдание», сопровождающее нашу жизнь, подобно тому, как небольшая порция яда может оказаться лекарством. Однако сомнительно, чтобы такая «терапия» обладала пролонгированным действием, поскольку, чтобы описанная Аристотелем модель катарсиса работала, недостаточно воздействовать на отдельные эстетические модальности зрителя.

Современные экспериментальные данные скорее не подтверждают теорию катарсиса. Например, «изучение зрительских эффектов от просмотра сцен насилия по телевидению предоставило мало свидетельств в пользу катартического воздействия»; аналогично драматическое искусство «должно оставлять зрителей приблизительно с теми же эмоциями, с которыми они пришли» [3, р. 148]. Что на фильмы ужасов, что на трагедии люди в основном приходят не очиститься от страстей, а наоборот, испытать еще более сильное возбуждение. Хотя есть свидетельства того, что в Античности драматическое искусство воспринималось зрителем иначе, поскольку греческий театр был «религиозного происхождения» и «носил сакральный характер» [4, с. 157], все равно аристотелевская теория катарсиса представляется сегодня несколько спекулятивной, а сама античная драма видится профанацией мистериального культа и началом закономерного процесса превращения культового действа в современный светский вид искусства.

Следует уточнить понятие катарсиса. Подлинный катарсис во всех своих аспектах не должен сопровождаться страданием даже в качестве «спасительного яда» в гомеопатических дозах. Важно уточнить, что страданием, с нашей точки зрения, следует считать не отдельные случаи физической или психологической боли – это лишь крайние формы его манифестации, – а в целом весь наш опыт, сопровождаемый дискурсивным сознанием и атрибутируемый воображаемому единству Я (эго, личности, самости). Если проанализировать этот опыт, то можно обнаружить, что в нем не находится места для сколько-нибудь продолжительного состояния полной удовлетворенности или счастья. Напротив, человек подспудно в той или иной степени испытывает постоянную тревогу, беспокойство, стресс и ничем не устранимый фоновый дискомфорт. Эти феномены сознания могут быть незна-

чительными, но именно их перманентное наличие, как кислота понемногу разъедает нашу жизнь, пока наконец нас не настигнут старость, болезни и смерть. Или просто смерть, минуя старость и болезни. Такое положение дел не устраняется отдельными эпизодами переживания приятных эмоций и удовольствия; его невозможно одолеть, стяжав славу, богатство, власть и высокое положение в социальной иерархии – все эти вещи, на деле, являются лишь аспектами куда более широкой логики страдательного существования. Таким образом, страдание сопровождает нашу жизнь от рождения до гроба все то время, пока тело неустанно стремится к состоянию органического удобрения почвы.

Страданию подвержены все живые существа, но человеческое положение осложняется наличием так называемой «самости». Дело не столько в том, что она позволяет помимо претерпевания тягот еще и осознавать их, сколько в том, что она до известной степени и продуцирует страдание. Каждому знакомо состояние пробуждения утром, когда из грез мы проваливаемся в тяжесть тела и на нас наваливаются тяготы бытия. Минутами ранее ничего подобного не было вовсе не потому, что мы испытывали наслаждение от сновидений (наслаждение – лишь аспект страдания), а потому, что в течение ночи на время, когда сон не сопровождался сновидениями, полностью исчезал «производитель» и «дистрибьютор» страдания – субъект, наделенный самостью. Отсюда можно заключить, что окончательное очищение от страданий возможно лишь при условии устранения личностного содержания.

По исчерпанию самости не остается места страдательному существованию, так как в буквальном смысле становится «нечем страдать». Если бы достижение такого состояния было возможно, это и был бы катарсис. Такой катартический опыт может именоваться по-разному: «символическая смерть», «смерть эго», «экстаз», «нирвана», «пограничная ситуация», «опыт абсурда», – но во всех случаях предполагаются очищение от ограниченности эго и достижение недвойственности – отсутствия видения мира разделенным на субъект и объект.

В теоретическом отношении не столь важно, насколько такое состояние реализуемо. Из того, что наш разум способен образовывать представления о чем-то совершенно ненаблюдаемом в эмпирической действительности, не следует, что эти представления ничтожны, поскольку они способны определять поведение людей и тем самым преобразовывать действительность, в том числе эмпирическую. Различные философские и религиозные традиции считают состояние недвойственности достижимым, а значит, ничто не мешает рассматривать их в катартическом аспекте благодаря тому, что они предполагают освобождение субъекта от страданий путем устранения самой субъективности. Но, даже отвлекаясь от сложных в идеологическом отношении религиозно-философских учений, можно заметить, что многие человеческие действия диктуются желанием человека преодолеть границы самости и избавиться от бремени индивидуального существования. Спектр этих действий чрезвычайно разнообразен: экстремальные виды спорта, медитация, различные техники изменения сознания, интенсивные физические нагрузки, умерщвление плоти и многое другое. Часть этих практик носит деструктивный характер и иной раз грозит человеку смертью, что должно объясняться тем, что при наличии потребности преодолеть ограниченность опыта самости современная культура не предоставляет легитимных каналов ее реализации. Человек – существо социокультурное, и все свои потребности он удовлетворяет регламентированными обществом и культурой способами, в то время как недостаток или отсутствие последних опасно для него. Собственно, институализация катартических практик в прошлом

преследовала цель дать человеку возможность при жизни пережить символическую смерть во временном растворении самости взамен и прежде буквальной смерти.

Анализируя культурную традицию Европы, можно выделить две модели, или две техники достижения катарсиса в представленном выше смысле. Они противоположны по методу, но одинаковы в своем целеполагании, которое состоит в преодолении индивидуальной ограниченности эго, очищении от самости и обретении состояния недвойственности. Первая модель предполагает достижение катарсиса посредством иступления, т. е. экстаза; вторая – посредством глубокого сосредоточения. Чтобы в дальнейшем избавиться от неуклюжих порядковых числительных, для удобства, но далеко не всегда сохраняя верность авторскому пониманию, свяжем каждую из моделей с двумя началами в европейской культуре, выделенными Ф. Ницше. Соответственно, первую условно можно назвать «дионисийством», а вторую – «аполлонизмом».

«Дионисийский» способ достижения катарсиса заключается в том, чтобы интенсифицировать сверх предела психофизические функции. Тем самым должен достигаться выход индивида за пределы ограниченности, которые обуславливает узость эго. Собственно, греческое слово *ἔκστασις* и обозначает это состояние – «выход из себя».

Экстатическую технику достижения катарсиса можно проиллюстрировать следующей метафорой. Уподобим индивида закрытому сосуду с водой, который лежит на океанском дне. Сам океан в таком случае можно сравнить со всей совокупностью бытия. Если представить, что сосуд лопнул, то вода, которая была в нем, станет одним целым с океаном. Эта идея тождества, недвойственности, единения индивида с чем-то, что абсолютно его превосходит, не менее важна для «дионисийской» модели достижения катарсиса, чем собственно экстаз. Разбирая воздействие, которое оказывало на зрителя наследующее религии Диониса греческое трагическое искусство, Ф. Ницше пишет о «радости об уничтожении индивида», которая заключается в том, что «мы действительно становимся на краткие мгновения самим Первосущим и чувствуем его неукротимое, жадное стремление к жизни, его радость жизни» [5, с. 110–111]. Дионис – бог виноделия, а само дионисийство на пути очищения не признает никаких нравственных ограничений. Оно ставит целью отождествление человека со слепой и неукротимой тотальностью природного мира и, следовательно, поощряет в человеке следование самым жестоким и необузданным страстям.

Мистерияльные культы, с упоминания которых начался этот текст, являются примером «дионисийской» катартической практики. Э. Р. Доддс объяснял его социальный смысл тем, что дионисийский ритуал «очищал индивида от тех заразительных иррациональных импульсов, которые, возникнув, делают возможными... вспышки хореи [пляски святого Витта] и другие проявления коллективной истерии; он освобождал, проявляя эти импульсы, давая им ритуальную отдушину» [6, с. 117]. Сравнительный анализ различных культур, в которых имелись аналогичные практики, показывает, что средствами достижения экстатического состояния могут быть музыка, танцы, вино или психоактивные вещества (в Элевсинских мистериях использовался, к примеру, напиток кикеон) – все, что способно максимально интенсифицировать психофизиологические процессы и способствовать тому, чтобы «сосуд треснул».

Иную модель катарсиса предлагает «аполлонизм». Если в случае с «дионисийством» приводилась метафора с сосудом на дне океана, то «аполлоническую» катартическую технику можно сравнить с остановкой ядерного реактора, в котором протекает цепная реакция.

Прекратить радиоактивный распад невозможно; можно лишь заглушить реактор. Так и наше сознание: оно может быть уподоблено цепной реакции, представляя собой непрерывный поток мыслей, образов, переживаний, фантазий и т. д., которые, в свою очередь, обуславливают следующие акты сознания. Человеку доступно управление лишь небольшой частью этих процессов – например, мы можем выбирать предмет размышления, но не можем силой воли остановить сам процесс мышления. Однако «аполлоническая» катартическая техника предполагает, что мы все-таки можем научиться на время глушить наш «внутренний реактор». Это возможно сделать посредством аскезы, долгой духовной практики и за счет развития способности сосредоточения. Если «дионисийство» связано с идеей недостаточности человека и предполагает использование внешних ресурсов (вино, музыка, танец и т. д.) для достижения экстаза, то «аполлонизм» исходит из того, что у человека для очищения все необходимое есть изначально. Напротив, ему необходимо отбросить все лишнее, оставить все отвлекающие факторы, которые и запускают «цепную реакцию»: бесконечный поток феноменов сознания, каждый из которых обусловлен предыдущим и обуславливает последующий. Мы вынуждены всю жизнь отвлекаться на обработку огромного количества случайных импульсов, возникающих в нашем уме, что и является причиной рассредоточенности и неудовлетворенности индивида. «Аполлоническая» линия понимает катарсис как возможность пресечь эту спонтанную активность сознания и тем самым очиститься от страдания.

Несмотря на то, что Ф. Ницше аполлоническое начало в философии возводит к Сократу, мы полагаем, что впервые в западной философской мысли эту модель катарсиса в наиболее удовлетворительном виде разработал Плотин, хотя аналогичные идеи встречались еще в религии орфиков, в пифагореизме и платонизме. Сам философ сообщает о своем необычном духовном опыте, случавшемся с ним, согласно Порфирию, четырежды [7, с. 438], в следующем отрывке: «Часто меня пробуждали из тела в самого себя, и я входил в себя, и возникал вне иных вещей; я видел Красоту, и меня охватывало великое изумление, я верил тогда в то, что более всего другого есть эта лучшая часть; я в действительности жил лучшей жизнью и становился тождественным с Божеством; утвердившись в Нем, я приходил в сознание высшей действительности, закрепляясь сверх всего в умопостигаемом; и потом, после этого стояния в Божестве, я нисходил из Ума в состояние рассуждения: и я затрудняюсь относительно этого нисхождения; как и тогда, и теперь я нисхожу. Как моя душа оказалась внутри тела?» [8, IV, 8, 1].

Больше прочего в этом отрывке обращает на себя внимание то, что божество Плотин полагает чем-то глубоко внутренним, подлинной частью нашей души, а тело – чем-то внешним, мешающим познанию истинной природы вещей. Это сильно отличает его подход от «дионисийского» экстаза. Тем удивительнее, что в отношении платоновской философии часто говорят об экстазе, хотя это слово в «Эннеадах» встречается лишь однажды (VI, 9, 11) и используется в специфическом смысле. Плотин исходит из того, что истинная часть человеческой души разумна – это логос, который имеет свое начало в Едином (трансцендентном первоначале всех вещей), в то время как тело, с которым смешана низшая часть души, является отвлекающим фактором, поскольку оно низводит нас до чувственных влечений и в целом заставляет ошибочно полагать, что чувственно-воспринимаемый мир существует на самом деле. Автор «Эннеад» еще более рельефно прорабатывает платоновскую идею катарсиса как очищения души от тела. Цель человека – стать тождественным Единому. Для этого нужно отбросить все, что заслоняет первоначало, в действительности не отделенное от нас.

Первое, что нужно отринуть, – это чувственные, вожделеющие интенции души. В отличие от «дионисийского» экстаза, «аполлонический» катартический опыт предполагает глубокое сосредоточение. Необходимо не интенсифицировать психофизические функции, а наоборот, остановить всякую активность (впрочем, если большую часть жизни человек проводит в погоне за удовлетворением чувственных влечений, то это не что иное, как пассивность, оно же страдание) души: сначала чувственную, а затем даже и дискурсивную.

Такую модель катарсиса допустимо называть «аполлонической» потому, что Плотин наследует рационалистической традиции античной философии и утверждает примат разума над другими аспектами человеческого существа, что отвечает ницшевскому пониманию аполлонизма: Аполлон – бог умеренности, самоограничения и созерцательности.

Плотин, считавший себя лишь комментатором Платона, изменил развитие мировой философии, повлияв, даже будучи языческим автором, на формирование христианского богословия. Влияние неоплатонического учения об отождествлении с Единым прослеживается в трудах Псевдо-Дионисия Ареопагита, Николая Кузанского и в традиции православного исихазма.

Так, финальной целью исихастской духовной практики является достижение так называемого «обожения» – отождествления души практикующего адепта с Богом, или, если точнее, с нетварными божественными энергиями. Как и в остальных катартических практиках, здесь обнаруживаются два аспекта: преодоление самости («обожение ставит обоженного человека вне его самого» [9, с. 72]) и достижение состояния недвойственности (отождествление с божественными энергиями). Используемый метод – аскетический, предполагающий не экстаз, а сосредоточение. Исихаст должен научиться полному внутреннему безмолвию (исихии) – остановке всех движений в уме, отсечению всех творимых душой образов, мешающих ее отождествлению с божественными энергиями. На пути к обожению практикующий должен непрестанно творить Иисусову молитву с тем, чтобы научиться концентрировать ум – в обычном состоянии подверженный спонтанной аффективной деятельности – на объекте созерцания, и практиковаться в психотехнике, во многом напоминающей медитацию индийских религий, хотя к этой аналогии исследователи относятся неоднозначно. Е. А. Торчинов, к примеру, напрямую говорит, что «экстаз (контекст позволяет определить, что автор использует слово «экстаз» не в смысле исступления. – В. Л.) в аскезе православия вполне аналогичен самадхи индийских традиций» [10, с. 340]. И хотя другой автор утверждает, что «исихазм не является школой медитации», поскольку «внутренняя деятельность здесь – не медитативное созерцание, но непрестанное творение молитвы Иисусовой, непрестанное обращение и устремление себя ко Христу» [11, с. 62], представляется, что это все же спор о словах, поскольку и адепты индийских религий говорят о медитативном недеянии как наиболее совершенной форме деятельности. В любом случае в мистике исихазма обнаруживается главная черта второй из представленных моделей катарсиса – глубокое сосредоточение, пресечение спонтанной активности сознания.

Обе модели катарсиса далеко не всегда существуют в чистом виде. Различные философские и религиозные учения могут по-разному концептуализировать конечную цель очистительных практик (например, истолковывать ее теистически или нетеистически). Однако при всем многообразии можно выделить универсальные отправные пункты, свойственные всем катартическим практикам. Универсальность проистекает из схожести социокультурных потребностей людей в разных обществах, в то время как любая интерпретация производна от уже сложившегося социокультурного опыта.

Обсуждение. Таким образом, значение научных результатов проведенного исследования состоит в том, что в нем была проанализирована проблема катарсиса в европейской культуре. Анализ позволил выделить две модели катартических практик, существовавших в социокультурном пространстве Европы в прошлые исторические эпохи. Можно отметить, что техники, которые складывались в течение многих столетий и должны были приводить к очистительным переживаниям, весьма многообразны, но их можно разделить на две группы, так как каждая из них в своем стремлении преодолеть индивидуальные границы личности прибегает как к средству либо к экстазу, либо напротив, – к глубокому сосредоточению. Разница в методах позволяет связать их с закрепившейся в гуманитарном дискурсе терминологией: с дионисийским и аполлоническим началами в европейской культуре.

Заключение. Важнейшей потребностью людей является избавление от страданий или, по крайней мере, их уменьшение. Более внимательное рассмотрение показывает, что страдательность имманентна феноменальному опыту и сопровождает практически каждый акт сознания. Отсюда рождается представление, что достичь освобождения от страданий можно при условии устранения носителя страдания – субъекта, наделенного самостью. Достижение такого состояния названо в этой статье «катарсисом».

Обозревая культурную традицию Европы, можно выделить две модели катарсиса, или два типа катартических практик. Они совпадают по цели, но различаются по способам достижения желаемого состояния. Обе модели базируются на представлении о возможности упразднения самости (преодоления ограниченности личности) и вытекающем из первого представлении о возможности достижения состояния недвойственности, которое выражается в отождествлении – в силу отсутствия самости – субъекта и объекта, соединении относительного бытия индивида с реальностью, представляемой им абсолютной. По причине исключительности такого опыта (если он вообще достижим) он нередко получает религиозно-мистическую интерпретацию.

Недвойственность можно назвать «антропологическим максимумом». В физической антропологии есть понятие антропологического минимума, которое обозначает минимальный набор признаков (бипедализм, противопоставление большого пальца кисти руки, некоторые особенности строения черепа и пр.), позволяющий отличить наш вид от других видов. Для философской антропологии следует признать максимумом предельные аспекты человеческого опыта, которые предполагают угасание субъекта с его ограниченными личностными характеристиками, поскольку за пределами такого опыта человек в привычном понимании прекращается.

Двумя способами преодоления самости могут быть: а) экстаз, который, если пользоваться ницшевской терминологией, соответствует «дионисийской» модели достижения катарсиса; б) глубокое сосредоточение, которое отвечает «аполлонической» модели.

«Дионисийство» предполагает, что ограниченность субъекта должна сниматься посредством экстремальной интенсификации психофизических процессов, которая должна приводить к экстазу (исступлению, эйфорическому выходу из себя). Для этого допустимо использовать такие ресурсы, как музыка, танец, опьянение. Абсолютная реальность, с которой должен отождествиться адепт, описывается как нечто внешнее. Примером институализации «дионисийской» модели катарсиса в западной культуре можно считать мистерияльные культы древности.

«Аполлонизм» связывает надежды на преодоление недостаточности личности с аскезой и развитием сосредоточения. В идеале это должно приводить практикующего к остановке всякой активности сознания, а значит, и к исчерпанию страдания, так как не остается

ся того, кто мог бы страдать. Абсолютная реальность при этом оказывается сколь трансцендентной, столь же и имманентной субъекту – ведь он, как правило, концентрируется на чем-то внутреннем. Поэтому то, с чем он стремится достичь недвойственности, часто интерпретируется как внутренняя сущность человека, которая подобно ясному небу в ненастный день скрыта в повседневном опыте за потоком отвлекающих мыслей, эмоций, фантазий, образов, страстей, которые и слагают так называемую «личность». Институализация катартических практик «аполлонического» толка осуществлялась в европейской культуре пифагорейцами, платониками, целым рядом христианских мистиков.

Отметим также, что, используя устоявшуюся в культурфилософском дискурсе терминологию, мы оставляем за собой право осуществлять дальнейшую интерпретацию «дионисийства» и «аполлонизма» способом, отличным от оригинала. Например, Ф. Ницше считает, что аполлоническое начало в культуре стремится всячески обезопасить человека от каких-либо сверхличностных переживаний и «пытается сохранить границы индивида» [5, с. 61]. Аполлонизм создает иллюзию, что мир законосообразен и постигается разумом. Именно это признание примата разума, ценности самоограничения и созерцательной жизни является ключевым, когда соответствующая модель катарсиса называется «аполлонической».

Отношение обеих моделей к дискурсивности заслуживает внимания. «Дионисийство» действительно полагает дискурсивное мышление негативным, ограничивающим фактором на пути к катарсису и приветствует необузданность. «Аполлонизм» высоко ценит разум, поскольку он позволяет различить правильное и неправильное, хорошее и плохое. Если бы мы не пользовались дискурсивной способностью, мы не смогли бы найти верный путь к освобождению, но в самом конце различающее сознание должно быть отброшено, так как оно привносит в мир двойственность и инаковость.

В «Рождении трагедии» аполлоническое и дионисийское начала резко противопоставляются. Однако есть основание полагать, что они взаимодополнительны. Нужно быть очень сильным человеком, чтобы выдержать испытание дионисийством. И еще более мужественным – чтобы не из трусливого малодушия, но из глубокого понимания добровольно отказаться от соблазнов, которые несет опьянение. Ведь даже если катартическое состояние недвойственности достижимо, оно не продлится вечно, и после придется возвращаться к обычному модусу сознания («низойти в состояние рассуждения», говоря словами Плотина). Здесь и проявляется разница «дионисийства» и «аполлонизма». Первое отменяет нравственные ограничения и заставляет чувствовать собственную исключительность, что чревато для адепта не достижением катарсиса, а деградацией личности. «Аполлонизм» с его умеренностью удлиняет путь к освобождению от страданий, но зато позволяет практикующему взрастить в себе добродетели. Именно этим объясняется его превосходство в западной культуре над «дионисийством», о чем досадует Ф. Ницше.

В известном смысле эта досада напрасна, так как между двумя началами европейской культуры нет непроходимой границы. Например, ничто не мешало Платону, которого Ф. Ницше «обвиняет» в насаждении аполлонических иллюзий, быть посвященным в дионисийские таинства и даже превозносить неистовство (*μανία*) религии Диониса. Так, в «Федре» утверждается, что «неистовство, которое у людей от бога, прекраснее рассудительности, свойства человеческого» [12, 244 d]. В целом, платоновское учение о душе содержит налет эзотерики и походит на философскую рационализацию орфической и пифагорейской религиозности. По аналогии с этим некоторые неоплатоники (например, Ямвлих), отталкиваясь

от рационалистической философии Плотина, приходили к магии и теургии, которые сам основатель неоплатонической школы считал суеверными и безнравственными (II, 9, 14).

Но самое главное обстоятельство, показывающее взаимодополнительность двух моделей катарсиса, состоит в том, что последний в качестве «антропологического максимума» обнаруживает недвойственность. Чисто логически она должна означать невозможность какого бы то ни было различия: между субъектом и объектом, между относительным и абсолютным, между имманентным и трансцендентным, между мышлением и объектом мысли и т. д. В отсутствие субъекта попросту некому различать. Если катарсис заключается в устранении самости и достижении недвойственности, это означает, что при всех различиях и «дионисийский» экстаз, и «аполлоновское» сосредоточение должны вести к одному и тому же конечному пункту.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лапатин В. А. Катарсическое измерение опыта абсурда // Молодой ученый. 2014. № 8 (67). С. 960–964.
2. Аристотель. Поэтика. Об искусстве поэзии / пер. В. Г. Апеллерота; ред. и коммент. Ф. А. Петровского. М.: Худ. лит., 1957.
3. McCauley C. When Screen Violence Is Not Attractive // Why We Watch: The Attractions of Violent Entertainment. NY: Oxford Univ. Press, 1998. P. 144–162.
4. Гадамер Г.-Г. О праздничности театра // Актуальность прекрасного. М.: Искусство, 1991. С. 156–165.
5. Ницше Ф. Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм // Избр. произведения / пер. с нем. К. А. Свасьяна и др. СПб.: Азбука-классика, 2003. С. 39–144.
6. Доддс Э. Р. Греки и иррациональное / пер. с англ. С. В. Пахомова. СПб.: Алетейя, 2000.
7. Порфирий. Жизнь Плотина // Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. М. Л. Гаспарова. М.: Мысль, 1986. С. 427–440.
8. Плотин. Четвертая эннеада / пер. с древнегреч. и послесл. Т. Г. Сидаша. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2004.
9. Григорий Палама. Святогорский томос / пер. Т. А. Миллера // Альфа и Омега. 1995. № 3 (6). С. 69–76.
10. Торчинов Е. А. Религии мира. Опыт запредельного: психотехника и трансперсональные состояния. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1998.
11. Хоружий С. С. Концепция совершенного человека в перспективе исихастской антропологии // Православная аскеза – ключ к новому видению человека. Саратов: б-ка Веб-Центра «Омега». 2000, С. 43–67.
12. Платон. Федр // Собр. соч.: в 4 т. Т. 2 / пер. с древнегреч. А. Егунова; общ. ред. Л. Ф. Лосева. М.: Мысль, 1993. С. 135–191.

Лапатин Вадим Альбертович – кандидат философских наук (2015), преподаватель кафедры истории и философии Военно-космической академии имени А. Ф. Можайского; автор 21 научной публикации. Сфера научных интересов: философия культуры, философская антропология, катартические практики, феноменология удовольствия и страдания, культура повседневности, современная культура. E-mail: lapatin.vadim@gmail.com

REFERENCES

1. Lapatin, V.A. (2014), "The cathartic meaning of the experience of the absurd", *Molodoi uchenyi*, no. 8 (67), pp. 960–964.
2. Petrovskii, F.A. (ed.) (1957), *Aristotel'. Poetika. Ob iskusstve poezii* [Aristotle. The Poetics. On the Art of Poetry] Translated by Appel'rot, V.G. Gos. izdatel'stvo khudozhestvennoi literatury, Moscow, Russia.

3. McCauley, C. (1998), "When Screen Violence Is Not Attractive", in Goldstein, J. (ed.) *Why We Watch: The Attractions of Violent Entertainment*, Oxford Univ. Press, NY, pp. 144–162.
4. Gadamer, G.-G. (1991), "About the Festival of Theater" *Aktual'nost' prekrasnogo* [The Relevance of the Beautiful], Iskusstvo, Moscow, Russia, pp. 156–165.
5. Nitsche, F. (2003) "Die Geburt der Tragödie oder Griechentum und Pessimismus", Translated by Svas'yan, K. A., *Izbrannye proizvedeniya* [Selected Works], Azbuka-klassika, SPb., Russia, pp. 39–144.
6. Dodds, E.R. (2000), *Greki i irratsional'noe* [The Greeks and the Irrational], Translated by Pakhomov, S. V., Aleteiya, SPb., Russia.
7. "Porfirij. Zhizn' Plotina" (1986), [On the life, teachings and sayings of famous philosophers], Translated by Gasparov, M.L., Mysl', Moscow, Russia, pp. 427–440.
8. Plotin. *Chetvertaya enneada* (2004), [Plotinus. The Fourth Ennead], Translated by Sidash, T.G., Izdatel'stvo Olega Abyshko, SPb., Russia.
9. "Gregory Palamas. Svyatogorsky Tomos" (1995), Translated by Miller, T.A., *Al'fa i Omega*, no. 3 (6). pp. 69–76.
10. Torchinov, E.A. (1998), *Religii mira: Opyt zapredel'nogo: Psikhotehnika i transpersonal'nye sostoyaniya* [Religions of the world: Experience of the beyond: Psychotechnics and transpersonal states], Peterburgskoe Vostokovedenie", SPb., Russia.
11. Khoruzhii, S.S. (2000), "The Concept of the Perfect Man in the Perspective of Hesychast Anthropology", *Pravoslavnyaya askeza – klyuch k novomu videniyu cheloveka* [Orthodox Austerity is a key to a new vision of a man], Biblioteka Veb-Tsentra "Omega", Saratov, Russia, pp. 43–67.
12. Losev, L.F. (ed.) (1993), "Platon. Fedr", Translated by Egunov, A., *Sobranie sochinenii v 4-kh t.* [Collected Works in 4 volumes], vol. 2. Mysl', Moscow, Russia, pp. 135–191.

Vadim A. Lapatin – Candidate of Philosophical Sciences (2015), Lecturer at the Department of History and Philosophy, Mozhaisky Military Aerospace Academy. The author of 21 scientific publications. Area of expertise: philosophy of culture, philosophical anthropology, cathartical practices, phenomenology of pleasure and suffering, culture of everyday life, modern culture. E-mail: lapatin.vadim@gmail.com.

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2019-5-3-24-33>
УДК 18; 7.01; 791.43.01

Д. А. Поликарпова✉

Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия

ЯЗЫКОВЫЕ ПОДХОДЫ В ТЕОРИИ КИНО: ДВИЖЕНИЕ ПРОТИВ КИНОЯЗЫКА

Введение. Под вопрос ставится корректность понятия «киноязык» как наиболее распространенного обозначения специфических кинематографических приемов, следствием которого стало формирование определенных зрительских установок в отношении фильма.

Материалы и методы. Предлагается определить три основных значения слова «киноязык» и проследить их формирование на материале классической и современной теории кино.

Результаты исследования. Излагаются основные кинотеоретические подходы, ориентированные на поиск аналогий между кино и языком (лингвистические, семиотические), приводится пример критики их основных положений на материале современной англо-американской философии кино, делается вывод о его теоретической несостоятельности.

Обсуждение. Намечаются возможные направления кинотеоретического движения по ту сторону языковых аналогий. Предлагается обратить внимание на те технические приемы кино, которые принципиально не имеют функции означивания; приводится пример минимальных кинематографических элементов, относящихся к аудиовизуальному полю самого кино; для дальнейшего обсуждения предлагается тезис о смене зрительской установки при просмотре с интерпретирующего «понимания» на чувственное «столкновение».

Заключение. Подчеркивается необходимость продолжения теоретической работы, для которой отказ от языковых аналогий и интерпретирующей позиции теоретика и зрителя сделает возможным движение в стороны разговора об автономном режиме существования кино.

Ключевые слова: киноязык, зрительское восприятие, интерпретация, коммуникация, семиотика, пост-теория, К. Метц, Ж. Делез, Н. Кэрролл.

Для цитирования: Поликарпова Д. А. Языковые подходы в теории кино: движение против киноязыка // ДИСКУРС. 2019. Т. 5, № 3. С. 24–33. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-3-24-33

Источник финансирования. Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект №17-03-00495 «Стратегии философского анализа кинематографического опыта»).

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила 26.02.2019; принята к публикации 16.04.2019; опубликована онлайн 25.06.2019

D. A. Polikarpova✉

Saint Petersburg State University
7/9, University emb., St. Petersburg, 199034, Russia

LINGUISTIC APPROACHES IN FILM-THEORY: A MOVEMENT AGAINST FILM LANGUAGE

Introduction. The correctness of “film language” concept as the most common designation of specific cinematographic techniques is questioned since it caused the formation of typical audience responses to a film.

Materials and methods. The work proposes to define three basic meanings of the “film language” concept and trace their formation on the basis of classical and modern film theory.

© Д. А. Поликарпова, 2019

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Results. *The main approaches of the film theory focus on an analogies search between cinema and language (linguistic, semiotic). The example of their basic assertions criticism on the basis of a modern Anglo-American film philosophy is given, thus resulting in the conclusion of their theoretical inadequacy.*

Discussion. *Possible directions of film theory movement beyond language analogies are outlined. It is proposed to note the film techniques that in principle do not have the designation function. An example of the minimum cinematic elements related to the audio-visual field of the cinema itself is provided. The thesis on changing the typical audience viewing responses from an interpretive "understanding" to a sensual "encounter" is proposed for further discussion.*

Conclusion. *It is necessary to continue the theoretical work which refuses linguistic analogies and interpretive position of theorist and viewer and makes movement towards a conversation on the autonomous existence mode of cinematography possible.*

Key words: *Film language, audience perception, interpretation.*

Key words: Film language, audience perception, interpretation, communication, semiotics, post-theory, C. Metz, G. Deleuze, N. Carroll.

For citation: Polikarpova D. A. Linguistic approaches in film-theory: a movement against film language. DISCOURSE. 2019. vol. 5, no. 3, pp. 24–33. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-3-24-33 (Russia).

Source of financing. The work was supported by a grant from Russian Foundation for Basic Research (project No. 17-03-00495 "Strategies for philosophical analysis of cinematic experience").

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received 26.02.2019; revised 16.04.2019; published online 25.06.2019

Введение. Очевидно, что любой текст, чей пафос строится на желании нечто опровергнуть, вызывает оправданные сомнения. Предложение «негативных программ», которые в первую очередь манифестируют движение-против, может быть справедливо обвинено в незавершенности. Выдвижение негативного тезиса требует продолжения в виде позитивной альтернативы. Вместе с тем, не менее очевидно, что предложение нового подхода возможно только в диалоге с уже существующими, а потому тщательный анализ теоретического поля, поиск свойственных ему проблем и комментариев к актуальным для него вопросам – исходный пункт любого исследования.

Полемика, которую хотелось бы развить данной статьей, принадлежит полю теории кино и также отталкивается от негативного тезиса. Сформулировать его можно как «движение против *киноязыка*» – одного из самых распространенных понятий классической и современной теории и философии кино. Конечно, за войной против понятия скрывается не столько интерес к словам, сколько к тому типу взаимодействия с фильмом, который выражается посредством них. Взгляд на кино как язык – это не просто маргиналия, на которую можно было бы не обращать внимания, уверенно предлагая собственные ходы. Это то, что можно назвать доминирующей, магистральной линией мысли о том, из чего кино состоит, как и для чего существует, как и с помощью чего воспринимается. Не соглашаться с кино как языком, таким образом, значит не просто спорить о словах, но вступать в дискуссию с целой системой представлений, которая навязчиво воспроизводится большинством существующих теоретических и философских подходов к кино.

Для ревизии такого рода потребуется разъяснение диспозиции (*в каком смысле киноязык?*), анализ современного полемического состояния (какие теории рассуждают о киноязыке?) и, наконец, формулирование собственной негативной программы, в которой уже может просматриваться движение в сторону позитивной.

Материалы и методы. В первую очередь необходимо более точно разобраться в том, что понимается под термином «киноязык» в теории и философии кино, тем более что его по-

всеместное употребление сделало строгую когда-то аналогию, требовавшую разговора о грамматике, синтаксисе и словаре кино, крайне размытой. Слово «киноязык» вошло в обиход пишущих о кино задолго до появления теорий, которые задавались конкретными методологическими вопросами по поводу языковой специфики нового медиа. Понятие «киноязык» достаточно быстро превратилось в штамп и употреблялось как синоним «кино» даже в текстах режиссеров, настаивающих на исключительно (аудио)визуальном характере кино, отличном от человеческой коммуникации и не имеющем ничего общего с процессами письма и чтения (Ж. Эпштейн [1, с. 315], Д. Вертов [2, с. 137]). На уровне самопонятности у этого стихийно сложившегося термина обнаруживается несколько значений. Во-первых, под киноязыком понимается совокупность технических приемов (операторских, монтажных), обнаруживаемых в фильме. Если киноязык индивидуализируется, то таким словом могут быть названы приемы, активно используемые (изобретенные) конкретным режиссером или направлением. В годы увлечения киноструктурализмом существовал даже такой способ проведения аналогий: кино наделялось собственным, присущим ему языком-вообще, а конкретный режиссер, выбирающий из него нужные элементы, складывающиеся в определенный стиль, именовался носителем речи [3]. Во-вторых, помимо количественного собирания операторских ходов, «киноязык» имеет и другие коннотации, которые уже не просто именуют нечто в фильме, но определяют зрительскую установку на просмотр. Семиотическая парадигма строится на соссюрдовском разделении на означающее и означаемое (всегда замечает в фильме минимум два измерения: первый уровень поверхности – *означающее* – кадры и их сочленения, второй – *глубины, означаемое* – то, какое значение в итоге из этих сочленений можно «вычитывать»). «Киноязык» намекает, что фильм, как речь и письмо, никогда не просто соединение звуков и графических знаков, за этими сочленениями стоит определенное значение, которое зрителю, как и читателю, необходимо точно установить. Даже если формальная структура фильма противится «означиванию», которое можно вычитать, интерпретация производится на уровне игры «означающих» и скорее предписывает фильму определенное значение. Подобная стратегия характерна для анализа экспериментального кино, которое, как бы ни противилось «означиванию» на уровне строения, все равно оказывается заключенным в сконструированный нарратив. Наконец, в-третьих, наделение кино языком подразумевает процесс высказывания, где кто-то (по-разному в традициях: сам фильм, режиссер, некто/нечто в фильме) транслирует что-то зрителю. Просмотр, таким образом, предстает в виде акта коммуникации. Заключение просто: чтобы успешно бороться с киноязыком, необходимо удерживать все три перечисленных значения. Прицельная критика одного не сможет быть автоматически перенесена на другие, а потому не сделает убедительной борьбу с языковыми подходами к кино. Пример такой однонаправленной критики будет приведен дальше, а его очевидная неудача послужит уроком для тех, кто не оставляет попыток убедить кинотеорию отказаться от представлений о продуктивности языковых аналогий.

Результаты исследования. Провокативность наших негативных тезисов обуславливается тем, что делать заявления против киноязыка – значит вступать в активную полемику с магистральной для XX в. методологической традицией, исходящей из того, что кино структурировано как язык. Понятно, что подобное заявление делалось с опорой на вполне конкретные философские основания, на которых сейчас не будем останавливаться. Отметим только, что методологии, которые под влиянием этих оснований стали формировать теорию кино, развивались в несколько этапов. Существовало радикальное предложение, для теории кино не специфич-

ное – лингвистическое, настаивающее на возможности проводить прямую аналогию между фильмом и языком (М. Адлер). За ним последовало семиотическое, уходящее от уравнивания, но предполагающее в основе работы кинематографических образов систему специфических для него кодов. Это направление получило куда более широкое распространение, поскольку, безусловно, учитывало специфику материала, с которым работало при построении различных фигур и структур. Первая (сильная) аналогия между языком и кино была быстро дискредитирована хотя бы с точки зрения формальной строгости в связи с отсутствием в кино двойного членения и, следовательно, тех минимальных единиц, которые обеспечивают функционирование естественного языка. Система кодов, предложенная исследователями-семиотиками как менее радикальная альтернатива, предполагает, что зритель при просмотре фильма знакомится с определенными конвенциями и правилами, знание которых и позволяет ему без затруднений считать образы, показанные на экране. Однако и такой ход казался не слишком далеко уводящим от аналогии с естественным языком, от процесса просмотра фильма с чтением. Разговор все равно продолжал строиться либо вокруг свойственных кино языковых структур (метафоры-метонимии и синтагмы-парадигмы у Метца [4]), либо вокруг характерных для кино кодов, с которыми зритель неминуемо знакомится в акте просмотра (У. Эко [5], Ж. Омон [6]).

Предлагаемая нами критика, конечно, не нова сама по себе. Можно, например, вспомнить полемику с теми же подходами у Ж. Делеза [7, с. 275–281]. Однако наиболее продуманную линию сопротивления языковым аналогиям оказала американская пост-теория. Негативная программа пост-теории, оформившейся как единое движение в середине 1990-х гг., была направлена не только против семиотических подходов, но в целом против континентальной философской традиции (в их понимании – психоанализа, неомарксизма, семиотики, постструктуралистской литературной критики) как основания для теории кино. Взамен главные представители пост-теории (Н. Кэрролл, Д. Бордуэлл, Г. Кьюрри) предложили альтернативные методологии для разговора о кино – нарратологию и когнитивную психологию. В рамках данной статьи невозможно подробно останавливаться на этапах становления пост-теории и в подробностях разбирать все ее ходы. Сейчас важно подчеркнуть, что в режиме преодоления ошибок потребность разобраться с представлением о кино как языке стала одной из основных задач для пост-теоретиков. Скажем сразу, что на наш взгляд, предпринятую ими попытку вряд ли можно считать успешной, поскольку философские основания для альтернативного хода представляются не менее спорными и, более того, не достигающими поставленной цели.

В первую очередь пост-теоретики акцентируют внимание на том, как именно происходит формирование киноприемов и что открывает для зрителя доступ к пониманию их роли в построении нарратива. Вопрос ставится так: можно ли, в строгом смысле слова, проводить аналогии между строением фильма и строением языка? Линия критики, таким образом, имеет дело преимущественно с первым пониманием киноязыка из тех, что выделялись раньше. И поскольку для пост-теории с ее предсказуемым когнитивным акцентом на акте восприятия главным критерием (не)сходства предстает зритель, то разговор можно свести к следующему вопросу: нуждается ли зритель при просмотре в предварительном обучении? И, если да, что оно должно из себя представлять? Все теоретики языка (лингвистические, семиотические) именуются здесь конвенционалистами, утверждающими, что кино разрабатывает свои приемы в соответствии с внутренней грамматикой, которую зритель должен знать, чтобы вообще иметь способность что-то понять из того, что воспринимает.

Именно с таким тезисом пост-теория вступает в дискуссию, но аргументация с опорой на изучение когнитивных процессов, которая следует за этим, зачастую подменяет тезис и опровергает вовсе не ту позицию, против которой восставала. В текстах Н. Кэрролла речь ведется о процессе считывания единичных кадров. В основе восприятия, по его твердому убеждению, лежат универсальные когнитивные и психологические процессы, базовым из которых для рецепции кино является *распознавание*. Процесс распознавания связан со способностью выделить в изображении объекты, которые соотносятся с объектами, данными в повседневном опыте, и тем самым понять, что изображено на экране, «без дополнительного обучения и инструкций» [8, с. 18]. Главным аргументом против кино-как-кода у него выступают эмпирические исследования зрительского восприятия представителями разных культур, многие из которых не были до этого знакомы с кинематографом. Данные, которыми оперирует Кэрролл, показывают, что вне зависимости от накопленного опыта, восприятие показанного на экране не вызывает затруднений у реципиентов и, следовательно, не требует предварительного обучения. По данному вопросу большее число современных теоретиков делает идентичные друг другу высказывания, основываясь на общем способе аргументации и системе объяснений, продиктованной когнитивистским подходом [9, с. 113–137], [10, с. 51–97]. При таком взгляде трудности в фактическом распознавании объекта могут быть связаны исключительно с отсутствием знакомства с ним в повседневном опыте, но не с неуспешностью самого процесса распознавания. Это и позволяет Кэрроллу сделать его тем базовым механизмом, который открывает доступ любому зрителю. Опуская сейчас тот факт, что в истории изучения кино скопилось достаточно противоположных эмпирических данных, исходя из которых можно прийти к заключению, что просмотр фильма у зрителей разных культур протекает не с таким однозначным сходством [11, с. 71–73], аргумент Кэрролла и его коллег не вызывает больших вопросов, но, как кажется, работает с совершенно другой проблемой. Есть принципиальная разница между тем, чтобы (не)испытывать затруднения назвать коровой изображение коровы и (не)испытывать затруднения с тем, чтобы понять, как сочетается последовательность кадров, как образуется и работает прием, а не кадр в отрыве от остальных. Тезис Кэрролла можно было бы с равным успехом использовать в разговоре о живописи, фотографии, любом фигуративном изобразительном искусстве, разговор же о кино, представленном нестатичными кадрами, предполагает иной исследовательский ракурс.

В этом смысле куда более близкой к поставленному вопросу кажется позиция Д. Бордуэлла, который мыслит не кадрами, а приемами, стараясь нащупать адекватную степень их конвенциональности на примере «восьмерки» («*shot / reverse-shot*»)¹. Бордуэлл справедливо замечает, что прием съемки диалога, когда камера поочередно монтирует лица двух его участников крупным планом, не был спровоцирован никаким внешним воздействием: это не заимствование из стилистики других искусств, не требование, продиктованное технической необходимостью [12, с. 57]. Можно сказать, что это нечто, что родилось внутри самого кино, по внутреннему закону. Но вопрос о конвенции – вопрос о том, как произошло это рождение. Соответствует ли оно некоторой адаптивности кино к естественному зрительскому видению?

¹ «Восьмерка» («*shot / reverse-shot*») – наиболее распространенный монтажный прием для съемки диалога: камера располагается под определенным углом и поочередно монтирует лица двух говорящих, перекрещивая взгляды, направленные в противоположные стороны.

Или выбор в пользу такой техники съемки был сделан совершенно случайно, претендуя лишь на то, чтобы быть заученным как грамматическое правило постановщиком и зрителем одновременно? «Случайные универсалии» [12, с. 61], по мнению Бордуэлла, формируют «киноязык», предлагая понимать устойчивые киноприемы как нечто среднее между согласованием с естественными перцептуальными возможностями и долей «случайности» в конкретном воплощении. В соответствии с общей нарративной парадигмой у каждого такого киноприема имеется некоторая цель. Так, желая обратить внимание на конкретное эмоциональное состояние, логично предположить, что лицо персонажа окажется снятым крупным планом, хотя естественная перцепция и не имеет часто таких возможностей. Эти цели комбинируются между собой, создавая контекст, задающий однозначность любому конкретному приему. Может быть, мы и не понимали бы, что попеременно показанные лица, развернутые в разные стороны, смотрят друг на друга, если бы им не сопутствовал диалог. Таким образом, собранные в единый нарратив приемы по-прежнему подводят нас к ситуации понимания, необходимости считать что-то за то, что показано. И подход пост-теоретиков недалеко уводит нас от понимания кино как языка.

Если и критика первого понимания кино как языка оказывается несостоятельной, то со вторым и третьим вариантом пост-теория даже номинально не пыталась бороться. Напротив, актуальным остается вопрос о визуальных метафорах как некой визуальной данности, которая может быть собрана в одно и поименована – то, что называется *вербальными образами* (*verbal images*) и *фильмическими метафорами* (*film metaphor*). По словам Кэрролла, если в вовлеченности в текст мы визуализируем прочитанное, то кино предлагает обратный процесс – «находить слова за образами» [13, с. 187]. Разговор по поводу метафоры у пост-теории строится даже не вокруг способов связи, создаваемых, например, монтажными соединениями (как это было у семиотиков), но о все тех же объектах, запечатленных камерой. Здесь наблюдается та же проблема, что заботила нас в вопросе о распознавании: действительно ли можно сказать, что работа фильма сводится к содержанию кадров, соединение которых отходит на второй план? Если сравнивать пост-теоретический подход с семиотикой, можно сказать, что с точки зрения означающего первых волнует вопрос, *что* соединяется с *чем*, а вторых – *как* что-то соединяется с чем-то. Очевидно, что вопрос «как?» куда более внимателен к работе фильма, не желая сводить ее к предметному описанию отдельных кадров.

Во всех своих ходах пост-теория все равно избегает радикальных заявлений и оставляет нас в поле интерпретаций, все равно предлагает такой взгляд, который оставляет «языку» во втором и третьем из указанных нами значений право на существование. Особенно это касается третьего, так как фильм, по сути, и мыслится всеми пост-теоретиками как коммуникационный акт, конкретнее – как история, которая должна быть считана, воспринята зрителем. Б. Гот, например, прямо говорит о том, что, хотя фильм за неимением грамматики и словаря должен отказаться от прав на собственный язык, он не перестает от этого коммуницировать [9, с. 56]. Прием всегда отсылает к определенному значению. Гот совершенно прав в том, что кино не может быть изучено по словарю, не может быть сопроводительной литературы, без знакомства с которой зритель оказывается беспомощным перед тем, что ему показывают. Но в то же время, переходя теперь в сторону более продуктивной, как нам кажется, критической линии, пост-теория замалчивает тот факт, что зритель зачастую и правда оказывается беспомощным, *по-настоящему* беспомощным в своих интерпретациях в тех случаях, когда фильм уходит от нарративности достаточно далеко.

Обсуждение. Конечно, можно найти много способов продемонстрировать нерелевантность языковых подходов. И если не пытаться опровергнуть одну философскую парадигму при помощи другой, то искать очевидность иной перспективы можно внутри самого кино, заручившись поддержкой тех, кто его снимает и умеет облечь в слова собственную практику.

В целом, сложно не отметить, что само кино отчасти повинно в том, что языковые подходы постоянно предпринимают попытки к нему подступиться. В отличие от музыки, где, как кажется, реже приходится сталкиваться с такой проблемой (выяснять, какое содержательное послание несет симфония), кино с давнего времени превратило в некоторую норму повествовательный фильм, превратило нарративность в видимость сущностной черты, оставляя ненарративное кино или такое кино, где нарратив слишком невыразителен, в статусе маргиналии, определенной через мало что значащее понятие «экспериментальное кино». Надо сказать, что и сама посттеория в своей неудачной борьбе против аналогий с языком и предложением продолжать мыслить фильм как коммуникативный акт и данность, за которой нужно искать смысл, оговаривается, что ее заключения к такому типу кино не относятся. Что нельзя рассуждать о распознавании объектов там, где этих объектов попросту нет (в абстрактных фильмах В. Эггелинга, В. Рутtmана, Н. Макларена). Здесь уже очевидно не может выстроиться разговор о том, *что* происходит в кадре, какая история разворачивается. Другой пример – это приемы, которые сопротивляются тому, чтобы что-то сообщать зрителю. «Восьмерку», в целом, несложно редуцировать до ее нарративной функции: монтажная конструкция используется, чтобы показать, что в кадре происходит диалог. Но есть и такие приемы, которые не мотивированы целью, бесцельны в своей основе. Даже если не углубляться в радикальные авангардистские примеры, можно вспомнить знаменитые *jump-cuts* Ж. Л. Годара², для которых теория кино ищет самые разные интерпретации (протест против голливудского кино, критика буржуазной репрезентативной системы). Но в любом случае, пусть даже сам Годар высказался бы в их защиту, это значение, которое выходит за пределы самого фильма, которому требуется внешний по отношению к нему контекст. Такое значение не считается тем зрителем, который не знает, как надо было бы конвенционально монтировать друг с другом два действия. Но все же этот прием он ощутит, и даже если не отдаст себе в этом отчет, это не отменит того факта, что он там *есть*.

Ажиотаж вокруг языковых теорий, конечно, можно понять. Как правило, следом за первым упоминанием языковых аналогий идет дальнейшая разработка того, с чем они имеют дело: с минимальными элементами фильма и законами их сочетаний. Как и любая теория, теория кино озадачена поиском минимальных элементов, чтобы на чем-то выстраивать фундамент своего знания, адаптировать то, с чем ей приходится иметь дело, к уже найденной системе координат, чтобы обрести почву под ногами. Язык в таких условиях является весьма удобной системой, позволяющей совершать перевод, системой, обладающей собственным словарем, грамматикой, аналогии которой (как бы ни менялись их названия) можно при большом желании отыскивать в кино (монтажные соединения как синтагмы и парадигмы, метафоры и метонимии). Вместе с тем, в этих случаях теория кино будто намеренно проходит мимо тех элементов, которые действительно могут быть найдены в кино без привлечения языковых аналогий: движение, монтаж, цвет, ритм и т. д. На самом деле, если прислушаться к тому, как говорят о кино сами режис-

² *Jump-cuts* – ложный монтажный стык, немотивированно нарушающий непрерывность плана. Например, персонаж, находящийся в кадре, едет на переднем сидении автомобиля. Использование *jump-cuts* нарушает иллюзию непрерывности, делая видимым монтажный стык, сочетая друг с другом кадры с минимальным, но заметным зрительскому глазу изменением внутреннего строения. Конвенциональный монтаж снимал бы подобную сцену без склеек.

серы, то становится совершенно очевидно, сколько элементов можно различить в постоянном становлении аудиовизуальных потоков. Например, если обращаться к работам английского режиссера Дерека Джармена [14], мы столкнемся с поразительным способом мыслить в кино цвета и цветовые сочетания. Конечно, со свойственной ему поэтической интонацией, он регулярно переходит в письме к личным воспоминаниям и ассоциациям, но это никак не мешает Джармену мыслить и говорить о цветах как о самодостаточных, сущностных элементах, из которых для него складывается фильм. Желтый – это не желтые стены как метафора грусти, желтый (как краска) – это смешение неорганических элементов, комплекс химических реакций, желтый как цвет – это не вторичное качество объекта, которое имеет смысл лишь в акте восприятия, желтый – это физические законы распространения света и длина волны.

Наконец, последний и самый важный наш ход – это движение против манеры разговора о кино, исходящей из того, что сутью зрительского акта является *понимание*. Понимание производит с объектом ряд трансформаций, адаптирует его под себя, переводит на свой язык. Отсюда и ожидания, что фильм будет нечто рассказывать и что-то говорить, что за слышимыми и видимыми элементами кроется понятийное измерение, без которого чувственность, якобы, слепа. Но если перестать мыслить фильм как выражение интенций его создателя(и) произведение искусства, обладающее определенным значением, перед зрителем окажется чистая чувственная данность, с которой можно лишь столкнуться. Можно начать хотя бы с того, чтобы мыслить акт просмотра не как акт понимания, а как акт *столкновения*. С чем-то по-настоящему иным. Перефразируя Делеза, для зрителя, не ищущего обманчивой простоты в том, что именовать объекты, увиденные на экране, выстраивая их в причинно-следственные цепочки, открывается новый мир, куда более сложный и ускользающий от языковых адаптаций: «В мире есть нечто, заставляющее мыслить. Это нечто – объект основополагающей встречи, а не узнавания. <...> В своем первичном качестве оно может быть лишь почувствовано» [15, с. 175]. И чтобы мы могли о нем говорить, нужно искать иную точку доступа, чем просто перевод кино на свой язык.

Заключение. Вопрос о неадекватности понятия «киноязык» необходимо задавать в контексте разных разговоров: говорим ли мы исключительно о неправильностях зрительского восприятия или о том, какую работу производит кино само по себе, без всякого участия зрителя, вне зависимости от того, воспринимает он его или не воспринимает. Конечно, этот разговор не может быть сразу развернут во всей полноте. Данный текст сосредотачивается на том, что происходит со зрителем, но не стоит мыслить вывод о столкновении как финальную точку размышления. Столкновение, по правде сказать, – необходимая точка, установленная *в начале*, а не в конце: зрительская/исследовательская установка – то, с чего необходимо начать, чтобы дальше говорить о кино как самостоятельном объекте, говорить о кино *с точки зрения* самого кино. Настаивание на том, что кино не сводится к той смысловой перегруженности, которую обыкновенно ему вменяют, занимаясь, размышляя о сюжете, не сводится только к тому, чтобы убедить зрителя не интерпретировать, а наслаждаться увиденным и услышанным. Остановка на таком заключении возможна, но в нашем случае – это лишь промежуточный этап, который, в первую очередь, желает вывести кино из железных цепей культуры и показать, что мир значений, в который постоянно включает его сидящий перед экраном зритель и пишущий о нем теоретик – вторичен для кино самого по себе как независимого объекта, для которого родным является мир чувственный, полный «не-означающих сущностей» [16, с. 288] и не закладывающий в качестве фундамента человеческие суждения для того, чтобы состояться.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Epstein J. L'Intelligence d'une machine // Epstein J. Critical Essays and New Translations / eds. S. Keller, Paul J. N. Amsterdam Univ. Press, 2012. P. 311–316.
2. Дзига Вертов. Из наследия / сост. Д. Кружкова. М.: Эйзенштейн-центр, 2008. Т. 2.
3. Cook D. A. Some Structural Approaches to Cinema: A Survey of Models // Cinema Journal. 1975. Vol. 14, № 3. P. 41–54.
4. Метц К. Воображаемое означающее. СПб.: Изд-во Европ. ун-та, 2010.
5. Эко У. О членениях кинематографического кода // Строение фильма: некоторые проблемы анализа произведений экрана / сост. К. Разлогов. М.: Радуга, 1984. С. 78–100.
6. Эстетика фильма / Ж. Омон, А. Бергала и др. М.: НЛО, 2012.
7. Делез Ж. Кино. Т. 1–2. М.: Ад Маргинем, 2013.
8. Carroll N. Engaging the Moving Image. Yale Univ. Press, 2003.
9. Gaut B. A Philosophy of Cinematic Art. Cambridge Univ. Press, 2010.
10. Currie G. Image and Mind: Film, Philosophy and Cognitive Science. Cambridge Univ. Press, 1995.
11. Маклюэн М. Галактика Гутенберга. М.: Академ. проект, 2015.
12. Bordwell D. Convention, Construction and Cinematic Vision // Poetics of Cinema. Routledge, 2007. P. 57–84.
13. Carroll N. Theorizing the Moving Image. Cambridge Univ. Press, 1996.
14. Джармен Д. Хрома. Книга о цвете. М.: Ад Маргинем Пресс, 2017.
15. Делез Ж. Различие и повторение. М.: Петрополис, 1998.
16. Брайант Л. На пути к окончательному освобождению объекта от субъекта // Логос. 2014. № 4 (100). С. 275–292.

Поликарпова Дарина Александровна – аспирантка кафедры культурологии, философии культуры и эстетики Санкт-Петербургского государственного университета; автор 7 научных публикаций. Сфера научных интересов: философия чувственности, трансцендентальная философия, теория и философия кино, кинематографическая чувственность, экспериментальное кино, онтологический поворот, философия Ж. Делеза. E-mail: darinet2711@mail.ru

REFERENCES

1. Epstein, J. (2012), "L'Intelligence d'une machine", in Keller, S. and Paul, J.N. (ed.), Epstein J. *Critical Essays and New Translations*. Amsterdam Univ. Press, Amsterdam, Netherlands, pp. 311–316.
2. Kruzhkova, D. (ed.), (2008), *Dziga Vertov. Iz naslediya* [Dziga Vertov. From the Heritage], vol. 2, Eizenshtein-tsentr, Moscow, Russia.
3. Cook, D.A. (1975), "Some Structural Approaches to Cinema: A Survey of Models", *Cinema Journal*, vol. 14, no. 3, pp. 41–54.
4. Metts, K. (2010), *Voobrazhaemoe oznachayushchee* [The Imaginary Signifier]. Izdatel'stvo Evropeiskogo univ., Spb., Russia.
5. Eko, U. (1984), "About the separations in cinematic code", in Razlogov, K. (ed.), *Stroenie fil'ma: nekotorye problemy analiza proizvedenii ekrana* [The film structure: some issues of motion pictures analysis], Raduga, Moscow, Russia. pp. 78-100.
6. Omon, Zh. and Bergala, A. et al. (2012), *Estetika fil'ma* [Film Aesthetics]. NLO, Moscow, Russia.
7. Delez, Zh. (2013), *Kino* [Cinema], vol. 1–2, Ad Marginem, Moscow, Russia.
8. Carroll, N. (2003), *Engaging the Moving Image*, Yale Univ. Press, London, UK.
9. Gaut, B. (2010), *A Philosophy of Cinematic Art*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK.
10. Currie, G. (1995), *Image and Mind: Film, Philosophy and Cognitive Science*. Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK.
11. Maklyuen, M. (2015), *Galaktika Gutenberga* [Gutenberg's Galaxy], Akademicheskii proekt Moscow, Russia.

12. Bordwell, D. (2007), "Convention, Construction and Cinematic Vision", *Poetics of Cinema*, UK, Oxford, Routledge, pp. 57–84.
13. Carroll, N. (1996), *Theorizing the Moving Image*. Cambridge Univ. Press.
14. Dzharman, D. (2017), *Khroma. Kniga o tsvete* [Chroma. A Book of Colour], Ad Marginem Press, Moscow, Russia.
15. Delez, Zh. (1998), *Razlichie i povtorenie* [Difference and Repetition], Petropolis, Moscow, Russia.
16. Braiant, L. (2014), "Towards a Finally Subjectless Object", *Logos*, no. 4 (100), pp. 275–292.

Darina A. Polikarpova – postgraduate at the Department of Culturology, Philosophy of Culture and Aesthetics, Saint Petersburg State University. The author of 7 scientific publications. Area of expertise: philosophy of sensuality, transcendental philosophy film theory and philosophy, cinematic sensuality, experimental cinema, ontological turn, G. Deleuze's philosophy. E-mail: darinet2711@mail.ru

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2019-5-3-34-47>

УДК 316.1

А. В. Щербина[✉]

Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)
ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия

ТЕХНОКРАТИЧЕСКАЯ ВЕРА ИЛИ ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО: РАЗМЫШЛЕНИЯ О ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ПОНЯТИЯХ СОЦИОЛОГИИ

Введение. В медийной повестке и дискуссиях экспертов цифровизация широко обсуждается в качестве глобальной тенденции современности. В условиях глобализации цифровые технологии – технологии связи, вычислений и управления – уже изменили режимы взаимодействия личности с личностью, семьей, ближним кругом общения, с корпорациями и государством. Анализ социальных последствий их распространения должен быть дополнен анализом условий их возникновения и продвижения.

Материалы и методы. Использованы данные ВЦИОМ, исследования института психологии РАН, ВШЭ и др. Учтены результаты изучения социальных представлений в современной психологии, социологии, культурной антропологии. Применены сравнительно-исторический метод, структурно-функциональный анализ, типологический подход.

Результаты исследования. Конструируемые социологами типологические понятия и выстраиваемая иерархия значимости проблем дают схемы интерпретации социальных изменений и превращаются в социальные представления. Распространение своего рода технократической веры в массовом сознании сигнализирует об утрате понятиями постиндустриального, информационного общества эвристического потенциала. Тем более это касается их новой версии – цифрового общества. В арсенале социологии есть идеально типические конструкции, культурное значение которых резко возрастает. «Гражданское общество» – типологическое понятие, ориентирующее на исследование того, какие социальные силы и в каких исторически конкретных условиях выбирают вектор технологического развития, поощряя одни и блокируя другие научно-технологические разработки.

Обсуждение. Технократизм рассматривается как аналитическая перспектива и мировоззренческая установка, вменяемая современным социальным представлениям. Прослеживается изменение структурно-функциональных и содержательно-морфологических характеристик социальных представлений. Цифровизация соотносится с типологическими понятиями постиндустриального и информационного общества. Обращено внимание на исторический характер типологических понятий социологии.

Заключение. Содержится попытка обоснования актуальности конструирования типологического понятия «гражданское общество» для осмысления социальных альтернатив и роли, которую могут играть высокие технологии в их осуществлении.

Ключевые слова: типологические понятия, социальные представления, технократизм, технократическая вера, постиндустриальное общество, информационное общество, цифровые технологии, коммуникация, гражданское общество, доверие.

Для цитирования: Щербина А. В. Технократическая вера или гражданское общество: размышления о типологических понятиях социологии // ДИСКУРС. 2019. Т. 5, № 3. С. 34–47. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-3-34-47

Источник финансирования. Инициативная работа.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила 26.02.2019; принята к публикации 26.03.2019; опубликована онлайн 25.06.2019

© А. В. Щербина, 2019

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Alexandra V. Shcherbina✉

Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI"

5, Professor Popov str., 197376, St. Petersburg, Russia

TECHNOCRATIC BELIEF OR CIVIL SOCIETY: REFLECTIONS ON THE TYPOLOGICAL CONCEPTS OF SOCIOLOGY

Introduction. Digitalization is widely discussed as a global trend of modern times in a media agenda and experts debates. Digital technologies, such as communication, computing and management technologies, have already changed the modes of interaction of one individual with another individual, family, and inner circle, as well as with corporations and the state, in the context of globalization. The social consequences analysis of their distribution should be supplemented by the conditions analysis of their emergence and development.

Materials and methods. The data of the Russian Public Opinion Research Center, research by the Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences, the National Research University Higher School of Economics, and others, are used in the work. The study results of social representations in modern psychology, sociology, and cultural anthropology are considered. The comparative historical method, structural-functional analysis, and typological approach are applied in the present work.

Results. Typological concepts constructed by sociologists and a built-in hierarchy of problems significance provide social change interpretation schemes and turn into social representations. Spreading a kind of technocratic belief in a collective consciousness indicates the loss of heuristic potential concepts by a post-industrial, information society. This is especially true for the new version of society – the digital society. Sociological arsenal has ideal-typical constructions, whose cultural significance increases sharply. Civil society is a typological concept that focuses on the study of social forces and specific historical conditions which choose the direction of technological progress by supporting some and blocking other scientific and technological developments.

Discussion. Technocracy is considered as an analytical perspective and a world view attributed to modern social representations. Changes in the structural-functional and content-morphological characteristics of social representations are studied. Digitalization is correlated with the typological concepts of the post-industrial and information society. Special attention is dedicated to the historical nature of sociological typological concepts.

Conclusion. The article attempts to justify the design relevance of the typological concept "civil society" for understanding social alternatives and high technologies role in their implementation.

Key words: typological concepts, social representations, technocracy, technocratic faith, post-industrial society, information society, digital technologies, communication, civil society, trust.

For citation: Shcherbina A. V. Technocratic belief or civil society: reflections on the typological concepts of sociology. DISCOURSE. 2019, vol. 5, no. 3, pp. 34–47. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-3-34-47 (Russia).

Source of financing. Initiative work.

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received 26.02.2019; revised 26.03.2019; published online 25.06.2019

Введение. В масштабных российских национальных проектах, паспорта которых утверждены 24 декабря 2018 г. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, к социальным преобразованиям и планируемым реформам в работе правительства, экономике, в сферах территориального развития, медицины, образования предьявляется императив цифровой трансформации. В медийной повестке, дискуссиях экспертов, в публичных выступлениях представителей элиты цифровизация широко обсуждается в качестве глобальной тенденции современности. В условиях глобализации цифровые технологии – технологии связи, вычислений и управления – уже изменили режимы взаимодействия личности с личностью, семьей, ближним кругом общения, с корпорациями и государством. А также поменяли отношения личности и глобального субъекта. Под последним будем понимать господствующий класс, который определяет принципы и создает

объективные возможности долгосрочного управления. Формирование и развитие личности (присваивающей, производящей, реализующей услуги), ее социализация, развитость и зрелость, человеческий и социальный капитал – на все влияют цифровые технологии (ЦТ). Это «только технологии», но они меняют масштаб социального действия, социального пространства и времени. Индивидуальные и групповые представления о цифровой экономике, медицине, образовании и, наконец, о цифровом обществе дифференцируются сообразно культуре, сфере деятельности, социальной позиции, уровню образования и компетенций, а предикат «цифровой» становится «подлежащим». Цифровые технологии наделяются некоторой субъектностью (особенно ярко это проявляется в представлениях об искусственном интеллекте).

Императив цифровизации адресован как элитам, так и широким слоям населения. Восприятие его может окрашиваться оптимизмом, проистекающим из осознания потрясающих новых возможностей для индивида во всем том, что касается его здоровья, продолжительности жизни, репродуктивного потенциала, а для общества – повышения конкурентоспособности в международном разделении труда, обороноспособности, устойчивого развития, совершенствования социальных институтов; или пессимизмом – вторжение в человеческую природу и ее биороботизация, управление сознанием и поведением на основе аддитивных технологий, тотальный контроль населения, лишние люди, людоедская конкуренция, вынуждаемая тотальным надзором. Он может выливаться в технофилию или технофобию, что, на наш взгляд, является вызовом для представителей отечественного социогуманитарного знания: и исследователей, и педагогов. Принятие этого вызова означает, что обсуждение социальных последствий ЦТ нужно дополнить анализом социальных условий, в которых эти технологии возникли, распространились и оестествились в социальных представлениях. А для этого нужны другие типологические понятия: понятие цифрового общества не позволяет расстаться с технократической верой.

Материалы и методы. В работе использованы данные ВЦИОМ, результаты социологических исследований Института психологии РАН, ВШЭ и др. Применены сравнительно-исторический метод, структурно-функциональный анализ, типологический подход. Концепт «социальные представления» генетически связан с такими понятиями классической социологии и социальной психологии, как коллективные представления, картины социальной реальности, верования, символические универсумы, ментальность и мн. др. Понятие «социальные представления» обрело популярность в западной, преимущественно французской, социологии благодаря работам Сержа Московичи. В России в Институте психологии РАН сложилось направление исследований социальных представлений в культурно-исторической парадигме, традиционной для отечественного социального познания [1].

Изучение социальных представлений – сложившийся междисциплинарный дискурс, в котором представлены разнообразные трактовки этого понятия, направления его операционализации и эмпирического исследования. Психология, социология, культурная антропология детально описали психодинамические, когнитивные и социокультурные механизмы формирования социальных (групповых) представлений, роль межличностного общения, групповые эффекты, влияние социальных установок, ценностей и норм, социальных стереотипов, когнитивных категорий и схем. Выделим ряд моментов, значимых для нашего рассуждения. Социальные представления разделяются, т. е. это не столько содержание нашего мышления, сколько сам процесс его порождения, то, как люди создают – опознают, называют, отбирают, обрабатывают информацию сообразно наличным категориальным схемам, аттитюдам, как они ее объективируют, какое они придают ей значение, как они

оценивают ее достоверность, правильность, убедительность. В социальных представлениях соединяются информация о сообщаемых вещах, процессах, событиях и возникающие и изменяющиеся по ходу коммуникации консенсусные убеждения – информация о сообщающих. В таком понимании социальные представления сливаются с коммуникацией.

Результаты исследования. В современном массовом обществе экспертное знание, включая социогуманитарное, выстраиваемая им иерархия культурной значимости проблем, требующих осмысления и решения, их обозначение, тиражируемые СМИ и СМК, влияет на социальные представления. Конструируемые социологами типологические понятия дают схемы интерпретации социальных изменений и превращаются в социальные представления. Полвека назад такими новыми типологическими понятиями стали «постиндустриальное», «информационное общество». Они оестествились: технократическая установка глубоко проникла в наши социальные представления, воплотилась в разделяемых представлениях не столько о высоких технологиях, сколько о социальных отношениях, институтах, сообществах людей. Сегодня наши социальные представления пронизаны технократической верой.

Технократизм перестал быть достоянием определенного социального слоя, вменяется массовому сознанию, влияет на весь ландшафт социальных представлений. Под последними будем понимать представления, разделяемые социальными группами в процессе коммуникации. В отличие от представлений, овеществленных и застывших в научных и идеологических системах, собственно социальные представления, воплощенные и консенсусные, конфигурируют личностную и групповую перспективы. Современные социальные представления являются постнаучными. Ведь большинство граждан современных обществ сформированы системами образования, в которые в том или ином виде встроены «основы наук». В производстве этих представлений большая роль принадлежит интеллектуалам: обладая «властью номинации», они предлагают объяснения, которые со временем становятся самоочевидными.

Обладают ли типологические понятия, сконструированные социологами («идеальные типы» в терминологии М. Вебера), объясняющей силой и прогностическим потенциалом? Да, если они создаются на основе понимания социальных процессов в их культурном значении. Реальные исторически индивидуальные сообщества никогда не соответствуют полностью «идеальному типу». Но именно типологические понятия дают возможность социологу осуществлять осмысленные эмпирические исследования исторически конкретных условий и обстоятельств. Сами типологические понятия историчны. Типы традиционного и современного, капиталистического и социалистического, индустриального и постиндустриального, промышленного и информационного общества задавали схемы интерпретации социальных изменений и со временем превращались в разделяемые социальные представления. Типологические понятия постиндустриального и информационного общества, сконструированные полвека назад, приобрели огромную популярность. В условиях соперничества двух сверхдержав, каждая из которых предлагала свои идеологически заряженные самоназвания («открытое общество», «реальный социализм»), а религия объявлялась частным делом («светское государство»), единственным нейтральным языком, на котором могут говорить все, признавался язык науки и технологий. На этом языке западные интеллектуалы описывали неотвратимые социальные изменения, что с классовых марксистских позиций квалифицировалось как технократизм и критически оценивалось. Технократизм, бывший в то время установкой элит, в современном обществе оестествился и вменен социальным представлениям. Распространение своего рода технократической веры в массовом сознании сигнализирует об утрате понятиями постиндустриального,

информационного общества эвристического потенциала. Тем более это касается их новой версии – цифрового общества. В арсенале социологии есть идеально типические конструкции, культурное значение которых резко возрастает: они ориентируют на исследование того, какие социальные силы и в каких исторически конкретных условиях выбирают вектор технологического развития, поощряя одни и блокируя другие научно-технологические разработки. «Гражданское общество», на наш взгляд, – то типологическое понятие, которое позволяет адекватно осмысливать социальные альтернативы в условиях современной глобализации и роль, которую могут играть высокие технологии в их осуществлении.

Обсуждение. Распространение массовой культуры, СМИ и СМК позволило не только политической и интеллектуальной элите, но и обычным людям из разных социальных групп общаться о себе и о своих представлениях. Наши представления формируются социальным контекстом и структурируются социальной группой. Московичи подчеркивал, что социальные представления вырабатываются в процессе обмена и взаимодействия. «Социальные представления скорее формируются через взаимные влияния, через имплицитные переговоры, по ходу которых люди обязывают себя к особым символическим моделям, образам и разделяемым ценностям. Делая это, они приобретают и некий общий репертуар интерпретаций и объяснений, правил и процедур, которые могут применять в повседневной жизни, и доступные всем речевые выражения» [2, с. 9]. В интернет-сообществах процесс «группового конструирования социального объекта», «разделение представлений», порождение консенсусного универсума, доверительное присвоение и причастность становятся эмпирически наблюдаемыми. Модульное межличностное общение (большое количество участников с частичной функциональной вовлеченностью, разнообразие краткосрочных контактов), которое О. Тоффлер рассматривал как более предпочтительное, чем традиционное, основанное на долго- и среднесрочных связях с небольшим кругом лиц, но доступное лишь избранным мобильным гражданам супериндустриального общества, стало технически исполнимым и массовым в социальных сетях. Клиповость и кликовость, мозаичность и калейдоскопичность, о которых достаточно сказано, неуклонное снижение требований как к содержанию общения, так и к навыкам и оснащенности участников коммуникации, которые могут претендовать на внимание к своим сообщениям благодаря встроенным в сервис инструментам их презентации (яркий пример – популярный видеохостинг tik-tok, в котором отсутствует запрет на ерунду и есть возможность сделать ее «смотрибельной») – эти черты подробно описаны в многочисленных исследованиях.

Удельный вес интернет-коммуникаций в общем объеме существенно превысил вес дискурсов, поддерживаемых традиционными СМИ (об этом косвенно свидетельствует набирающая обороты «журналистика скриншота»), они соперничают с разговорами «лицом к лицу». В молодежной среде общение в интернете, в котором допустимы бессодержательность, игнорирование правил (грамматические и стилистические ошибки), его участниками рассматривается как важная сфера и пространство для продвижения. Включенность, принадлежность, коммуникативная оснащенность – скорее эффекты обладания продвинутым гаджетом и технической обученности, чем личностных навыков. Представления о социальном взаимодействии «заякориваются» на платформах, что поддерживается и поощряется IT-компаниями, которые кровно заинтересованы в привлечении как можно более широкого круга пользователей: они в формате ВЭБ-2 бесплатно создают контент, потребляют рекламу и попутно производят ресурс XXI в. – большие данные.

В парадигме социальных представлений разработаны инструменты их структурного анализа – категории центра и периферии. Ядро связано с коллективной памятью и историей

группы, оно определяет гомогенность группы через консенсус. Периферия обеспечивает интеграцию индивидуального опыта и поддерживает гетерогенность группы, более подвижна, противоречива, чувствительна к наличному контексту, адаптирует к конкретной реальности, допускает дифференциацию содержания. Социальные представления определяют символические отношения индивидов и групп и сами становятся основой «сообществ по интересам». Стремление расширить количество участников и декларирование равенства производят соответствующие эффекты: размывают общую точку зрения на предмет, углубляют дифференциацию приверженности различным аспектам представления, закоривают элементы его содержания на ситуативных символических реалиях. Очевидно, что в сетевом общении, подчиненном диктату расширения (количество друзей, подписчиков, лайков, перепостов), вовлеченность участников, актуальность дискуссии обеспечиваются периферией социального представления. Периферия разрастается, а ядро трансформируется, теряет элементы, не актуализированные контекстом, не востребованные или запрещенные нормативной моделью, не тестируемые практическим опытом.

Современные информационно-коммуникативные технологии меняют структурно-функциональные и содержательно-морфологические характеристики социальных представлений. По образному выражению Питирима Сорокина, высказанному в свое время относительно телефона, телеграфа и радио, эти «проводники проводников» фетишизируются и оказывают мощнейшее влияние на взаимодействие людей [3, с. 190–221]. Формат, в котором осуществляется коммуникация (платформа), профилирует когнитивные и конструктивные особенности социальных представлений. Разделяемые сетевыми сообществами онлайн, они проявляются в социальном взаимодействии офлайн. «Твиттерный» социальный протест – характерный пример, демонстрирующий, как социальные представления, возникающие в онлайн-мобилизации, формируют структуру коллективных действий.

Возможности преднамеренно конструировать социальные представления – регулировать информационный поток, вбрасывать или запрещать темы для дискуссий и комментирования, навязывать одни и тем самым отсекал другие схемы интерпретации, поддерживать иллюзию массовости, удерживая внимание и время человеческой жизни за счет использования аддитивных технологий, –кратно увеличиваются, но отдаленные последствия неясны никому: неосознанность и мобильность социальных представлений возрастают.

Какие социальные представления генерируются метафорой цифрового общества? Цифровизация ассоциируется с рационализацией (от *лат. ratio* – «счет»). Рациональный значит умный: умный дом, умная одежда, умная пища, которая сигнализирует человеку о своей полезности и вредности, умный ЗОЖ, опосредованный контролем состояния организма, умное образование, когда предоставление образовательных ресурсов через одно окно опосредовано автоматическим контролем знаний, умное зачатие, умный выбор партнера – список можно продолжить, но в целом формируется представление, что человек не может и не имеет права жить без цифровых технологий, что цифровая среда столь же естественна для него, как природа, а цифровая компетентность жизненно необходима.

Сегодня мы располагаем результатами многочисленных социологических и социально-психологических исследований социальных представлений о цифровизации, разделяемых различными группами населения [4], [5]. Интересные данные получены в кросскультурных исследованиях. В центре внимания – молодежь, средний класс, жители крупных городов. Исследуются противоречивое воздействие эмоций и гедонистической мотивации на готовность и результативность освоения новых технологий, их востребованность в качестве

средств самопрезентации и самопродвижения. В зависимости от пола, возраста, социального статуса и изменяющихся обстоятельств на принятие и готовность осваивать цифровые технологии влияют следующие факторы: ожидаемая полезность (необходимость для профессиональной деятельности, удобства, преимущества, выгоды), прогнозируемая трудность и затратность их освоения, социальное влияние (учет мнений социального окружения, престижность навыков), финансовые и временные ресурсы, доступность обучения и технической поддержки. Исследователи указывают на «дисбаланс между скоростью развития технологий и рефлексией их последствий в молодежной среде» [6]. В социальных медиа обсуждаются новые интернет-услуги и гаджеты, цифровые сервисы и продукты, происходит обмен пользовательским опытом и потребительскими предпочтениями. Развитие облачных сервисов, модульных технологий, универсальных идентификаторов делает интернет абсолютно необходимым для каждого, интерфейс устройств – максимально дружелюбным, что, с одной стороны, снижает требования к пользовательским навыкам, а с другой – превращает цифровую компетентность в фундаментальную основу безопасности жизнедеятельности человека. Социальные опросы [7] свидетельствуют о том, что у нас, граждан России, беспечное доверие к цифровым технологиям сменяется осознанием рисков и угроз, растет понимание того, что практически любое их использование позволяет IT-компаниям и потенциально заинтересованным субъектам разного уровня накапливать персональную информацию, составлять сильно детализированный и постоянно обновляемый цифровой профиль личности. На каком уровне должна быть обеспечена защита персональных данных? Дискуссия по этому вопросу в российском обществе еще только начинается.

Новая инфраструктура коммуникации как пространство всеобщего материального и духовного обмена, в котором различия между коммуникацией, обработкой информации и управлением стираются, дает возможность частным корпорациям, в том числе ТНК, правительствам и надправительственным структурам агрегировать гигантские базы данных о сознании и поведении людей. Работа с большими данными (БД) стала возможной благодаря новейшим технологическим достижениям. Неслучайно их называют нефтью XXI века. Аналогия направляет размышления. Подобно тому как разведка, добыча, переработка нефти, ее рыночная котировка – предмет правового регулирования и сфера конкуренции управляющих субъектов разного уровня, БД во всем жизненном цикле: сбор, запись, хранение, перемещение, использование – требуют стандартизации и контроля на наднациональном, национальном, корпоративном, индивидуальном уровнях. Каковы позитивные и негативные эффекты использования БД? Каковы риски их монополизации? Издержки национализации и ограничения монополий? В профсоюзных дискуссиях обращено внимание на то, что защита информационного стандарта правом собственности сдвигает точку, в которой в цепочке создания стоимости фиксируется наибольшая добавленная стоимость, и сформулированы основополагающие принципы, которыми правительства должны руководствоваться при разработке открытых стандартов для цифровой интеграции производства и информации: большие данные и алгоритмы их поиска следует считать открытыми, а структуры перекрестного субсидирования в этой сфере должны предотвращаться и уничтожаться [8].

Являются ли БД «общественным благом», «смешанным благом», «коллективным благом»? Каковы права собственности производителей этих благ? Ведь деятельность по переработке, хранению, дистрибуции и представлению информации в удобном формате – это услуги, и рыночная конкуренция в этой сфере неизбежна. Как совместить ее с нерыночным национальным, общественным контролем?

С ответами на эти вопросы связано понимание того, должны ли цифровые компетенции (и какие именно) стать предметом всеобщего распределения. Возможно, объем цифровых компетенций придется постоянно наращивать, чтобы пользователи могли самостоятельно определять настройки алгоритмов. Возможно, граждане будут объединяться в сообщества, чтобы помогать друг другу, или делегировать эту услугу доверенным лицам, создающим персональные или коллективные решения. Но суть вопроса связана не столько с технологиями, сколько с социальными отношениями за цифровым фасадом – в гражданском обществе.

В социальных представлениях студентов на в целом позитивную оценку новых технологий накладываются социальный пессимизм и недоверие к социальным институтам [6]. Сходный диагноз по результатам исследования различных групп российского общества ставят многие авторы [9] и приходят к выводу, что решающее значение для отношения личности к новым технологиям имеет образ коллективного будущего [6, с. 101]. А он проблематичен. Впрочем, более отдаленное будущее большинство граждан России оценивает положительно [10], что, на наш взгляд, является косвенным подтверждением запроса на социологический образ этого будущего.

Технократизм многолик: это представление о развитии науки и технологий как автономном процессе, который можно ускорять или замедлять, прерывать, но отменить или обратить вспять невозможно. Только наука дает истинный, правильный образ природных процессов, в том числе процессов в самом человеке как биосоциальном существе, а технологии позволяют воспроизводить и запускать эти процессы на основаниях, придуманных, поставленных, изобретенных человеком, и изменять в пределах, заданных законами природы, их характеристики. Как методологическая установка, разделяемая социологическими теориями, «которые объясняют все общественные явления действием одного фактора», это есть разновидность технологического детерминизма. Технократизм в качестве плодотворной аналитической перспективы ориентирует на исследование социальных изменений, вызванных развитием науки и техники¹. Технократизм в качестве идеологии элит обосновывает претензию на власть преимуществами научного управления перед демократическим контролем, легитимирует принимаемые политической элитой решения ссылкой на их научно-техническое обоснование (экспертизу). Наконец, технократизм в качестве мировоззренческой установки – вера в возможность формально-рационального разрешения всех проблем общества и человека: вера в то, что технологии, возникшие на основе кодифицированного научного знания, формируют общественные отношения, в то, что существует некий набор объективных нейтральных по отношению к культурным различиям ценностей, на который следует ориентировать социальное управление и социальное поведение. В своих крайних формах, отягощенных «одержимостью» – глубинной уверенностью в своей правоте и непогрешимости, – такая установка питает «новые религии» – трансгуманизм.

Внимание и интерес к социальным и антропологическим последствиям высоких технологий не являются беспрецедентными. Технократические интерпретации социальных изменений начали активно продвигаться в дискурсе научно-технической революции, но происходило это в качественно иной исторической ситуации, в совершенно других социально-политических

¹ Как справедливо отмечал П. Сорокин: «Главная задача науки “социология” – изучение фактов, точное наблюдение, кропотливый анализ социальных явлений. Правильно ли установлена связь данных явлений? Правильно ли сделано наблюдение? Точны ли выводы автора? Если ответы будут положительными, то исследования социолога будут научным вкладом, независимо от того, к какому направлению он принадлежит» [11].

условиях. В 1960–1980-е гг. научно-техническая революция, породившая микроэлектронику и компьютеры, интернет, телевидение, освоение ядерной энергии и космоса, оказалась в центре внимания политических элит, осмыслялась интеллектуалами и художниками, будоражила умы обывателей. В то время были выработаны и язык, и экспрессивные символы, и метафоры, которыми мы пользуемся до сих пор. Принципиально важным для оценки тех, заслоненных навесом свежих интерпретаций дискуссий является тот факт, что они происходили в иной глобальной ситуации: противостояния двух сверхдержав, двух центров силы, предлагавших разные проекты человеческого общежития и открыто конкурировавших за самоопределение и выбор «третьего» мира. Особенность теоретических построений тех лет состояла в том, что качественно новые возможности высоких технологий предполагалось интегрировать в казавшиеся прочными и имеющими потенциал развития социально-экономические устройства – использовать, соответственно, «преимущества социально ориентированной рыночной экономики» и «развитого социализма». Прогнозирование, социальные утопии, научная фантастика в литературе и кино – все стимулировалось осмыслением возможностей новых технологий. Образы будущего выстраивались по двум основным векторам. Первый – вектор предельной глобализации. Это представления об обществе – либо деспотическом и кастовом, либо гармоничном и гуманном – с высокоразвитой и прирученной наукой и техникой. Масштабы такого общества диктовали освоение космоса, океана, ядра земли, управление климатом и нередко путешествия во времени. Второй – вектор предельной автономизации (персонализации). Это представления о сервисах и устройствах, снабженных датчиками состояния среды и организма самого человека, кратко расширяющие его физические, сенсорные и когнитивные способности и в перспективе позволяющие избавить человека от унаследованных болезней и иных ограничений.

Экспертное знание не отставало. Именно в эти годы ведущие представители социогуманитарного знания формулировали и представляли публике концепции информационного и постиндустриального общества. При всех культурных, идеологических и методологических различиях эти теории были едины в признании эмансипирующей для общества и личности роли высоких технологий, которые, в отличие от всех предшествующих, расширяют и умножают не только физические силы человека, но и его интеллектуальные возможности. Эти теории формулировались в русле классической социологии (наследницы модерна с его верой в разум, прогресс и человеческую автономию) и концептуализированных ею тенденций: обобществления производства, превращения науки в непосредственную производительную силу (К. Маркс), усложнения, возрастания организованности обществ (Г. Спенсер), рационализации (М. Вебер). Неслучайно идеи О. Конта, основоположника социологии и одного из авторов концепта «индустриального общества», о решающей роли управления, организации, о неизбежности расширения слоя когнитариата и сегодня не выглядят анахронизмом. А современный трансгуманизм типологически схож с контовской религией человекобожия. Эти теории хорошо сочетались с господствующими прогрессистскими идеологиями XX в., либерализмом, коммунизмом, к ним оказались восприимчивы и некоторые радикальные фундаменталистские проекты, субъекты которых вдохновлялись идеями модернизации, соединения достижений научно-технической революции с преимуществами традиционной социальной организации и самобытной культуры.

Связав сущность постиндустриального общества с информатизацией (Д. Белл, Р. Арон и мн. др.), авторы этих концепций не могли не затронуть проблемы образования. При всех

новаторских идеях и смелых предположениях они ориентировались на модели культурного человека и образовательные идеалы, которые были выработаны еще на заре Нового времени. Знание природы стало силой, когда труд утратил свою естественную, природную заданность, перестал быть простым использованием природы. Накапливаясь и разрастаясь, эта сила вызывает неизбежную специализацию людей вследствие ограниченной вместимости индивида, которая должна дополняться его общекультурной подготовкой, обеспечивающей нравственные ориентиры и комплексность мышления. Образованный человек – это специалист с высокой культурой. Сформулированный Коменским идеал «учить всех, всему, обо всем» у теоретиков «общества знаний» получает второе дыхание. Эта модель культурного образованного человека разделяется теоретиками постиндустриализма и дополняется, с одной стороны, требованием расширения общекультурной подготовки, акцентированием значимости комплексности, экологичности, диалектичности мышления каждого специалиста, продиктованными возросшей сложностью и планетарной мощью техносферы; с другой – демократизацией высшего образования и обеспечением большей доступности образования сколь угодно высокого уровня для широких слоев населения на протяжении всей жизни (идея непрерывного образования обретает популярность в это время, тогда же разворачиваются институты, его обеспечивающие, активно обсуждаются идеи развивающего обучения). Меритократические идеалы становятся очень популярны. Сложившаяся социальная иерархия подлежит критике как не соответствующая образовательной иерархии, а базовые социальные институты капиталистического общества, прежде всего, частная собственность, оптимистично интерпретируются в духе менеджериального общества. Знания, информация объявляются источником богатства. «Власть в экономике некогда была основана на владении землей, затем она перешла к капиталу, и, наконец, в наше время источником власти служит тот сплав знаний и опыта, который представляет техноструктура» [12, с. 189].

Сегодня в целях прояснения точек приложения актуального исследовательского интереса поучительно вернуться к размышлениям первых теоретиков постиндустриального общества о социальных и культурных последствиях появления высоких технологий и оценить точность предложенных прогнозов. Что из предсказанного стало обыденным и привычным, какие концепты оестествились, вошли в обыденные представления? Что сбылось, но имеет сегодня другое культурное значение? Какие нерешенные тогда вопросы и дилеммы вновь формулируются и осмысляются как вызовы, а что ушло из центра дискуссий? Возьмем в качестве образцов Д. Белла и О. Тоффлера.

Обрисовывая «социальные рамки информационного общества» [13] – нового социального уклада, базирующегося на телекоммуникациях, – Д. Белл формулирует общее понимание технологий: это «инструментальный способ рационального действия». Суть интеллектуальных технологий состоит в том, что в разных сферах жизни они позволяют действовать более рационально: переходить от интуитивных суждений к алгоритмам. Разумеется, рациональные действия в своей совокупности могут порождать иррациональные и нежелательные последствия – для отдельных людей, сообществ и человечества в целом. Указывая на развитие новых областей научного знания (кибернетика, теории информации, принятия решений, игр, стохастических процессов), на решающее значение кодифицированного теоретического знания в технологических инновациях – технических изобретениях и организационных усовершенствованиях, Белл подчеркивал, что новые технологии – механизм обработки социальной информации, инструмент управления: они позволяют создавать детализированные модели экономики и

анализировать последствия альтернативных экономических политик. Они обеспечивают необходимые условия (координация в области информации) и инструменты (моделирование, индикативное планирование, директивное планирование) для национального планирования, цели которого определяются решениями вопросов политики и культуры. Последние только обостряются, так как в постиндустриальном обществе интеллектуальные технологии являются средством расширения и ускорения социальных связей.

В психологическом и социальном взаимодействии людей, в структуре коммуникаций Белл предсказал решительные изменения: ликвидация бумажных носителей информации, новые способы досуга («бомбардировка сенсорного аппарата»), реорганизация образования на основе компьютерного обучения. Кратно возрастающая социальная плотность общества делает его все более открытым, а социальную политику – более проблемной. Вывод Белла: для любого общества главные решения – политические, а они не являются производными от технологических и экономических факторов. В этом пункте очень хорошо видно, что технократическая установка – анализ социальных последствий распространения новых технологий – не превращается в технократическую веру в их всеисилие. Предвидя надвигающиеся социальные проблемы информационного общества («становление мировой пространственно-временной целостности с дефицитом организованного международного порядка», приобщение к НТП слаборазвитых стран, неизбежность попыток установления национально-государственного контроля в сфере глобальных коммуникаций и риски для гегемонии США), Белл оптимистичен: интеллектуальные технологии создают возможности для реализации социальной политики открытых и эгалитарных обществ, ориентирующихся на общее благо.

Также рассуждает О. Тоффлер: общество «третьей волны» не создается технологиями, а возникает в результате трансформации в техно-, био-, социо-, инфосфере и в структурах власти. Либеральной политике и культуре принадлежит в нем решающая роль. Сегодня на фоне возрастающей стихийности, непредсказуемости социальных изменений, невозможности долгосрочного планирования, в которой расписываются современные элиты, проблема субъекта, целеполагания и масштаба социального управления отодвинута из центра дискуссий множасьими исследованиями индивидуальных психологических последствий распространения цифровых технологий.

Новейшие технологии антропоморфны и дружелюбны человеку в том смысле, что их использование, применение не требуют от человека приспособления к ним в смысле подстройки ритма своей органической жизни (в этом их отличие от индустриальных технологий, которые как раз вырывали человека из естественных ритмов жизни, заставляя его подстраиваться под работу технических устройств, опосредовать ее постоянным напряжением своей воли и внимания). Меняется и метафора: не человек – придаток машины, а техническое устройство – придаток человека (умные часы и наушники, умный дом, умная одежда, экзоскелет, мобильный офис, мобильный университет). Персональное устройство, гаджет, стал главным символом современных технологий.

Возможности управления организованными множествами с большим числом переменных (сложными организациями и системами) и координации действий миллионов людей – важнейшие плоды научно-технической революции. Специальные методики, позволяющие выявлять закономерности, получать оптимальные решения из различных альтернатив, определять рациональные моменты в условиях неопределенности материализовались в автоматической машине. В искусственном интеллекте, говорим мы сегодня, когда благодаря совершен-

ствованию методик нейросетей, машинного обучения, распознавания образов и, наконец, благодаря созданию более мощных компьютеров для полных комбинаторных вычислений зависимостей и отношений между все возрастающим числом переменных алгоритмы стали машиноисполняемыми. Превращение интеллектуальных технологий в основной инструмент управления организациями и предприятиями стало практической задачей в рамках так называемой четвертой промышленной революции [14]. Впрочем, и сегодня это только задача. И неслучайно она сформулирована представителем немецкой бизнес-элиты, так как ее решение возможно только на основе мощного промышленного потенциала и соответствующего ему энергетического обеспечения (энергообмена с ресурсодобывающими странами). Наиболее восприимчивым к интеллектуальным технологиям оказался финансовый капитал, в то время как темпы роста промышленного производства, производительности труда, повышения эффективности использования ресурсов снижаются (доклад Римского клуба «Комон!» 2017 г. [15]), а сам рост за истекшие 50 лет был обеспечен в основном новыми индустриальными странами и «мировой фабрикой» – Китаем. Возобладавшая поведенческая экономика привела к тому, что мы так и не смогли научиться управлять экономикой для достижения общественных целей. Зато возможности управлять поведением потребителей и избирателей, выстраивая «архитектуру выбора», осознаны и используются в полной мере [16].

Предпосылки для цифровизации в лидирующих странах – материально-техническая база, технологии, инвестиционные ресурсы – были созданы мощной индустриальной экономикой и неэквивалентным экономическим обменом предшествующих десятилетий. Рост цифровой экономики выражается в масштабах и темпах распространения интернета, в объемах капитализации гигантов IT-индустрии и в доминировании финансового капитала. Постиндустриальное развитие обернулось деиндустриализацией (США, Великобритания, Западная Европа, за исключением Германии). Тейлоризм (фордизм), пришедший ему на смену тойотизм вытесняются прекаризацией труда и гиганомикой. Последние активно пропагандируются в качестве новых измерений индивидуальной свободы. Постиндустриальная экономика стала реальностью, но в принципиально иных условиях: крушение альтернативного глобальному капитализму проекта, возвышение Китая, отказ от социального государства на волне неолиберализма.

Типологические понятия постиндустриального, информационного общества задавали технократическую аналитическую перспективу осмысления общества, но их авторы осознавали ограниченность этой перспективы: новые технологии, освобожденные от императивного характера, становятся все более послушными инструментами для достижения целей, но целей они не производят. Их фетишизация оборачивается далеко идущими последствиями: мы видим оболочку и игнорируем суть. Сегодня определения «постиндустриальное», «информационное», «цифровое» в социальных представлениях укрепляют технократическую веру. Расколдованный, по выражению М. Вебера, мир вновь заколдовывается.

Заключение. Постиндустриальное, информационное, цифровое общество – эти понятия исчерпали свой объясняющий потенциал и культурное значение. Для отечественной социологии актуальны конструирование типологического понятия «гражданское общество» и его разработка в исследованиях исторически конкретных условий варьирования этого типа. На этом поле она может оспорить монополию западных либеральных интеллектуалов, опираясь на отечественные традиции социального познания, не исключая достижений советского периода и не изолируясь от мировой мысли. Станет ли современное глобальное общество одномерным, или гражданское общество состоит в исторически индивидуальных формах, во многом определяется тем, как в сообществах осуществляется доверие, – это всеобщее условие договорных практик

и отношений. Социологическая интерпретация категории доверия очень актуальна. Можно ли полностью алгоритмизировать доверие и поддерживать его автоматическим наступлением кар и наград, как в китайском эксперименте с социальным рейтингом? Или эффективнее поддерживать его обеспечением высокого уровня потребления за счет кредитования, как это исторически сложилось в экономически доминирующих западных странах? В России доверие в значительной степени зиждется на коллективной памяти и исторических традициях...

Типологическое понятие «гражданское общество» задает систему координат, в которой от фаталистического осмысления последствий развития высоких технологий возможно перейти к обсуждению вопросов об их предназначении и использовании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Емельянова Т. П. Социальные представления: История, теория и эмпирические исследования. М.: Ин-т психологии РАН, 2016.
2. Московичи С. Социальные представления: исторический взгляд / пер. с фр. Т. П. Емельяновой // Психол. журн. 1995. Т. 16, № 1. С. 3–18; № 2. С. 3–14.
3. Сорокин П. Родовая структура социокультурных явлений // П. Сорокин. Человек, социализация, общество / общ. ред., сост. и предисл., пер. с англ. А. Ю. Согомонова. М.: Политиздат, 1992.
4. Нестик Т. А., Журавлев А. Л. Психологические факторы негативного отношения к новым технологиям // Психол. журн. 2016. Т. 37, № 6. С. 5–14.
5. Шмидт Э., Коэн Дж. Новый цифровой мир. Как технологии меняют жизнь людей, модели бизнеса и понятие государств / пер. с англ. С. А. Филина. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.
6. Нестик Т. А., Солдатова Г. У. Представления о будущем цифровых технологий у российских студентов // Ин-т психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2, № 1. С. 90–118.
7. Персональные данные в интернете: возможности и риски. ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 3804. 01.11.2018. URL: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9401> (дата обращения: 20.02.2019).
8. Вызовы индустрии 4.0 и необходимость новых ответов. URL: http://www.industrialunion.org/sites/default/files/uploads/documents/2017/SWITZERLAND/Industry4point0Conf/industry_4_rus.pdf (дата обращения: 20.02.2019).
9. Публичный отчет по результатам социологического исследования поведенческих и институциональных предпосылок технологического развития регионов РФ / В. Вахштайн, П. Степанцов, Ю. Чурсина, С. Бардина. URL: https://www.rvc.ru/upload/iblock/0e8/attitudes_to_technologies_and_innovations_in_Russia.pdf (дата обращения: 20.02.2019).
10. Представления россиян о будущем страны через 20 лет. URL: <http://fom.ru/Budushchee/13169#> (дата обращения: 20.02.2019).
11. Сорокин П. А. Общедоступный учебник социологии. Статьи разных лет. М.: Наука, 1994.
12. Гэлбрейт Дж. К. Новое индустриальное общество. М.: Прогресс, 1969.
13. Белл Д. Социальные рамки информационного общества // Новая технократическая волна на Западе / пер. с англ. Ю. В. Никуличева. М.: Прогресс, 1986. С. 330–342.
14. Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: ЭКСМО, 2016.
15. Weizsäcker E. von, Wijkman A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. Springer, 2018.
16. Талер Р., Санстейн К. Nudge. Архитектура выбора. Как улучшить наши решения о здоровье, благосостоянии и счастье / пер. Е. Петровой. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2017.

Щербина Александра Вениаминовна – кандидат философских наук (1989), доцент кафедры социологии и политологии Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета им. В. И. Ульянова (Ленина). Автор 25 научных публикаций. Сфера научных интересов: методология социального познания, социальное воспроизводство, социализация, социальный конфликт. E-mail: ashcherbina@list.ru

REFERENCES

1. Emel'yanova, T.P. (2016), *Sotsial'nye predstavleniya: Istoriya, teoriya i empiricheskie issledovaniya* [Social Concepts: History, Theory, and Empirical Research], Institut psikhologii RAN, Moscow, Russia.
2. Moskovichi, S. (1995), "Social Concepts: Historical Perspective", Translated by Emel'yanova, T.P., *Psychological Journal*, vol. 16, no. 1, pp. 3–18, no. 2, pp. 3–14.
3. Sogomonov, A.Yu. (ed), (1992), "Sorokin P. Generic structure of sociocultural phenomena" *Pitirim Sorokin. Chelovek, sotsializatsiya, obshchestvo* [Pitirim Sorokin. Man, socialization, society], Translated by Sogomonov, A.Yu., Politizdat, Moscow, Russia.
4. Nestik, T.A. and Zhuravlev, A.L. (2016), "Psychological Aspects of Negative Attitude Towards New Technologies", *Psychological Journal*, vol. 37, no. 6, pp. 5–14.
5. Schmidt, E. and Cohen, J. (2013), *Novyi tsifrovoy mir. Kak tekhnologii menyayut zhizn' lyudei, modeli biznesa i ponyatie gosudarstv* [The New Digital Age: Transforming Nations, Businesses, and Our Lives], Translated by Filin, S.A., Mann, Ivanov i Ferber, Moscow, Russia.
6. Nestik, T.A. and Soldatova, G.U. (2017), "The Representations About the Future of Digital Technologies Among Russian Students", *Institute of psychology Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology*, vol. 2, no. 1, pp. 90–118.
7. VTsIOM (2018), *Personal'nye dannye v internete: vozmozhnosti i riski* [Personal data on the Internet: opportunities and risks], available at: <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=9401> (accessed 20.02.2019).
8. Industriall Global Union (2018), *Vyzovy industrii 4.0 i neobkhodimost' novykh otvetov* [Industry 4.0 Challenges and the Need for New Answers], available at: http://www.industrial-union.org/sites/default/files/uploads/documents/2017/SWITZERLAND/Industry4point0Conf/industry_4_rus.pdf (accessed 20.02.2019).
9. Vakhshain, V., Stepantsov, P., Chursina, Yu. and Bardina, S. (2016), *Publichnyi otchet po rezul'tatam sotsiologicheskogo issledovaniya povedencheskikh i institu-tsional'nykh predposylok tekhnologicheskogo razvitiya regionov RF* [Public report on the results of a sociological study of behavioral and institutional prerequisites for the technological development of regions of the Russian Federation], available at: https://www.rvc.ru/upload/iblock/0e8/attitudes_to_technologies_and_innovations_in_Russia.pdf (accessed 20.02.2019).
10. *Predstavleniya rossiyan o budushchem strany cherez 20 let* [Representations of Russians about the future of the country in 20 years] (2017), available at: <http://fom.ru/Budushchee/13169#> (accessed 20.02.2019).
11. Sorokin, P.A. (1994), *Obshchedostupnyi uchebnik sotsiologii. Stat'i raznykh let* [Public textbook of sociology. Articles from different years], Nauka, Moscow, Russia.
12. Gelbreit, J.K. (1969), *Novoe industrial'noe obshchestvo* [The New Industrial State], Progress, Moscow, Russia.
13. Bell, D. (1986), "Social Framework of the Information Society", *Novaya tekhnokraticheskaya volna na Zapade* [New technocratic wave in the West], Translated by Nikulicheva, Yu.V., Progress, Moscow, Russia, pp. 330–342.
14. Schwab, K. (2016), *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya* [The Fourth Industrial Revolution], EKSMO, Moscow, Russia.
15. Weizsaecker E. von, Wijkman A. (2018), *Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet*. Springer.
16. Thaler, R.H. and Sunstein, C.R. (2017), *Nudge. Kak uluchshit' nashi resheniya o zdorov'e, blagosostoyanii i schast'e* [Nudge. Improving decisions about health, wealth and happiness], Translated by Petrova, E., Mann, Ivanov i Ferber, Moscow, Russia.

Alexandra V. Shcherbina – Candidate of Philosophical Sciences (1989), Associate Professor at the Department of Sociology and Political Science, Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI". The author of 25 scientific publications. Area of expertise: methodology of social cognition, social reproduction, socialization, social conflict. E-mail: ashcherbina@list.ru

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2019-5-3-48-59>
УДК 316.74

И. В. Петрова✉

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
наб. реки Мойки, д. 48, Санкт-Петербург, 191186, Россия

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС НАСТОЯЩЕГО КАК СОСТОЯНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ БУДУЩЕГО

Введение. Рассматриваются возможности для выстраивания актуального образовательного процесса в российских вузах сегодня для кадрового обеспечения цифровой экономики в перспективе.

Материалы и методы. Опорой для социологического исследования проблемы послужила авторская стратегия познания – фрейм-анализ «Институциональная социализация студентов», функционально интегрирующий взаимосвязанные слоты социального процесса: государство, институт образования, студент.

Результаты исследования. На основе анализа данных комплексного эмпирического изучения макро-, мезо- и микроуровней системы обеспечения социально-профессионального развития студенческой молодежи в высшем образовании представлены разработки и рекомендации. Предлагается выстраивать учебную, общественную и научную деятельность учащихся на основе идеи структурно-функциональной мобильности академических студенческих групп посредством авторской социальной технологии «Колесо группового развития». Развитие личности студента ассоциировано с развитием самоуправляющейся учебной группы в проектном формате профессиональной подготовки в вузе.

Обсуждение. Объясняется целесообразность усиления направления социального дизайна будущих специалистов механизмом диффузии образовательного процесса с использованием ресурсов искусства и социологии.

Заключение. Развитие человеческого капитала в образовании – это залог успешной позиции на цифровом уровне социума как для образования, так и для личности.

Ключевые слова: цифровизация, социализация, самоуправление, социальная технология, online-обучение, синемалогия, социологическое сопровождение.

Для цитирования: Петрова И. В. Образовательный процесс настоящего как состояние социальной системы будущего // ДИСКУРС. 2019. Т. 5, № 3. С. 48–59. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-3-48-59

Источник финансирования. Инициативная работа.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила 31.01.2019; принята к публикации 26.02.2019; опубликована онлайн 25.06.2019

Irina V. Petrova✉

The Herzen State Pedagogical University of Russia
48, Moika emb., St. Petersburg, 191186, Russia

THE PRESENT EDUCATIONAL PROCESS AS A STATE OF THE FUTURE SOCIAL SYSTEM

Introduction. The work considers formation possibilities of the present educational process for Russian students to provide the future digital economy with staff.

Materials and methods. The frame analysis “institutional socialization of students” is the author’s cognitive strategy that functionally integrates interconnected slots of the social process: the state, an educational institution, a student, and serves as a basis for a sociological study of the problem.

© И. В. Петрова, 2019

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Results. *Developments and recommendations are based on data analysis of a comprehensive empirical study of macro-, meso- and micro-levels of students social and professional development system in higher education. The construction of educational, social and scientific activities of students is proposed to be based on the idea of academic student groups structural and functional mobility by means of the author's social technology "Group Development Wheel". Development of students personalities is associated with the development of a self-governing educational group in the project format of professional training at a higher education institution.*

Discussion. *The advisability of strengthening the social design direction of future specialists by using the resources of art and sociology through the mechanism of educational process diffusion is also explained.*

Conclusion. *The development of a human capital in education is the key to a society successful position at the digital level, both for the education system and for an individual.*

Key words: digitalization, socialization, self-management, social technology, on-line learning, cinematology, sociological support.

For citation: Petrova I. V. The present educational process as a state of the future social system. DISCOURSE. 2019, vol. 5, no. 3, pp. 48–59. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-3-48-59 (Russia).

Source of financing. Initiative work.

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received 31.01.2019; revised 26.02.2019; published online 25.06.2019

Введение. Российское общество имеет свою историю, свою традицию, но не в изоляции, а в окружении стран и сегодня, на этапе вхождения в глобальную систему, ориентировано на всемирную экономическую, информационную, культурную, образовательную, научную, политическую интеграцию на многонациональной основе. Соответственно, ожидаемое обновление социальных процессов неминуемо вызывает изменения состояния всех элементов социальной системы. В открытом обществе все подсистемы подвержены диффузии посредством деятельности демократических институтов [и, безусловно, публичной (открытой) социологии, институциональной конъюнкции, наличия общественных единиц на разных уровнях государственного управления, отзывчивости правительства в отношении нужд граждан, свободы самовыражения личности, доступа к альтернативным источникам информации, автономии общественных организаций и т. п.]. Публичная социология – это доступная во всех смыслах научно-исследовательская деятельность (актуальность, диалогичность), честный и бескорыстный познавательный поиск истины, глубокое погружение в проблему. И именно гносеологическая функция науки социологии наиболее важна для прогрессивного развития социума, так как она является отправной точкой, своевременным контекстом в реализации других общественных функций – информационной, управленческой, организационной, прогностической и пропагандистской. Последняя особенно активно должна проявляться в образовании, так как дает возможность формировать общественные идеалы, создавать образы героев и, следовательно, на основе паттернов выстраивать определенные общественные отношения. Наука без границ выявляет скрытые ранее потенциалы знания для извлечения новых смыслов и проявлений изучаемых процессов, соответственно, ориентирует на адекватное ответное принятие вызовов современности.

Исследовательский процесс сегодня – это социальный процесс, социальное действие, направленное на взаимодействие изучаемого и изучающего. Актуальность проблем новой эпохи требует ухода от архаичных методов исследования: на смену «соломенным опросам» приходят комплексные кейсы с использованием междисциплинарных инструментов познания. Работник, задействованный на строго определенной функции, в условиях повышенных рисков (как искусственных (техногенные катастрофы, информационные шумы и др.), так и природных), уходит в прошлое. В настоящее время требуется кооперация на основе комплекса

«soft skills» вне зависимости от сферы деятельности – экономики, науки, образования, искусства, следовательно, и в культуре, образовании, науке – коллаборация знания «generalists» является универсальный инструмент оптимизации механизма «fact cheking».

Опираясь на понимание того, что развитие общества происходит в различных формах социальных процессов, автор выделяет для научного дискурса актуальную проблему целесообразности и меры цифрового форматирования субъект-субъектной связи в образовательной сфере сегодня. Переход на новые технологии в образовании и в других отраслях общества неотвратим, и это необходимо осознать уже как реальность. Скорость осознания зависит от интеграции современных технологий в повседневную жизнь субъектов. Все общественные сферы могут использовать возможности цифровых преобразований, но не все используют. В условиях современности, когда экономика России по-прежнему зависит от сырьевых рынков, компании по разным причинам не заинтересованы в интегрировании новых технологий в основные средства производства, можно предположить, что отечественной цифровой экономики пока нет, но при этом ситуация свободного рынка тиражирует цифровые инновации в определенные общественные услуги. Ни Интернет, ни автоматизация традиционных процессов не являются промышленной революцией, это база для фундаментальных перемен, и соответствующий переход предусматривает комплексные изменения. Прежде всего на уровне государства должна быть сформирована актуальная законодательная база о регулировании отношений в цифровой экономике (документы по учету и стандартизации профессиональной деятельности «Индустрии 4.0», которые разрешают конфликты, назревающие уже в настоящем времени, например, в так называемой тематике «прекариат» и т. п.). Цифровизация общественной жизни побуждает и академическое образование к поиску возможностей в развитии базовых функций: трансляции и инновации. Проектирование будущих компетенций на основе культуры и развития мышления раскрывает перспективы формирования новых социально-функциональных ролей человека в обществе. Соответственно, перед современными учеными стоит задача как формулирования теорий и концепций, так и разработки практических рекомендаций. И сегодня в научной среде формируется новое видение образовательного процесса, отвечающего требованиям «Индустрии 4.0». При этом важной особенностью образовательного процесса студента, как раньше, так и сейчас, по-прежнему является сензитивность в формировании личности, связанная с социальным и профессиональным развитием, ориентированным на последующее встраивание в социальную систему.

Материалы и методы. Автор публикации имела возможность провести социологический анализ условий современной высшей школы для кадрового обеспечения «Индустрии 4.0», концептуально опираясь на собственную теорию, имплицитную в собственном эмпирическом исследовании с использованием количественного (анкетирование) и качественного (наблюдение, экспертное интервью) инструментария. Изучение актуальной проблематики проводилось в фрейм-аналитической конфигурации «институциональная социализация студентов», что подразумевало взаимосвязанное рассмотрение слотов: «государство», «общество (институт образования)», «личность (студент, студенческая группа)», предположительно разобщенных в реальности и таким образом порождающих определенные социальные проблемы [дефицит и одновременно профицит специалистов на рынке труда, а значит, безработица; недостаточная квалификация работника (узкая) и др.].

Можно утверждать, что проблема социализации человека в традиционном ракурсе рассмотрения отношений «общество – личность» с учетом решаемой конкретной задачи (инсти-

туциональной социализации студентов) автором предлагаемой теории была переведена в другую систему координат: «государство – общество – личность». Объективирующая дистанция в научном социологическом познании была необходима для проявления актуальной степени контекста понятия «социальное» в исследуемом социальном процессе. Методологический императив данной логики – объяснение социального как соразмерной связи субъективных и объективных систем: социального как синонима общественного (связанного с профессиональной актуальностью выпускника), социального как социетального (необходимого трансобщностного качества общественных отношений в эпоху цифровой глобализации), социального как нормативного (социально одобряемого официальной политикой). Стоит отметить, что термин «фрейм» и является собирательным обозначением контекста. Опыт мира все время в движении, иногда эти сдвиги существенны в рутинных практиках акторов, но почему-то незначимы для научных изысканий. Возможно, именно консенсус макросоциологии и микросоциологии, достигнутый инструментально фрейм-анализом, интегрирует столь необходимые (все) контексты категории «социальное» в исследуемой проблеме. Таким образом, выстраивается структурно-функциональный комплекс специфических ожиданий, используемых для оценки расширенной социальной ситуации, сложившейся погранично на стыке различных общественных сфер и уровней. Государственно-общественно-личностный (объект-субъект-субъектный) авторский подход к решению конкретной исследовательской задачи структурно представлен макроуровнем (нормативное обеспечение процесса на государственном уровне), мезоуровнем (организация процесса в рамках института образования), а также микроуровнем (процесс формирования актуального типа социального субъекта (студента, студенческой группы)). Оптика и логика этого подхода позволили комплексно рассмотреть столь важную дефиницию «социальное» в данном научном поиске.

Думается, предложенная стратегия познания может быть отнесена к группе «критических теорий». Во-первых, потому, что стратегия фокусируется на определенном наборе институциональных и личностных ценностей (слотов этого фрейма) и, следовательно, может предъявить основания для критики рассматриваемых социальных институтов, социальных порядков и подобное. Во-вторых, результаты теоретического и практического (что важно) воплощения этой стратегии познания ориентируют на реформирование или преобразование исследуемых социальных институтов с целью достижения важных ценностей рыночных детерминантов. В-третьих, как и ряд подходов критических проектов, авторская разработка изначально нацелена как на изучение конкретной социальной проблемы, выявление источников этой проблемы, так и на предложение конкретных рекомендаций по их устранению/решению. Очевидным доказательством третьего являются авторские разработки (помимо обозначенного подхода) – модель механизма управления социализацией студентов в системе образования, социальная технология «Колесо группового развития» и др. Стоит отметить, что социальная технология прошла проверку в учебном процессе студентов ЛГУ им. А. С. Пушкина в 2010–2013 гг., также использована уже в рамках научной и общественной деятельности студентов-участников студенческого научного общества в другом вузе – ПСПбГМУ им. И. П. Павлова в 2017–2018 гг. [1].

Результаты исследования. Цифровизация – это система экономических, социальных и культурных отношений, основанных на использовании цифровых информационно-коммуникационных технологий. Определение «цифровой экономики» имеет свою историю, множество трактовок, введено IT-специалистом, непременно связано с интенсивным развитием ИКТ [2].

Сегодня в условиях цифрового неравенства некоторых регионов России рассуждать о преодолении перелома в формировании новой экономики без участия государства невозможно. Роль технологий в обеспечении развития России обозначена в Указе Президента РФ В. В. Путина «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». Кроме критики сложившейся ситуации в образовательных организациях, эффективности их работы, в документе поставлены задачи создания возможностей как для выявления талантливой молодежи, так и для проведения исследований, соответствующих современным принципам организации научной, инновационной деятельности, в том числе и с применением методов социальных наук [3]. Для института образования это знакомые задачи, существуют документы, регламентирующие деятельность высшей школы – прежде всего это ФГОСы и ФЗ № 273 «Об образовании в РФ», где и представлены требования, и раскрыты возможности формирования социокультурной среды, способствующей всестороннему развитию личности студента. Даются указания на широкое использование в учебном процессе интерактивных форм проведения занятий (деловых, ролевых игр, учебных тренингов и др.), рекомендуется перспектива использования подобных занятий (научно-исследовательская деятельность, выполнение проектных разработок и др.).

Автор публикации поддерживает критический взгляд В. В. Путина результатами собственного социологического исследования; приведем данные: 69 % ответов респондентов (студентов) на вопросы анкеты подтвердили наличие авторитарного стиля общения педагогов со студентами – это отклик на развитие демократизма в коммуникативном компоненте при подготовке будущих кадров. «Обучение через исследование» – такое понимание образовательного процесса студентам незнакомо, а традиционные педагогические технологии (активные) – выполнение лабораторных работ, составление и презентация рефератов – применяются в образовании часто (48 %). При этом наибольшее количество положительных ответов получено по вопросам о возможностях введения практики групповых методов обучения (81 %). На вопрос об использовании возможности формирования специальных подгрупп – тренажеров лидерства внутри академических студенческих групп – мнения респондентов следующие: 69 % – «это будет способствовать личностному развитию студентов», 61 % – «это нововведение будет развивать самоуправление». Анкетный опрос проводился в 2014 г. в пяти российских вузах: РГПУ им. А. И. Герцена, СЗГМУ им. И. И. Мечникова, ПСПбГМУ им. акад. И. П. Павлова, СПбГПМУ, РГГМУ. Приняли участие 400 респондентов – студентов 1–3 курсов бакалавриата и специалитета.

Добавим к изложенному: кроме ориентирующей деятельности государства в продвижении цифровизации в стране, все же необходима поддержка по двум направлениям – законодательному и инвестиционному. Ведь государственный фон, способствующий уверенному внедрению аналитических систем и т. п., генерирует процесс мотивации и вовлеченности компаний относительно применения цифровых технологий – и тогда со временем новая экономика будет восприниматься уже как «традиционная». Сегодня намечаются траектории движения в направлении цифровизации. В первую очередь трансформации проявляются в высокотехнологичных отраслях, что связано с производством и распространением программного обеспечения. Модернизация и прогресс проявляются в банковском секторе и сфере обслуживания; в химической промышленности, машиностроении, в сельском хозяйстве. Важно осознавать, что цифровая экономика порождает новые бизнес-модели, следовательно, компаниям нужно понимать, как использовать эти бизнес-модели и

как извлекать пользу из цифровых технологий. Новые технологии требуют изменений на предприятиях, и они с неизбежностью затронут конкретных людей. Подготовка сотрудников к грядущим переменам – важная текущая задача и уже конкретный социальный заказ для системы образования. Обратимся к деятельности компаний – лидеров цифровой экономики: Google, Amazon, Airbnb, Netflix, Spotify, Uber, Tesla. Какие инструменты и для каких целей они используют? Это удаленные рабочие столы, виртуальные операторы, виртуальная IT-инфраструктура в облаках, IoT, Big Data, нейронные сети, искусственный интеллект, робототехника и т. д. Развитие цифровой экономики неразрывно с развитием экономики знаний – это тождество. Фундамент экономики знаний – нематериальное производство, а ускорителями роста являются люди, обладающие этими знаниями. Следовательно, основная компетенция, которую необходимо развивать, это способность к постоянному обучению, готовность постоянно осваивать новые знания по новым появляющимся технологиям. Это значимый фактор для успешной профессиональной карьеры в цифровом мире. И здесь автор уже более подробно представляет свою разработку – социальную технологию «Колесо группового развития» – для использования в образовательном процессе будущих специалистов (в учебной, научной, общественной жизни студентов вузов).

Центральным фактором модели «Колесо группового развития» служит понятие сбалансированности, которое способствует развитию, продвижению студентов в обозначенных перспективах учебных задач, когда студенты, члены рабочих подгрупп, дополняют друг друга в рамках деятельности своих подгрупп и одновременно участвуют под управлением специфической подгруппы-детерминатора в жизнедеятельности всей академической студенческой группы. Термин «колесо», использованный в названии, кроме смыслоотражающего (прогрессивного) значения социального процесса, соответствует также и структуре модели (структуре колеса), где рабочие подгруппы, располагаясь во внешнем ободе модели (периферия), радиально управляемы центральным элементом, подгруппой-детерминатором (ядро). Структура академической студенческой группы (обычной численностью 10–20 чел.) дифференцирована на рабочие подгруппы (3–8 чел.), сформированные по принципу ролевого наполнения. Проблема командно-ориентированных методов управления организацией активно разрабатывалась в научной среде и доступно освещена для общественности. За основу автор модели И. В. Петрова приняла ролевой набор группы, разработанный Р. М. Белбиным [4]. При этом авторской новацией опытной деятельности стало выделение в студенческой группе ядра, специальной подгруппы – тренажера лидерства (так называемой подгруппы-детерминатора, от лат. *determinatus*, *determinatus* – «определяющий»). Подгруппа изначально сформирована из числа потенциальных лидеров на самопрезентативной основе. В ходе учебного процесса состав рабочих подгрупп и подгруппы-детерминатора находился в регулярной ротации до момента определения членом подгруппы своего эффективного ролевого поведения.

Социальная технология, разработанная и примененная на практике, помимо изменения структурно-организационной составляющей образовательного процесса, предусматривала воздействие и на содержательный компонент деятельности. Выстраивание работы студентов происходило по принципам проектной работы в тематике учебных дисциплин. Наибольшую известность среди комплексных систем обучения в мировой истории получил метод проектов – система обучения, при которой обучающиеся приобретают новый опыт (знания, умения)

в процессе планирования и выполнения постепенно усложняющихся заданий практической направленности – проектов. Метод проектов предполагает решение проблемы, предусматривающей интегрирование информации из различных областей науки, техники, технологии. Целью проектной деятельности всегда является стремление найти собственное решение, что, соответственно, определяет основную мотивацию обучения и, разумеется, самообразования. Такое содержание обучения становится одним из средств движения студента в будущее своего профессионального пути. Подходы к выбору тематики, исходные теоретические позиции проектного обучения, основные требования, этапы развития проекта и подобные нюансы проектной деятельности достаточно освещены в литературе. Например, при освоении дисциплины «Социология управления» перед студентами стояла задача определить траектории развития собственной команды в рамках своих подгрупп и разработать проект развития (определить эффективность, соответствие занимаемым членами команды позициям-ролям, наметить перспективы развития).

По результатам апробации модели (исследование проводилось с использованием метода наблюдения) доказано, что процесс социализации в студенческих группах управляем, выявлена фаза процесса – ресоциализация. Исследование подтвердило научные предположения о возможностях исключения проблемы непродуктивного, конфликтного поведения студентов путем использования социальных технологий преодоления. Также важно отметить, что социально-групповые изменения студенческих групп и социальное развитие конкретных студентов связаны с динамикой социальной структуры вследствие специально созданных условий (применения социальной технологии в учебном процессе). Приведем некоторые выводы относительно подгрупп-тренажеров лидерства. Основной тренд был связан с постепенным вытеснением преподавателя с ведущей роли на вспомогательную при делегировании полномочий подгруппам-тренажерам лидерства (подгруппам-детерминаторам). Именно групповое воздействие, ориентированное на поиск эффективных межличностных взаимодействий, способствует развитию природного потенциала лидерства. Социальная технология «Колесо группового развития» в учебном процессе позволяет конструировать композицию группы, организовывать социальное пространство и его командное восприятие посредством (что важно) специфического условия – поля лидерства (ядра), формирующего рефлексивные позиции для self actor. Нет ядра – нет команды. Вывод: возможно изменение традиционной роли преподавателя – в представленном случае на консультанта проектной деятельности студентов.

Далее несколько замечаний по поводу использования технологии в другом вузе, ПСПбГМУ им. И. П. Павлова в 2017–2018 гг. Студенты – будущие медики, участники студенческого научного общества (СНО) – были разделены на рабочие подгруппы, при этом общее руководство студенческим научным обществом осуществлялось подгруппой-лидером (подгруппой-детерминатором), в составе которой были староста СНО и два его заместителя (все они – студенты университета). Рабочие подгруппы СНО разрабатывали тематические проекты с учетом своего командного видения решения задач. В итоге презентации проектов происходили в формате тренд-сессий. Мероприятия, организованные модератором СНО (подгруппой-детерминатором), имели единые темы и множество нестандартных решений в различных областях деятельности студентов – культурной, спортивной, просветительской, учебной и, безусловно, научной. В результате дебатов и учета мнений экспертов (преподавателей) были сформулированы комплексные решения поставленных задач. По мнению студентов-участников представленной инновационной научной деятельности, качество выпол-

нения заданий было напрямую связано с эффективным ролевым распределением, обретением каждым участником своей роли в событии. Помимо углубления в специфику медицины, студенты прошли результативный социальный тренинг. Пережитый опыт саморазвития, ощущение чувства собственной значимости в группе, по мнению студентов-медиков, генерируют дополнительный импульс к развитию потребности дальнейшего личностного роста не только в профессии, но и в творчестве, в социуме.

Обсуждение. Роботизация и автоматизация, внедрение труда удаленного режима кардинально меняют характер классического трудового коллектива. И сегодня, и раньше – всегда – смены инновационных циклов сопровождалась утратой привычных рабочих мест и созданием новых. Перевод всех промышленных и административных процессов в цифровую экономику на основе элементов искусственного интеллекта и самообучающихся систем – новый вид деятельности, несущий потенциал и проблемы четвертой волны инноваций. Обращаясь за ответом к изысканиям экспертов на вызовы будущего, можно уже сегодня наряду с предлагаемыми разработками автора этой публикации обнаружить и другие рекомендации иных авторов, и даже в области управления проблемами виртуальных команд. Однако следует привести важное замечание. В ходе исследования замечено, что специфика возможностей преломления тематического учебного материала к проблемам профессиональной и социальной жизни студентов плюс организация обучения на основе технологии «Колесо группового развития» способствует, безусловно, формированию научного мировоззрения, а также (на что автор обращает внимание в наибольшей степени) и активной жизненной позиции.

Этот вывод имеет особое значение, так как подтверждает наличие потенциальных решений многих социальных проблем. В научной литературе представлены разные варианты видения возможностей нивелирования таких проблем. Некоторые ученые через аналитическую призму социоцентризма и антропоцентризма резюмируют, что консолидирующий статус феномена «патриотизм» уже утрачен. Другая группа ученых находит причины и связывает наличие разного уровня развития гражданской идентичности (от низкого до высокого) с этническими и религиозными предпосылками. По результатам многих исследований ученые делают вывод о том, что и десять лет назад у российской молодежи, и сегодня первостепенными ценностями выступают персональные интересы. А общественные проблемы, патриотизм, свобода и демократия, вопросы экологии занимают незначительные позиции в жизненной иерархии. Важно отметить, что проблемы социализации молодежи связаны прежде всего с проблемами в сфере образования.

Помимо представляемой И. В. Петровой технологии «Колесо группового развития» сегодня, конечно, уже есть другие проекты «улучшения» человека будущего. В фундаменте таких проектов заложена общая установка. Воспитание молодого человека, формирование будущего специалиста – это не элемент знаниевой системы образования, а феномен понимания. Студентам узконаправленных специальностей, культурологических, медицинских, инженерных, уже сегодня необходимо формировать понимание важности интегративного знания, развития универсальных компетенций и гибких навыков взаимодействия в обществе. Современные ученые осуществляют поиск и представляют свои разработки, модели развития управленческих способностей студентов технических и других специальностей: анимация и сторителлинг путем использования технологий UTAUT – Unified Theory of Acceptance and Use of Technology («Единая теория принятия и использования технологий»); мастер-классы с использованием техники «Визуализация данных 101» и др.

При этом есть и критические заметки по результатам исследований о том, что интерактивное обучение студентов на основе кинестетических и тактильных взаимодействий вызывает больший эффект и одобрение среди студентов, нежели стиль фронтмена-лектора даже с использованием приемов визуализации материала.

В настоящее время И. В. Петрова продолжает заниматься апгрейдом образовательного процесса студентов, по-прежнему используя социальную технологию «Колесо группового развития». Модернизация связана с диффузией учебного процесса за счет введения в содержание дисциплинарных модулей ресурса искусства. В группах студентов РГПУ им. А. И. Герцена (бакалавриат, магистратура), дифференцированных в соответствии с требованиями авторской технологии, получающих знания и навыки по дисциплинам «Коммуникационный менеджмент», «Социология», используются приемы групповой дискуссии, метода БОУ, синектики, бенчмаркинга и другие возможные инструменты для анализа в группе фрагментов кино-, видеоматериалов, артефактов и практик киберкультуры в проекциях тем и решения задач дисциплин. По мнению автора, использование художественных фильмов, спектаклей, живописных полотен, музыкальных произведений существенно повышает эффективность занятий. Обучение должно включать в себя элементы художественного творчества, а не вымышленные примеры.

Существуют различные подходы, например, в рамках синемалогии: рекомендуется просматривать с учащимися фильмы с последующим предметным анализом. Автор согласен, что по некоторым дисциплинам намного проще разговаривать со студентами о предмете изучения, показав художественный фильм в начале курса. С учетом ограниченности временного фактора в аудиторных условиях автор рекомендует обсуждать все же небольшие фрагменты фильмов (15 мин), также представлять и очень короткие фрагменты (1–3 мин) лишь для наглядной иллюстрации неких положений основного материала занятий. Можно предлагать студентам в качестве подготовительной самостоятельной работы предварительный просмотр определенных фильмов в формате домашнего задания для дальнейшего освоения специфического материала уже в группе, в учебной аудитории, в анализе.

Фильм «Двенадцать разгневанных мужчин» режиссера С. Люмета – выдающееся учебное пособие по социальной психологии, конфликтологии, организационному поведению, социологии в части групповой динамики и механизмов принятия решений. Наглядно демонстрируются такие явления, как групповое мышление, эскалация приверженности, поляризация группы, конформность, этапы развития конфликта и его разрешения. А фильм С. Эйзенштейна «Александр Невский» – великолепный пример кризисного управления – о том, как объединить и должным образом мотивировать сограждан, коллег.

Проблема гармонизации отношений общества и человека актуальна и наблюдается через преобразования в социальной действительности. Неконтролируемые изменения среды обитания человека – как естественной, природной, так и искусственно созданной – это уже реальные угрозы безопасности человечества. В целях прогнозирования проблем рискогенности исследователи на основе выявленных взаимосвязей угроз и рисков предлагают различные модели механизмов преодоления, в том числе и психологические. В произведениях искусства, кино, литературы мы находим примеры для подражания, в спорте учимся идти к победам. Фильм Д. Финчера «Игра» – психотренинг для формирования определенного отношения к непредсказуемым ситуациям. Студенты-зрители видят, как

меняется отношение героя к происходящему, и подспудно меняются вместе с ним. Гротеск в этом случае воспринимается как возможная реальность. Герой тренирует сообразительность, эмоциональную устойчивость, решительность и другие свойства личности, при этом изменяются его мировоззрение и, как следствие, отношение к людям. На поверхности в этой кинокартине экстрим, элитарность, но если фильм не просто смотреть, а научиться видеть, то можно увидеть главное. На современном этапе развития человечества, когда интенсификация всех процессов усиливается, циркуляция инноваций ускоряется, непредсказуемость и необъяснимость ситуаций и действий персонажей уже жизненных игр становится нормой, наиболее важным должно быть высокоэффективное руководство «этого нового мира», построенного на инициативе нестандартно мыслящих людей. И подходы к воспитанию и образованию таких личностей могут быть разные, но во всех случаях непременно присутствуют, с одной стороны, взгляд и предпочтения преподавателя, с другой – необходимость учета особенностей студентов.

В качестве других перспективных обновлений образовательного процесса студентов вузов может быть предложено для обсуждения в экспертной среде еще одно направление – «Социологическое сопровождение образования студентов вузов». Автор предлагает развивать его в двух контурах. Во-первых, оно может быть развернуто в формате деятельности «Социологических лабораторий» для диагностики, мониторинга процесса социализации студентов и т. п. («встроенные исследования» для менеджмента в образовании), организации и проведении маркетинговых исследований, а также для помощи студентам в проведении научных исследований при выполнении квалификационных работ, в продвижении студенческих работ, в организации производственных практик для студентов бакалавриата и магистратуры по направлению «Социология» и т. п.

Во-вторых, уже в другом формате, посредством деятельности «Социологических кабинетов», может быть восстановлен столь необходимый, по мнению студентов, институт кураторства. Приведем результаты опроса студентов, упомянутого выше. 13 % респондентов нуждаются (и высказались об этом) в необходимости кураторского сопровождения (47 % затруднились с ответом). Следует заметить, что 47 % респондентов не имели представления об институте кураторства вообще. В настоящее время старое видение «куратор – это преподаватель» должно быть изменено на новое и актуальное уже сегодня – «куратор – это студент». Под руководством преподавателя-социолога с авторской программой занятий по личностному росту студентов, устремленных в развитие профессиональной карьеры, через практику кураторства может быть открыта ресурсоподдерживающая школа лидерства (собственная (факультетская)) как мейнстрим этого социального проекта.

Заключение. Позволим себе подчеркнуть главное – представленная в публикации идея самоорганизующейся группы в технологии «Колесо группового развития» научно обоснована и апробирована в образовательном процессе студенческих групп российских университетов. Важным аспектом в данном контексте является понимание того, что проблема взаимоотношений общества и человека находится в тесной связи с проблемой формирования готовности личности к коллективным действиям. Предложенная структурная мобилизация группы (здесь даже можно употребить дефиницию «сообщество») формирует релевантные условия для социального развития как личности, так и группы, подготовки личности к дальнейшим социальным действиям, включению в социальные отношения.

По мнению автора, «Колесо группового развития» как метамодель может быть рекомендовано в качестве инструмента решения различных социальных проблем.

Цифровая экономика, конечно, недееспособна без форсирования процессов локации цифровых отношений, необходимо проникновение на все уровни взаимодействия ее участников – от личных до государственных. Неотъемлемыми элементами являются электронные каналы обмена информацией и их доступность, готовность субъектов участвовать в электронном, но в социальном ли взаимодействии? Сегодня необходимо понять, что первично, а что вторично в обучающем процессе будущих специалистов, какой аспект коммуникации – социальный или информационный – и в какой мере эффективен для освоения компетенций? Необходимо понять, какие процессы нуждаются в переводе в электронный формат, получить эффект от нововведений и построить, таким образом, актуально-управляемый процесс образования. В научной среде происходит обмен опытом по внедрению обучающих online-курсов в вузах; мнения преподавателей относительно потенциала распространения их опыта весьма осторожные. Потребители образовательной услуги – студенты – неохотно используют электронный формат обучения, стараются по возможности избегать его, вводят преподавателя в заблуждение ложными сообщениями о пользовании электронным ресурсом, прибегают к формальному подходу (просматривают предлагаемый продукт «на повышенных скоростях» и т. п.).

Трансформация образовательного процесса должна быть разумной: внедрение новых технологий ради самих технологий не будет эффективным. Цифровые сервисы должны нивелировать/сокращать уже имеющиеся проблемы, а не инициировать новые. Сегодня online-обучение требует апробации, и целесообразнее ее проводить в пределах свободной формы обучения (дистанционное образование), а также экстерната, так как потребитель услуги с учетом уровня подготовки и мотивации в наибольшей степени готов к машинному обучению. Также важно предусмотреть механизмы внедрения новаторских изменений, которые реально будут обеспечивать не только экспансию самих информационных технологий, но и культивирование у сотрудников государственного сектора, сферы образования, у студентов понимания ценности личных управленческих решений. Только в результате таких гармоничных изменений каждый человек становится продвинутым пользователем инноваций, а не очередной преградой трансформации. Специалистам, которые планируют оставаться востребованными в стремительно меняющейся жизни, придется обладать важными для цифрового мира компетенциями – воплощать в жизнь инновации, и не в изоляции, в одиночестве, а в команде. Управление в таких командах организовано в виде самоуправляющихся рабочих групп, которые самостоятельно изобретают методы разработки целевых решений и инструментов их достижения. Цифровая формация – это формация новаторов и подвижников, мир идей и мир обращений, а значит, феномен социального дизайна.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Petrova I. V., Petrov A. A. Social design: technology «wheel of group development» // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS. Vol. LI. P. 882–893. URL: <https://www.futureacademy.org.uk/files/images/upload/18thPCSF2018F095.pdf> (дата обращения: 19.01.2019).
2. Negroponte N. Being Digital. New York: Knopf, 1995.
3. Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации». URL: <http://legalacts.ru/doc/ukaz-prezidenta-rf-ot-01122016-n-642-o-strategii/> (дата обращения: 21.01.2019).
4. Belbin R. M. Beyond the Team. Oxford: Elsevier Butterworth-Heinemann, 2012.

Петрова Ирина Владимировна – кандидат социологических наук (2017), преподаватель кафедры социологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена (внештатный сотрудник). Автор 42 научных публикаций. Сфера научных интересов: область изучения социальных процессов. E-mail: rinaneva1969@mail.ru

REFERENCES

1. Petrova, I.V. and Petrov, A.A. Social design: technology “wheel of group development” // The European Proceedings of Social & Behavioural Sciences EpSBS. Vol. LI, pp. 882–893, available at: <https://www.futureacademy.org.uk/files/images/upload/18thPCSF2018F095.pdf> (accessed 19.01.2019), doi: 10.15405/epsbs.2018.12.02.95.
2. Negroponte, N. (1995), *Being Digital*, Knopf, NY, USA.
3. Decree of the President of the Russian Federation (2016), no. 642 of 01.12.2016: *O Strategii nauchno-tekhnologicheskogo razvitiya Rossiiskoi Federatsii* [About the Strategy of Scientific and Technological Development of the Russian Federation], available at: <http://legalacts.ru/doc/ukaz-prezidenta-rf-ot-01122016-n-642-o-strategii/> (accessed 21.01.2019).
4. Belbin, R.M. (2012), *Beyond the Team*, Elsevier Butterworth-Heinemann, Oxford, UK.

Irina V. Petrova – Candidate of Sociological Sciences (2017), Lecturer at the Department of Sociology, The Herzen State Pedagogical University of Russia. The author of 42 scientific publications. Area of expertise: study of social processes. E-mail: rinaneva1969@mail.ru

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2019-5-3-60-65>
УДК 316.4; 316.42

Г. Оюунтуяа✉

Санкт-Петербургский государственный университет
Университетская наб., 7/9, Санкт-Петербург, 199034, Россия

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ О МИРОТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ МОНГОЛИИ

Введение. Монголия, начиная с 2003 г., участвует в международных миротворческих процессах, и в течение 10 лет число миротворцев стабильно увеличивается, несмотря на ежегодные ужесточения мер безопасности и контроля по принятию военнослужащих в миротворческую деятельность.

Материалы и методы. Рассмотрены монгольские миротворцы, проведены оценка и сравнение их миротворческой деятельности, улучшение их условий жизни после завершения миссий и их дальнейшие успехи в военных структурах. Исследовано общественное мнение граждан Монголии об участии военнослужащих в миротворческих операциях ООН.

Результаты исследования. В исследовании мнений граждан затронуты вопросы, касающиеся их позитивного и негативного отношения к проведению миротворческой миссии с участием монгольских солдат, влияния этих мнений на общественные массы, затронуты проблемы рисков, возникающих у монгольских миротворцев во время выполнения их миссии, а также сделано сравнение оценки миротворческой деятельности гражданами и самими военнослужащими.

Обсуждение. Показано, что население и военнослужащие оценивают эту деятельность положительно, хотя имеется и отрицательное восприятие, которое связано с рисками, качеством подготовки военнослужащих, климатическими условиями и семейными отношениями.

Заключение. В современном мире СМИ оказывают большое влияние на результат миротворческой деятельности, распространяя положительную информацию среди не только самих военнослужащих, но и граждан, помогая сформировать не столь негативные понятия о миротворческой деятельности. В зависимости от достоверности информации и новостей о миротворческой деятельности СМИ помогают военнослужащим и их семьям воспринимать данную деятельность положительно. Высказываются рекомендации по оптимизации рисков.

Ключевые слова: военнослужащий, гражданин, миротворческая деятельность, общественное мнение, население, Организация Объединенных Наций (ООН).

Для цитирования: Оюунтуяа Г. Общественное мнение населения о миротворческой деятельности военнослужащих Монголии // ДИСКУРС. 2019. Т. 5, № 3. С. 60–65. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-3-60-65

Источник финансирования. Инициативная работа.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила 08.03.2019; принята к публикации 26.03.2019; опубликована онлайн 25.06.2019

Ganbat Oyuntuyaа✉

Saint Petersburg State University
7/9, University emb., St. Petersburg, 199034, Russia

PUBLIC OPINION ON THE PEACEKEEPING ACTIVITY OF MONGOLIAN MILITARY PERSONNEL

Introduction. Mongolia has participated in international peacekeeping processes since 2003 and for 10 years the number of peacekeepers has steadily increased despite the annual tightening security measures and admission checks of military personnel to peacekeeping missions.

© Г. Оюунтуяа, 2019

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Materials and methods. The article considers Mongolian peacekeepers, assesses and compares their peacekeeping activities, improvement of their living conditions after the missions completion, and their further successes in military structures. The public opinion of Mongolian citizens on the participation of military personnel in UN peacekeeping missions is studied.

Results. The study of public opinion examines issues related to the citizens positive and negative attitudes towards conducting a peacekeeping missions with the participation of Mongolian soldiers, influence of the public opinion on the general public, risk issues faced by Mongolian peacekeepers during their missions, as well as the comparison of the assessment of citizens and the military personnel themselves about the peacekeeping activity.

Discussion. The study shows that the citizens and the military personnel evaluate this activity positively, although there are some negative attitudes associated with risks, the quality of training of military personnel, climatic conditions and family relationships.

Conclusion. The mass media in the modern world has a great influence on the peacekeeping activity results. It spreads positive information not only to military personnel, but also to citizens, thus allowing to form not so negative attitude to peacekeeping activity. The mass media helps military personnel and their families to perceive this activity positively, and it depends on the reliability of information and news about peacekeeping activities. Recommendations on risk optimizations are made.

Key words: soldier, citizen, peacekeeping, public opinion, population, United Nations (UN).

For citation: Oyuntuya G. Public opinion on the peacekeeping activity of Mongolian military personnel. DISCOURSE. 2019, vol. 5, no. 3, pp. 60–65. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-3-60-65 (Russia).

Source of financing. Initiative work.

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received 08.03.2019; revised 26.03.2019; published online 25.06.2019

Введение. Более 10 лет в Монголии осуществляется государственная политика по участию военнослужащих страны в международных миротворческих операциях. Принимая соответствующее решение, правительство страны стремилось повысить международный престиж Монголии, получить политические и экономические выгоды, улучшить воинскую подготовку военнослужащих. Во многом эти цели были достигнуты.

Для решения правовых, общественно-психологических и гуманитарных проблем, возникающих при проведении операций в отношениях между правительственными органами, с одной стороны, и военнослужащими, членами их семей, общественными организациями, средствами массовой информации, с другой, необходимо постоянное изучение общественного мнения. Необходима также подача сбалансированной и истинной информации о целях и результатах отдельных, хотя бы наиболее важных, операций.

В настоящее время в правовом поле Монголии не существует документа, предусматривающего необходимость изучения общественного мнения относительно участия военнослужащих в миротворческой деятельности ООН. Отсутствие правового регулирования этой проблемы чревато нарушением общественного согласия внутри страны по поводу миротворческой деятельности монгольских военнослужащих. Возможно возникновение непонимания между военными структурами, отвечающими за военную деятельность за границей, и общественными гуманитарными организациями, информационными агентствами и государственными учреждениями, между разными группами граждан и т. п.

К сожалению, в настоящее время нет планомерного изучения общественного мнения относительно миротворческой деятельности военнослужащих Монголии. Последний раз эмпирическое изучение этой проблемы проводилось в 2009 г. Центром военноподобных отношений (ЦВГО) в научном институте Национального университета обороны Монголии (НУОМ). Исследование выявило высокую готовность монгольских миротворцев к участию в операциях по поддержанию мира, чьи заслуги получили достойную оценку мирового сообщества [1]. Но военные специалисты и исследователи отметили также множество недостатков при проведении отдельных разовых операций.

Участие монгольских военнослужащих в миротворческой деятельности оценивается общественным мнением Монголии неоднозначно.

Отмечаются как положительные, так и отрицательные стороны этого участия.

Позитивно оцениваются соответствие миротворческой деятельности процессам и процедурам демократизации в стране и мире, ее влияние на национальные вооруженные силы (ВС) и обеспечение безопасности страны, ее роль в создании доверия между правительством и гражданами, также политические и экономические выгоды. В общественном мнении существует тенденция согласия с возможными рисками при принятии решения об участии военнослужащих в миротворческой операции.

Негативное отношение связано в основном с повышенной опасностью для здоровья и жизни военнослужащих, временной потерей их трудоспособности, несогласием ряда граждан с политикой и стратегией государства.

Однако перед исследователями, в частности, военными социологами, стоит задача не просто проследить положительное и отрицательное отношение к миротворческой деятельности в общественном мнении, но важно заранее предвидеть негативные тенденции и учитывать их в политике и деятельности вооруженных сил.

С 2003 г. Монголия успешно участвовала в 11 международных миротворческих операциях, например, в Конго, Западной Сахаре, Южном Судане, Эфиопии, Эритрее, Грузии, Чаде, Афганистане, в городе Дарфуре и др. В миротворческих операциях участвовали мотобатальон численностью до 850 чел. и рота численностью до 250 чел. Штабные офицеры, военные советники, офицеры связи и командиры регионов постоянно продолжают выполнять свои обязанности. Все монгольские военнослужащие от старшины до генерала с честью выполняют свои обязанности.

По сведениям ООН на июнь 2014 г., Монголия как страна-донор направила 940 военнослужащих (в том числе 61 женщину) для участия в шести миротворческих операциях. Она заняла 30-е место среди 193 стран-участниц по достижению поставленных целей [2]. Участие в миротворческой деятельности способствовало повышению обороноспособности страны. К настоящему времени около 14 тыс. военнослужащих Монголии выполняли обязанности миротворцев [3].

Материалы и методы. В целом, миротворческая деятельность оказывает положительное влияние на развитие личности военнослужащих, а также на укрепление военного потенциала страны. Однако, со стороны семей военнослужащих она оценивается не только позитивно. Имеются также негативные оценки и критика.

Нами был проведен опрос респондентов (450 граждан и 850 военнослужащих) об их отношении к миротворческой деятельности. Он показал, что 67,7 % опрошенных граждан и военнослужащих одобряют участие военнослужащих в этой деятельности, 3,4 % респондентов считают это участие неправильным, а 21,8 %, оценив в целом это участие положительно, считают, что надо тщательнее просчитывать возможные опасности для военнослужащих, чтобы уменьшить риски для них, и соотносить миротворческую деятельность с реальной пользой для страны.

Опрос также показал, что участие военнослужащих в миротворческой деятельности имеет большое значение для их семей и жизни самих военнослужащих. Как сами военнослужащие (61,0 %), так и значительная доля гражданского населения (45,7 %) считают, что участие Монголии в миротворческих операциях приносит пользу (и является честью) самим военнослужащим и стране. На рис. 1 приведены сравнительные результаты опросов военнослужащих и гражданских лиц об отношении к участию военнослужащих в миротворческой деятельности.

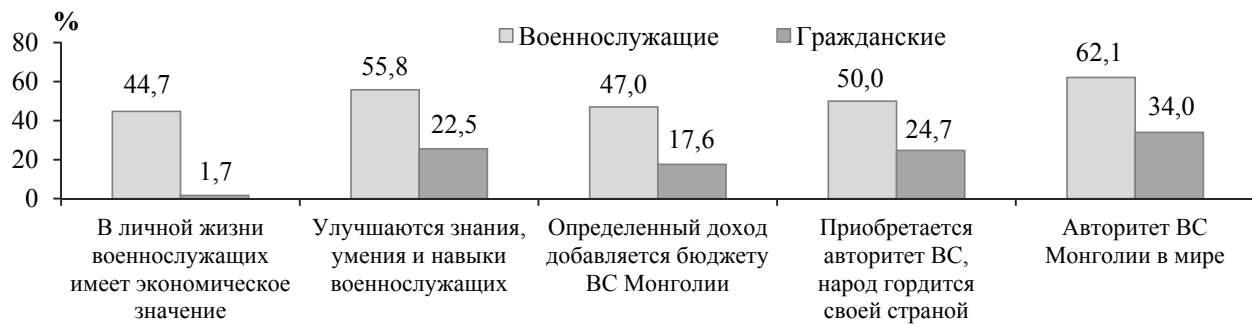

Рис. 1. Результаты опросов военнослужащих и гражданских лиц об отношении к участию военнослужащих в миротворческой деятельности

Fig. 1. The result of surveys of military personnel and civilians to the attitude of participation of military personnel in peacekeeping activities

Сравнение мнений военнослужащих и граждан о риске для участников миротворческой деятельности показывает их определенное сходство у обеих групп опрошенных. Большинство из них считают данную деятельность реальной боевой работой, связанной с риском для жизни. Например, 64,3 % граждан и 73,0 % военнослужащих считают, что это очень опасная работа. Однако имеются и различия во мнениях тех и других. А 13,6 % граждан и 23,0 % военнослужащих считают, что эта деятельность не влечет опасности для жизни и здоровья военнослужащих. Не определились 21,7 % граждан и 4,0 % военнослужащих (рис. 2).

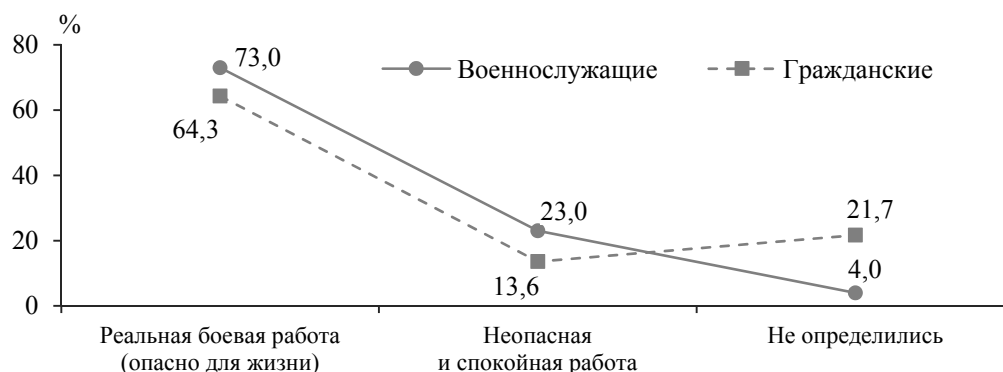

Рис. 2. Представления о риске для участников миротворческой деятельности (результаты сравнения опросов военнослужащих и граждан о миротворческой деятельности)

Fig. 2. The concept of risk to participants in peacekeeping (the result of the comparison of interviews from the militaries and citizens about peacekeeping)

Несмотря на высокую степень риска для жизни и здоровья миротворцев, значительная часть граждан (52,8 %) и большинство военнослужащих (72,4 %) одобряют дальнейшее участие Монголии в миротворческой деятельности, поскольку оно соответствует обязательствам страны перед международным сообществом, являясь предметом гордости и для военных Монголии.

Однако заметная часть граждан (22,1 %) и некоторое количество военнослужащих (15,3 % опрошенных) считают ненужным участвовать в миротворческой деятельности: слишком велик риск для жизни, и монгольские воины не должны умирать за интересы других стран. Правда, большинство миротворцев отвечали, что они готовы к риску для жизни и здоровья. Кроме того, люди, считавшие неправильным участие в миротворческой деятельности, не одобряли это участие, если не было учтено мнение соседних стран.

Результаты исследования. Использование результатов подобного сравнительного исследования способствует уменьшению негативного представления о миротворческой деятельности в общественном мнении путем распространения реальной и точной информации.

В то же время нужно планировать и принимать меры по минимизации рисков, улучшать жилищные условия, повышать зарплату, совершенствовать социальное обеспечение, повышать качество профессиональной подготовки военнослужащих.

Последняя задача отчасти решается по ходу практической деятельности миротворцев, поскольку они с 2003 по 2018 г. постоянно участвовали в миротворческих операциях, благодаря чему углубляются их знания и опыт. Кроме того, они регулярно участвуют в международных учениях, что способствует повышению профессионального мастерства военнослужащих.

Обсуждение. Исследования и публикации материалов о реальных результатах миротворческой деятельности способствуют расширению позитивного отношения к ней среди населения, укреплению доверия к информации. К числу возможных рисков [4, с. 34–36], проблем и трудностей относятся следующие:

Во-первых, это риски, связанные с подготовкой к предстоящей операции:

- в период перехода от привычных обязанностей к психологической, физической и профессиональной подготовке к миротворческой операции у военнослужащих появляются глубокие эмоциональные стрессы и кризисы;

- возможны изменения в здоровье и обострение хронических заболеваний при других климатических условиях;

- при освоении нового снаряжения у военнослужащих возможны ошибки (оплошности), чреватые опасностями для жизни или здоровья (автокатастрофы, случайная или даже умышленная стрельба из боевого оружия);

- возможен психический стресс перед отправкой на миротворческую операцию в связи с семейными проблемами (болезнь кого-то из близких, ссоры между членами семьи и пр.).

Во-вторых, это риски во время миротворческой деятельности, к которым относятся опасности для жизни и здоровья:

- психологические проблемы связаны с переходом от спокойного и стабильного выполнения своих обязанностей к опасной военной обстановке. У части военнослужащих развиваются депрессия, психическая неустойчивость, проявления агрессивного поведения;

- проблемы со здоровьем связаны со сменой климата, иной вирусно-бактериологической обстановкой, контактом с новыми растениями и животными-паразитами и др.;

- имеются и трудности с материально-техническим обеспечением, которые обусловлены повреждением снаряжения, техники и оборудования из-за климатических условий, обстрелов и диверсий, причиняющих ущерб инженерным сооружениям.

Названные риски неизбежны при подготовке и проведении миротворческих операций, поэтому важны все возможные профилактические меры для сохранения жизни и здоровья миротворцев.

Заключение. Исследования показывают, что в стране существует определенное согласие относительно участия монгольских военнослужащих в миротворческой деятельности. Большинство граждан и военнослужащих Монголии считают правильным принятие Правительством решения о такой деятельности. Она соответствует национальным интересам, укрепляет безопасность, повышает международный престиж страны, а также способствует повышению профессиональной подготовки участников вооруженных сил и развитию личности монгольских военнослужащих. Опрошенные также считают, что

монгольские военнослужащие способны выполнять обязанности миротворцев на высоком профессиональном уровне, благодаря качествам, издавна присущим монгольским воинам: мужеству, выносливости, верности долгу и др. Сложившийся в стране консенсус относительно участия монгольских военнослужащих в рискованных военных операциях за рубежом определяет расширение этой деятельности. Важную роль в этом должна сыграть конкретная и правдивая информация, распространяемая СМИ, а также законодательная и организационная деятельность руководства страны, направленная на уменьшение всевозможных рисков для военнослужащих-миротворцев.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Отчет об исследовании // Научно-исследовательский институт обороны Монголии. Улан-Батор, 2015.
2. 24 факта: миротворцы или герои этого времени. URL: <http://www.24tsag.mn/a/147224> (дата обращения: 16.02.2019).
3. Уржинбадам Д. Завтра – день Миротворцев ООН. URL: <http://news.zindaa.mn/216s> (дата обращения: 16.02.2019).
4. Методология оценки риска повреждения / Ш. Паламдорж, П. Цэдэв, Н. Гэрэлтцолмон, Ш. Олзвой, Д. Оюунбаатар. Улан-Батор, 2010.

Ганбат Оюунтуяа – аспирантка кафедры истории и теории социологии Санкт-Петербургского государственного университета. Автор 8 научных публикаций. Сфера научных интересов: развитие военной социологии в Монголии. E-mail: oyuntuya.ganbat@gmail.com

REFERENCES

1. Nauchno-issledovatel'skii institut oborony Mongolii (2015), *Otchet issledovaniya* [Research report], Ulan-Bator, Mongoliya.
2. *24 facts: peacekeepers or heroes of this time* [24 facts: peacekeepers or heroes of this time] (2017), available at: <http://www.24tsag.mn/a/147224> (accessed: 16.02.2019).
3. Urzhinbadam, D. (2017), *Zavtra – den' Mirotvortsev OON* [Tomorrow is the day of the UN Peacekeepers], available at: <http://news.zindaa.mn/216s> (accessed: 16.02.2019).
4. Palamdorzh, Sh., Tsedev, P., Gerelttsolmon, N., Olzvoi, Sh. and Oyuunbaatar D. (2010), *Metodologiya otsenki riska povrezhdeniya* [Damage risk assessment methodology], Ulan-Bator, Mongoliya.

Ganbat Oyuntuya – postgraduate at the Department of History and Theory of Sociology, Saint Petersburg State University. The author of 8 scientific publications. Area of expertise: development of military sociology in Mongolia. E-mail: oyuntuya.ganbat@gmail.com

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2019-5-3-66-78>
УДК 316.334.2

А. А. Солдатов✉

Санкт-Петербургский государственный морской технический университет
Лоцманская ул., 3, Санкт-Петербург, 190121, Россия

ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ РЫНКОВ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Введение. Проанализированы механизмы влияния политических процессов на мировую экономику и роль государств как компоненты политического порядка в данных процессах. Существует ли непреодолимый антагонизм между такими понятиями, как «рынок» и «государство»?

Материалы и методы. Используется социологический анализ процессов формирования рынков в контексте работ крупнейших представителей современной социологической и экономической мысли: Ф. Блока, Д. Коулмана, Ч. Миллса, Н. Флигстина, К. Поланьи, И. Валлерстайна и др.

Результаты исследования. Достаточно часто в российской и зарубежной научной практике указывается на фактор негативного влияния государства на регулирование экономических процессов, но проведенный в работе социологический анализ показывает, что существует громадное количество способов позитивного участия государственных структур в формировании социальных институтов, в том числе и рынков.

Обсуждение. Под принятое в современной социологии определение «субъект экономической деятельности» попадают как отдельные индивиды, так и крупные хозяйственные субъекты. Это могут быть как физические, так и юридические лица, в том числе и государства. С точки зрения классического социологического подхода, государство по отношению к экономике всегда выступает в роли внешней силы, и его роль сводится главным образом к созданию благоприятных условий для бизнеса, что есть не что иное, как вмешательство в хозяйственную жизнь.

Заключение. Следовательно, в структуре современного капиталистического мира не существует непреодолимого антагонизма между такими понятиями, как «рынок» и «государство», в процессе формирования нового миропорядка они как важнейшие политические институты тесно взаимодействуют друг с другом и оказывают друг на друга соответствующее влияние.

Ключевые слова: рынок, капитализм, государство, экономическая социология, социальный класс, социологические модели действия.

Для цитирования: Солдатов А. А. Проблемы регулирования рынков в современном мире // ДИСКУРС. 2019. Т. 5, № 3. С. 66–78. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-3-66-78

Источник финансирования. Инициативная работа.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила 03.04.2019; принята к публикации 13.05.2019; опубликована онлайн 25.06.2019

Soldatov A. A.✉

State Marine Technical University
3, Lotsmanskaya str., 190121, St. Petersburg, Russia

THE PROBLEMS OF MARKET REGULATIONS IN THE MODERN WORLD

Introduction. The mechanisms influence of the political processes on the world economics and the role of the states as the components of the political order in these processes are analyzed. Is there any irresistible antagonism between such notions as «market» and «state»?

© А. А. Солдатов, 2019

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Materials and methods. *The sociological analysis of the processes in the market formation in the context of the great representative's works of the modern sociological and economical thought such as F. Blok, J. Coleman, N. Fligstein, K. Polany, Ch. Mills, I. Vallerstein is used.*

Results. *The factor of the negative state influence on the regulation of the economical processes is rather often indicated in the Russian and foreign scientific practice. But the sociological analysis in this work shows that there is a great number of ways in the positive participation of the state structures in the formation of the social institutes including markets.*

Discussion. *Under the definition accepted in modern sociology "subject of economic activity" includes both individuals, and large economic entities. They can be both physical and legal persons including the State. From the point of view of the classical sociological approach the State in relation to the economy always acts as an external force and its role is reduced mainly to the creation of favorable conditions for business which is nothing but interference in economic life.*

Conclusion. *Consequently, in the structure of the modern capitalist world there is no insuperable antagonism between such concepts as the market and the State, in the process of forming a new world order they as the most important political institutions closely interact with each other and exert corresponding influence on each other.*

Key words: market, capitalism, state, economic sociology, social class, sociological models of action.

For citation: Soldatov A. A. The problems of market regulations in the modern world. DISCOURSE. 2019, vol. 5, no. 3, pp. 66–78. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-3-66-78 (Russia).

Source of financing. Initiative work.

Conflict of interest. The author declares no conflict of interest.

Received 03.04. 2019; revised 13.05.2019; published online 25.06.2019

Введение. В современной политической социологии вопрос о роли государства как компонента политического и экономического порядка является одним из важнейших. Вместе с тем относительно противопоставления таких фундаментальных понятий, как «рынок» и «государство», сложилось множество подходов. С точки зрения классической экономической теории, ведущей свою родословную от Адама Смита, это по своей сути антагонистические категории, которые могут укладываться в классические противопоставления: правый–левый, либерал–государственник, капитализм–социализм. Исходя из позиций неоклассического подхода, которым в большинстве случаев оперируют современные либертарианцы, любое вмешательство государства в экономическую сферу приводит к негативным последствиям по самому своему факту. В качестве весомых доводов приводится история «тоталитарных режимов», где государственные структуры активно прибегали к практике массовых национализаций и экспроприаций, а это в свою очередь порождало террор и репрессии. При этом авторы подобных воззрений не указывают на гораздо более многочисленные примеры «правых диктатур», эталонным примером которых является режим Пиночета в Чили. В действительности многие авторитарные режимы устанавливались в интересах крупных частных компаний, которые именно таким способом пытались подавить экономическую свободу более мелких хозяйствующих субъектов. При этом структура экономики подобных государств оставалась целиком капиталистической, но свобода рыночных транзакций ограничивалась. Уже по одному данному факту напрашивается вывод, что капитализм и рынок не синонимичные категории.

На данное обстоятельство указывал, в частности, крупнейший французский историк Фернан Бродель, утверждая, что капитализм охватывает собой только сектор монополий; он не считал свободный рынок признаком капитализма и «даже, наоборот, настаивал на том, что капитализм – это “антирынок”» [1, с. 88]. Подобная ситуация складывается тогда, когда частные корпорации монополизуют рынки в своих интересах и тем самым снижают

риски конкуренции. Известный американский экономист середины XX столетия Р. Коуз в знаменитой работе «Теория фирмы» сумел раскрыть причины создания крупных предприятий, в качестве основного фактора он назвал снижение риска «транзакционных издержек» [2, с. 12]. Внутрифирменная структура таких крупных объединений выстроена вертикально-иерархически, но жесткая система управления никоим образом не следует из ведущего мотива рыночных обменов – максимизации прибыли при минимизации издержек. Таким образом, Р. Коуз приходит к выводу, что такие внутрифирменные отношения по своей природе не рыночны, поскольку предполагают жесткую организацию, которая способна подавлять в целом ряде случаев индивидуальные мотивы действия. Другой видный представитель неинституциональной школы, американский экономист О. Уильямсон, ввел жесткое противопоставление «рынков и иерархий» [3, с. 45].

Материалы и методы. Также достаточно часто в российской и зарубежной научной практике указывают на фактор негативного влияния государства в попытках регулирования экономических процессов. Например, утверждается, что установление госмонополий в отдельных сегментах хозяйства резко повышает риски для частных инвесторов, а значит, в конечном счете, ведет к длительной стагнации. При этом широко известны многочисленные примеры частно-государственного партнерства, за счет которого многие государства сумели совершить экономические прорывы, и, в частности, наиболее известный случай – это Китай. В сегодняшней России также существуют удачные примеры «государственного предпринимательства», например, это госкорпорация «Росатом». В то же время не существует никаких универсальных законов, согласно которым частная фирма будет эффективнее госпредприятия и наоборот. Все зависит не от формы собственности, как полагают ортодоксальные марксисты (равно как и неолИБералы), а от целой совокупности факторов: грамотный менеджмент, инвестиционная привлекательность, прозрачные правила игры, четкая законодательная база и т. д. На место прежних устойчивых дихотомий государство–рынок приходит, по утверждению американского экономиста Фреда Блока, новая парадигма, которая заставляет переосмыслить происходящие в мировой экономике процессы: «Новая парадигма начинается с опровержения идеи вмешательства государства в хозяйственную деятельность. Вместо этого утверждается, что его действия всегда играют ключевую роль в формировании хозяйства» [4, р. 699].

Если исходить из данных положений, не существует весомых оснований для рассмотрения государства в качестве надхозяйственного субъекта как негативной внешней силы по отношению к экономическим процессам. В действительности политика государственных органов во многих случаях направлена на переформатирование рынков, в результате чего создаются новые и исчезают старые. Экономическая деятельность всегда выстроена из гибкого сочетания усилий государства и игры рынка. При этом само понятие «государство» не имеет никакого универсального значения, и его не следует абсолютизировать, поскольку оно состоит из отдельных институтов. Существуют многочисленные примеры эффективного государственного регулирования, которое, в конечном счете, привело к феномену экономического чуда: Япония, Южная Корея. В то же время есть не менее многочисленные примеры грубого вмешательства государства в экономическую сферу общества, что порождало примеры неэффективного планирования и рост теневого сектора. В последнем случае побочным эффектом являлись «бегство капиталов», обнищание, усиление репрессивного аппарата. В связи с этим чаще всего в пример приводятся различные «социалистические эксперименты» в «странах третьего мира»: массовый террор в Кампучии, «эфиопский социализм», современное положение

в Венесуэле и т. п. При этом критикам подобных социальных экспериментов можно возразить, что к катастрофическим последствиям способно привести и полное устранение или, проще говоря, «бегство государства» из экономики. В таком случае появляются квазигосударственные хозяйственные игроки, которым государственные органы негласно делегируют полномочия по установлению «правил игры». Негативные последствия подобных социальных практик более чем очевидны: рост коррупции, правовой вакуум, внешнее управление.

Таким образом, эффективные действия государственных институтов крайне необходимы для выстраивания оптимальных хозяйственных моделей, это сфера экономической политики. При этом неотъемлемой частью данного процесса являются сами рынки, именно они обеспечивают индивидам и социальным группам возможности оптимального выбора. Государства не просто структурируют рынки, но в целом ряде случаев создают и ликвидируют их, это зависит от вполне конкретных обстоятельств. Например, в большинстве стран мира запрещен легальный оборот оружия, но не все из них способны предотвратить формирование «черного рынка вооружений». Данное обстоятельство может быть связано с вооруженными конфликтами, которые являются питательной средой для нелегальных сбытчиков. Но сами войны и конфликты, в свою очередь, тоже могут иметь определенный коммерческий интерес. Неоспоримый факт, что от многочисленных конфликтов выигрывают производители и поставщики вооружений, как государственные, так и частные. Последний пример заслуживает особого внимания, поскольку коммерческие компании руководствуются преимущественно рыночной мотивацией по принципу «ничего личного, только бизнес». Но в данном случае банальные коммерческие расчеты могут войти в жесткое противоречие с государственными интересами. Может ли частный производитель или продавец вооружений сбывать товар недружественному государству? Подобная практика порождает «конфликты интересов» и жестко пресекается государственными органами. То же самое можно сказать о ценных технологиях повышенной секретности. Ведущие и развитые государства мира очень тщательно регулируют процесс экспорта «высоких технологий» в третьи страны. В отдельных случаях это становится козырем в политическом противостоянии и используется в качестве элемента давления: санкции США против отдельных государств, ограничения на торговлю с «неблагонадежными режимами».

В то же время вложения конкретных государств в военную индустрию далеко не всегда рыночно обоснованы и зачастую затратны, а следовательно, неэффективны. Можно привести пример «рейганомики», ставшей своеобразной визитной карточкой США в 80-е гг. XX столетия. Однако, по мнению большинства исследователей, именно грамотно выстроенные инвестиции в военную индустрию стали мощнейшим драйвером экономического развития страны, позволившим покончить с кризисом предшествующего периода. Напротив, опыт СССР со всей очевидностью показал пагубность колоссальных вложений в оборонную сферу, которые обескровили экономику страны. Следует, однако, учитывать сам критерий эффективности. Многие американские начинания сопровождались соответствующим PR-обеспечением, как, например, широко раздутая программа СОИ (Стратегическая оборонная инициатива), которая так и не была претворена в жизнь. Также американцы, в отличие от СССР, продавали по всему миру вооружения по полной коммерческой стоимости, за исключением самого близкого союзника, но это отчасти компенсировалось дополнительными рабочими местами. С другой стороны, государства, которые по соображениям экономической целесообразности не тратят средства на поддержание собственной обороноспособности, рискуют не только своим благополучием, но в отдельных случаях и суверенитетом. Многие вполне успешные в экономическом отношении

страны практически исчезли с международной карты мира именно в результате внешней агрессии: Югославия, Ливия. Таким образом, используя различные инструменты (в том числе военную агрессию), конкретные государства создают, регулируют и ликвидируют рынки. Например, демократизация политической сферы привела к исчезновению легального рынка работорговли и детского труда. Существуют и спорные примеры использования механизмов легализации рынков, в частности, узаконенная торговля «легкими наркотиками» в строго ограниченных районах отдельных стран. Также по признанию ведущих политиков мира, военные операции в разных регионах часто осуществляются для рекламы собственного оружия, что стимулирует развитие международного рынка вооружений.

Теперь хотелось бы остановиться еще на одной немаловажной проблеме. Соотношение понятий «рынок» и «государство» тесно связано с фактором функционирования «глобальных рынков». По мнению многих экспертов, содержательной стороной процесса глобализации является наличие транснациональных корпораций (ТНК) как основных субъектов мировых экономических процессов. Как сторонники, так и противники глобализации в один голос утверждают, что интересы ТНК стоят выше позиций отдельных государств, даже таких могущественных, как США. В качестве веского довода приводится факт свободного перемещения капиталов и рабочей силы. Еще в 70-е гг. прошлого века появилось такое понятие, как «беглая фабрика», что явилось причиной свертывания целых отраслей промышленности в прежних индустриальных гигантах и появления новых промышленных стран: Китай, Бразилия, Таиланд. В результате в самой крупной экономике мира США не производят телевизоры, а некогда флагман американского автопрома город Детройт находится в глубочайшей экономической депрессии, сравнимой по своим масштабам с 1920–1930 гг. Вместо «индустриального пояса» появился «ржавый пояс».

Эти доводы свидетельствуют об утрате влияния национальных государств в пользу глобальных игроков, коими являются конкретные экономические субъекты. Последние решают свои споры в международных экономических институтах: ВТО, Международный банк, МВФ. Однако принятые там глобальные соглашения не всегда эффективно работают, поскольку нет конкретных механизмов их реализации. В настоящее время по-прежнему отдельные государства прибегают к торговому протекционизму, а с приходом к власти Д. Трампа к ним присоединились и США. Многие страны сегодня стремятся защитить свои локальные рынки от глобального диктата ТНК, и это дает основания говорить о том, что маятник качнулся в другую сторону, к деглобализации. Фред Блок указывает в связи с этим на факт существования рыночных сфер, которые не в полной мере охвачены глобальными соглашениями: «Одной из сфер, не охваченных подобными соглашениями, является мировой рынок корпоративного контроля. Очень трудно производить агрессивное поглощение практически в любой стране, за исключением, пожалуй, США и Великобритании» [4, р. 701]. Права собственности и суверенитет являются своеобразными регуляторами между государственными структурами и бизнес-элитами. Поэтому чиновники, которые регулируют сам процесс смены собственности, далеко не всегда руководствуются только принципом коммерческой выгоды. Этим, например, объясняется тот факт, что в результате «залоговой приватизации» в Российской Федерации середины 1990-х гг. самые «лакомые куски» достались «родным бизнесменам», а не иностранным компаниям, которые могли бы заплатить за них настоящую рыночную цену. В противном случае российские чиновники жертвовали своей властью, а Россия – суверенитетом.

Результаты исследования. Представители западной социологической мысли уже не первое десятилетие пытаются преодолеть противоречия между необходимостью государственного регулирования и свободой рыночных отношений. В новой экономической социологии данная концепция, ведущая поиск способов преодоления хозяйствующих антагонизмов, получила название «реконструирование рынка». В современной парадигме экономического мышления протекание хозяйственных процессов не сводится к однонаправленному вектору передачи все большего числа экономических действий во власть рыночной игры. По отношению к классическому рыночному обмену почти всегда применим эффективный социальный контроль. Социальные субъекты, совершающие конкретные экономические операции, находятся далеко не в одинаковых условиях и обладают разными ресурсами. Именно по данной причине равноценный экономический обмен практически никогда не представляется возможным. Многие указывают в связи с этим на «информационную асимметрию», когда субъекты обладают неодинаковой информацией о приобретаемой и продаваемой продукции. Самым примитивным примером является реализация так называемой «левой продукции» (возможно, под маской известного бренда). Банальным случаем представляется также ситуация, когда продавец стремится завысить стоимость и качество сбываемой продукции, из-за чего в конечном счете экономические субъекты несут колоссальные убытки и невосполнимые репутационные издержки. Более мелкие экономические игроки всегда обладают крайне малым объемом информации, к примеру, жилец не знает реальную стоимость продаваемой им квартиры и при ее оценке вынужден обращаться к государственным службам, хотя имеет дело с частными риэлторскими агентствами. Современные общества требуют сложного набора правил, которые должны определять, какие транзакции легитимны, а какие нет. Запреты можно называть «заблокированным обменом» [4, p. 695].

Следует отметить, что и в рамках широко используемых в социологии моделей всеобъемлющей рациональности уже содержались важные положения, способные ограничить свободу экономического выбора. Так, один из крупнейших представителей «теории рационального выбора», американский ученый Джеймс Коулман, допускал в положениях модели рационально обоснованного принятия решений элементы, отходящие от неоклассической экономической теории. К числу таковых американский социолог относил достижение полезности путем отказа от контроля. Как мы уже ранее указывали, концепции экономических рынков строились по моделям конкуренции «атомизированных» индивидов, стремящихся к максимизации своей прибыли путем снижения издержек, между которыми распределяются ограниченные экономические ресурсы. В данном случае мы имеем основания определить прибыль в качестве сверхограниченного ресурса. Но логика экономической конкуренции подводит нас к мысли, что индивид стремится максимизировать свою полезность, установив контроль над каким-то дефицитным ресурсом. В равной степени тот же самый субъект минимизирует свою выгоду по мере утраты контроля. Экономический рынок представляет собой отношения обмена, в результате которого индивиды обретают контроль над чем-то, что является для них более предпочтительным, чем то, контролем над чем они были вынуждены пожертвовать ради нового блага. Однако, как представлял себе Дж. Коулман, возможна также ситуация, когда индивиды максимизируют полезность в одностороннем порядке, отказавшись от контроля за собственными действиями.

В ситуации общественного выбора конкретный экономический субъект не способен отказаться от чрезмерной максимизации своей полезности во имя общего блага, которое может являться для него абстрактной категорией. Но если конкретный индивид полагает, что

передача контроля за его действием другим приведет к лучшему результату, то такая передача выглядит рациональной. В роли других могут выступать крупные корпорации, с которыми индивид подписывает контракт, не вдаваясь в детальные подробности по принципу доверия к известному бренду. Однако во многих случаях больший объем доверия вызывают государственные структуры, нежели частные фирмы, особенно в ситуации, когда переход к полноценным рыночным отношениям еще не завершен полностью. В сегодняшней России недоверие к частному сектору экономики усугубляется проблемой существования фирм-однодневок и «офшорной природой» молодого российского капитализма. Отрицательный эффект также имеют нарушения при приватизации, ставшие причиной репутационных издержек российского предпринимательского класса.

Отношения представителей крупного капитала и общества асимметричны по своей природе. У конкретного субъекта ничтожно мало ресурсов для оказания влияния на принятие экономических решений, в большинстве случаев данных ресурсов нет вовсе. Только объединившись в обширные профессиональные группы, индивиды способны четко формулировать и выражать собственные интересы. В ситуации сложного экономического выбора профессиональные группы (например, мелкие и средние предприниматели) передают контроль за своими действиями, или, точнее, право на этот контроль, представителям более ресурсообеспеченных групп, как правило, крупным корпорациям с участием государства. Те в свою очередь обладают целым рядом преимуществ: лучшие лоббистские возможности, доступ к надежным инсайдерам, снижение риска конкурентных издержек. Дж. Коулман предположил, что «такого рода передача контроля, доверие к другому или предпочтение чьего-то влияния наиболее вероятны в ситуации ограниченной информации, т. е. когда результат в значительной степени не предопределен» [5, p. 171].

Теперь хотелось бы обратиться к определению самого понятия «субъект экономической деятельности». В социологии под данное определение попадают как отдельные индивиды, так и крупные хозяйствующие субъекты. Кроме того, это могут быть как юридические, так и физические лица. Сложнее обстоит дело с вопросом о том, можно ли государство считать полноценным экономическим субъектом? С точки зрения классического подхода, государство по отношению к экономике всегда выступает в роли внешней силы, и его роль сводится главным образом к созданию благоприятных условий для бизнеса. При этом из виду упускается тот факт, что конкретные механизмы создания тех самых благоприятных условий – это не что иное, как вмешательство в хозяйственную жизнь. В действительности сторонники классических экономических подходов не отрицают факт того, что частные корпорации лоббируют свои интересы в государственных структурах, например, с целью создания дополнительных преимуществ в сфере конкуренции, к тому же бренд частной корпорации тесно связан с конкретным государством. Сейчас данная проблема приобрела особую актуальность ввиду наличия «сборочных цехов» и «отверточного производства», которые разбросаны по всему свету. Тем не менее компания «Фольксваген» по-прежнему является немецкой маркой, «Форд» – американской, а «Тойота» – японской, что и создает хорошие конкурентные преимущества данным производителям. Эти бренды указывают нам, какие конкретные страны обладают эксклюзивными авторскими правами на готовую продукцию, и в чьих руках сосредоточены необходимые технологии.

Безусловно, современный рынок внес свои коррективы в привычное положение вещей, и сегодня существует целая индустрия, которая получила название «франчайзинг» – торговля

уже существующими брендами. На деле это породило проблему широкого выпуска «нелицензионного товара», когда производитель больше не способен отвечать за свою продукцию. К примеру, в СССР в начале 70-х гг. XX в. итальянцы вложили значительные инвестиции в строительство «АвтоВаза», выпуск продукции которого осуществлялся по технологии известной итальянской марки «Фиат». Однако в СССР данная готовая продукция сменила название на «Лада» («Жигули») и стала считаться самой продвинутой советской автомобильной маркой. Хотя, как правило, продукция товаров самого широкого спроса неотделима от государства-производителя: французские сыры, швейцарские часы, американская пепси-кола и т. п. В 1970-е гг. американцы столкнулись с проблемой переноса своих пошивочных цехов для джинсов в Китай. Однако потребители желали приобретать именно продукцию американского производителя, поскольку экономический имидж США в то время был вне всякой конкуренции. Таким образом, совершенно очевидно, что за любыми экономическими игроками (как частными, так и государственными) стоят интересы конкретных стран-гарантов. Представители марксистских и антирыночных течений вообще считают, что государство является единственным крупным собственником экономических ресурсов и общественных благ, а также самым надежным гарантом социального обеспечения граждан.

Социально-экономический уклад «западных европейских демократий» предполагает наличие частного сектора, объем которого подвержен колебаниям, и данный процесс регулируется государством, в том числе в сфере социального обеспечения. При этом население в данных государствах имеет широкие социальные гарантии. Но мы исходим из новой экономической парадигмы, согласно которой не имеет смысла рассматривать государство в отрыве от конкретных экономических процессов. По сути, государственные органы во многих случаях выступают в роли важнейшего субъекта хозяйственных обменов, даже в ситуации, когда основными игроками являются частные компании. В действительности государственная поддержка, оказываемая конкретным компаниям, является очень ценным ресурсом. В определенные моменты истории (например, мировой экономический кризис 2009 г.) финансовая помощь от государства – это в буквальном смысле вопрос выживания. Финансирование частных банков из государственного бюджета является действием, которое противоречит законам рыночной экономики, но не идти на него значит провоцировать экономический коллапс. Ведь существует не только понятие «эффективная экономика», но и «эффективное государство». Последнее создает благоприятные условия для развития экономики разными способами, в том числе и регулирующими хозяйственные процессы: торговый протекционизм, стимулирующие меры для снижения ставок, борьба с безработицей. Примером может являться торговая война между США и Китаем из-за повышения ввозных пошлин со стороны американских государственных структур для защиты собственных производителей. Частные предприниматели ищут поддержку у государства и во многих случаях испытывают «ресурсную зависимость».

Однако в западной социологической традиции существует подход, представители которого руководствуются иной методологией, нежели сторонники «ресурсной зависимости». Речь идет о теории «социального класса» Ч. Р. Миллса, в основе которого лежат представления о том, что «главными акторами социального действия являются конкретные индивиды, а организации лишь инструмент в их руках» [6, с. 243]. С данных позиций мы можем утверждать, что за отдельными экономическими действиями стоят конкретные индивиды, целью которых является максимизация своего интереса, зачастую в ущерб общественному благу. За основу берется положение о том, что интенсивные связи между политическими и

экономическими элитными группами приводят к формированию универсальных и обязательных к исполнению правил игры, гарантом которых выступает государство. Но бывают ситуации, когда действия отдельных экономических игроков выходят за общепринятые конвенции. Классическим примером является банальное нарушение законов, например, сокрытие прибыли. Но возможна и ситуация, когда экономический субъект осознанно пытается изменить существующие правила, которые кажутся ему не отвечающими существующим реалиям. Данным игроком может быть конкретный предприниматель, бизнес-группа или государство. В последнем примере речь также может идти о конкретном лице или властной группировке. Так, избранный в ноябре 2016 г. на должность президента США Д. Трамп, вступив в должность в январе 2017 г., с самых первых дней бросил вызов существующим глобальным правилам, гарантом которых выступали сами США. Впервые американский президент поставил под сомнение ценность существующих институтов мировой экономики, прежде всего ВТО, и стал выходить из ряда торговых соглашений.

Рассматриваемая нами проблема нашла свое отражение также и в рамках модели властно-институционального подхода, где присутствует такая категория, как «социологическая модель действия» [7, р. 660]. Суть данного понятия состоит в том, что участники рыночного обмена стремятся решать проблему конкурентных рисков социальными средствами. Именно таким образом формируется основа «стабильных миров» в представлении американского социолога Н. Флигстина. Во время нормального развития изменения на рынках будут иметь второстепенный характер и зависят от структуры интересов разных акторов в государстве, а также частных инвесторов. Поэтому многие экономисты полагают, что наличие «стабильных правил» важнее их социального содержания. Но следует учитывать, что сами правила рыночного обмена устанавливаются в интересах доминирующих групп, а следовательно, вплоть до возникновения кризисной ситуации у них не будет прямой заинтересованности в изменении данных правил. И здесь возникают серьезные риски «национализации убытков» государством вследствие рыночных провалов, допущенных частными игроками: «Государственные акторы постоянно заняты разрешением того или иного рыночного кризиса» [7, р. 665].

Это прямое следствие неизбежных процессов дезорганизации на рынках, при которых частные фирмы стремятся лоббировать свои интересы и зачастую провоцируют грубое вмешательство государства в экономическую жизнь. Это может осуществляться в разных формах: антикризисная стратегия, ручное управление, выработка новой законодательной базы и т. п. Осуществляемый государством контроль за соблюдением законов влияет на то, какие именно концепции контроля могут порождать стабильные рынки. Активно ведутся политические дискуссии по поводу сути регулирующих законодательных актов, а также возможности их применения к конкретным фирмам и организациям. Также имеются законы, регулирующие допустимый уровень государственного вмешательства в споры хозяйствующих субъектов. При этом данные законы не могут носить универсальный характер, поскольку они принимаются в пользу той или иной группы: «В силу своей ведущей роли в создании и поддержании рыночных институтов государства становятся эпицентром кризиса на любом сколько-нибудь значительном рынке» [7, р. 671]. Следовательно, хаотичная природа рынков является главной причиной усилий государств по предотвращению и разрешению экономических кризисов.

Обсуждение. В свое время венгерский экономист Карл Поляни сумел описать три основные формы экономической организации: реципрокность, когда экономические отношения

строятся по принципу взаимности (экономика дара, где действует правило «ты – мне, я – тебе»); перераспределение: экономические ресурсы подлежат строгому централизованному контролю и в той или иной степени равномерно распределяются между основными субъектами; монетарный рыночный обмен на общественных площадках [8, р. 35]. По мнению многих исследователей, реципрокная модель экономики – это обязательный атрибут «коррупцированных государств». Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что и в «прозрачных экономиках» личные и неформальные отношения играют немаловажную роль. Американский социолог И. Валлерстайн предложил применить данный подход к своей теории мир-системного подхода: «В минисистемах экономика строилась на принципах взаимности, мироимперии практиковали перераспределение, а мироэкономики – рыночный обмен» [9, с. 86]. В действительности государственные институты всегда стремятся обеспечить более или менее равномерное развитие между областями одного и того же государства. Но, следуя законам классической модели экономики, сделать это не представляется возможным, поскольку дотации периферийным хозяйствующим сегментам затратны и во многом некупаемы, а следовательно, неэффективны. Это касается, например, затрат на поддержку депрессивных регионов, защиту отечественных неконкурентоспособных (на внутренних и внешних рынках) производителей, на искусственное создание рабочих мест ради борьбы с безработицей. По такому же принципу действовали и государства-метрополии по отношению к своим колониям, вложения зачастую превышали вывоз ценных ресурсов. Однако глобальный рынок в значительно большей степени подчинен принципу «экономической эффективности», где во главу угла ставится извлечение прибылей со стороны основных хозяйствующих субъектов современной мировой экономики – транснациональных корпораций. Но обратной стороной данных процессов являются попытки установления «неформальных отношений» с национальными элитами отдельных государств, которые в обмен на утрату части суверенитета требуют особых преференций.

Это в какой-то мере свидетельствует о возврате «принципа взаимности», поскольку во многих государствах отсутствует прозрачная нормативно-правовая база, регулирующая деятельность иностранных компаний. Таким образом, по-прежнему нет весомых оснований говорить о наличии универсальных правил игры, которые регулируют функционирование единого глобального рынка. Государственные институты по-разному регулируют рыночные процессы обмена, пытаясь создать альтернативные локальные рынки. Это могут быть отмены существующих торговых соглашений, выход из международных конвенций (например, соглашение по климату), повышение ввозных пошлин на импортируемые товары и услуги. Все это может вызывать ответные реакции, пример – торговый спор между Китаем и США и его крайняя степень проявления, а именно «тарифная война». Также многие развитые страны пытаются выработать и применить на практике антидемпинговое законодательство, призванное ограничить приток дешевых товаров и рабочей силы из третьих стран. И здесь со всей очевидностью может быть нарушен главный капиталистический принцип: «бесконечное накопление капитала». Социальные субъекты производят капитал ради его умножения, а это процесс бесконечный. Но государство не может всегда следовать данному принципу, поскольку у него присутствуют вполне конкретные социальные обязательства перед населением. Не могут также и частные промышленные компании следовать этому принципу, поскольку они отклоняются от капиталистической логики, совершая «рискованные инвестиции». К тому же производство материальных товаров затратно в значительной степени, о чем писал представитель

французского неoinституционализма Л. Тевено, разграничивая «рыночное и индустриальное обоснование» [10, с. 289].

И в конце концов нельзя ставить знак равенства между капиталистической и рыночной мотивацией поведения социальных субъектов. Рыночная модель поведения сформировалась значительно раньше «современного капитализма». Даже в древности люди производили вещи не просто так, а с целью их дальнейшей реализации (продажи) на рынке. И реализовывали они свой товар с целью получения эквивалентного обмена, в том числе и в виде денег. Кроме того, люди (исключая внеэкономические формы принуждения) получали материальное вознаграждение за свой труд, и это тоже было в докапиталистическую эпоху, а затем и при социализме. И. Валлерстайн полагает, что капитализм самым тесным образом связан с понятием «мироэкономика». Поскольку у мироэкономики нет единой конструкции в виде общепринятой культуры (в том числе экономической), также отсутствует общая политическая и правовая основа, объединяющая их заставляет только необходимость в разделении труда. Данная необходимость продиктована ростом прибылей, гарантом которых выступает капиталистическая система: «До нашего времени мироэкономики появлялись не раз, но они либо сами разваливались, либо военными средствами их превращали в мироимперии» [9, с. 100]. По мнению американского мыслителя, современная миросистема сложилась в виде ядра (экономические гиганты), полупериферии (новые промышленные страны) и периферии – отсталая часть мира. По сравнению с 80-ми годами прошлого столетия (когда были сформулированы подобные мысли), структура мира в значительной степени изменилась. Экономический центр мира все больше смещается в тихоокеанский регион, вырос удельный вес новых индустриальных стран, общим достоянием стало развитие информационных технологий практически в любом уголке земного шара. Капитализм, в свою очередь, не может существовать ни в каких иных условиях, кроме мироэкономических.

Заключение. Современная капиталистическая система зиждется на весьма хрупком балансе между интересами экономической и политической элит. Усиление первой неизбежно ведет к более интенсивным трансграничным операциям в сфере финансов, но это может затронуть интересы конкретных производителей, которые в свою очередь также являются важной частью современной модели капитализма. Укрепление властвующих элит увеличивает риски имперских трендов, т. е. возрождения «мироимперий» в понимании И. Валлерстайна, где бесконечное накопление капитала больше не будет являться основным приоритетом. Государства следуют «имперской логике» поведения и в том случае, когда они прибегают к помощи военной силы для захвата чужих рынков, а также если используют экономические инструменты для действенной защиты своих «внутренних рынков». Капиталисты нуждаются в больших рынках (поэтому минисистемы им не подходят) для полной свободы финансовых и торговых операций. При этом ареной данных экономических процессов всеобщего разделения труда являются конкретные страны, также преследующие свои конкретные цели. С некоторыми государствами удастся устанавливать эффективные формы взаимодействия, но при этом неизбежно возникает проблема «трудных и недоговороспособных». На международном уровне такие страны нередко объявляются враждебными, и глобальные экономические игроки лоббируют методы воздействия на них, находя поддержку у «дружественных режимов». Возникает парадокс, защита сложившихся правил игры на глобальном рынке диктует необходимость применения полицейских и военных методов (в отдельных ситуациях), которые являются атрибутами «мироимперий», а не современной «мироэкономики». Таким образом, современный глобальный рынок «переформируется», в том числе и с использованием насильственных средств.

Государственные институты также для защиты внутренних рынков используют подчас «внерыночные формы» принуждения, создавая преимущества «своим игрокам». Но к тем же самым далеко не рыночным способам взаимодействия прибегают и глобальные капиталисты: финансовые магнаты и производители товаров и услуг. Именно они стремятся к монополизации рынков как действенной защите от конкуренции, используя лоббистские возможности в государственных институтах. Именно по данной причине в мире получил широкое распространение институт «патентования», благодаря которому производители «новых» товаров могут получать дополнительные прибыли, конкретным приобретателям это обходится зачастую неоправданно дорого. Существует бесчисленное множество способов участия государства в работе рынка, что дает основания считать его одним из важнейших факторов ценообразования. Следовательно, государственная политика во многих случаях направлена на преодоление рыночных рисков безмерной конкуренции. В завершение приведем цитату крупнейшего американского представителя неинституциональной школы Д. Норта: «Экономические рынки, близкие к эффективным, встречаются крайне редко» [11, с. 95].

Следовательно, в структуре современного капиталистического мира не существует непреодолимого антагонизма между такими понятиями, как «рынок» и «государство», в процессе формирования нового миропорядка они как важнейшие политические институты тесно взаимодействуют друг с другом и оказывают друг на друга соответствующее влияние.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Т. 3: Время мира / пер. Л. Е. Куббель. М.: Прогресс, 1992.
2. Коуз Р. Г. Природа фирмы // Теория фирмы / под ред. В. М. Гальперина. СПб.: Экономическая школа, 1995. С. 11–32.
3. Уильямсон О. Экономические институты капитализма: фирмы, рынки, «отношенческая» контракция / пер. Ю. Е. Благова, В. С. Каткало, Д. С. Славнова, Ю. В. Федотова, Н. Н. Цытович. СПб.: Лениздат, 1996.
4. Block F. The Role of the state in the economy // The Handbook of Economic Sociology / ed. by N. J. Smelser, R. Swedberg. Princeton: Princeton Univ. Press, 1994. P. 691–710.
5. Coleman J. A Rational Choice Perspective on Economic Sociology // The Handbook of Economic Sociology / ed. by N. J. Smelser, R. Swedberg. Princeton: Princeton Univ. Press, 1994. P. 166–180.
6. Миллс Ч. Р. Властвующая элита / пер. Е. И. Розенталь, Л. Г. Рошаль, В. Л. Кон. М.: Директ-медиа Паблишинг, 2007.
7. Fligstein N. Markets as Politics: A Political-cultural Approach to Market Institutions // American Sociological Rev. 1996. Vol. 61, no. 4. P. 656–673.
8. Polanyi K. The Economy as Instituted Process // The Sociology of Economic Life / ed. by M. Granovetter, R. Swedberg. Boulder, San Francisco, Oxford: Westview Press, 1992. P. 29–51.
9. Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение / пер. Г. Дерлугьяна. М.: УРСС; ЛЕНАНД, 2018.
10. Тевено Л. Организованная комплексность: конвенции координации и композиция экономических образований // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики / сост. В. В. Радаев; пер. Р. А. Громовой, М. С. Добряковой, О. И. Кирчик, А. Ф. Филиппова. М.: РОССПЭН, 2004. С. 281–300.
11. Норт Д. Функционирование экономики во времени // Отечественные записки. 2004. № 6 (21). С. 93–105.

Солдатов Андрей Александрович – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социологии Санкт-Петербургского государственного морского технического университета. Автор 35 научных публикаций. Сфера научных интересов: политическая социология, массовые коммуникации, PR-обеспечение бизнеса. E-mail: soldatov@smtu.ru

REFERENCES

1. Braudel, F. (1992), "World Time", *Material'naya tsivilizatsiya, ekonomika i kapitalizm 15–18 vv.* [Material civilization, economy and capitalism 15-18 centuries], Translated by Kubbel', L.E. Vol. 3. Progress, Moscow, Russia.
2. Coase, R.H. (1995), "The Nature of the Firm", *Teoriya firmy* [Theory of the firm], in Gal'perin, V.M. (ed.), *Ekonomicheskaya shkola*, SPb., Russia, pp. 11–32.
3. Williamson, O.E. (1996), *Ekonomicheskie instituty kapitalizma: firmy, rynki, "otnoshencheskaya" kontraktatsiya* [The Economic Institutions of Capitalism: Firms, Markets, Relational Contracting], Translated by Blagova, Yu.E., Kat'kalo, V.S., Slavnova, D.S., Fedotova, Yu.V. and Tsytoich, N.N. Lenizdat, SPb., Russia.
4. Block, F. (1994), "The Role of the State in the Economy" [The Handbook of Economic Sociology], in Smelser, N. J. and Swedberg, R. (ed.), Princeton Univ. Press, Princeton, UK, pp. 691–710.
5. Coleman, J. (1994), "A Rational Choice Perspective on Economic Sociology" // [The Handbook of Economic Sociology], in Smelser, N. J. and Swedberg, R. (ed.), Princeton Univ. Press, Princeton, UK, pp. 166–180.
6. Mills, C.W. (2007), *Vlastvuyushchaya elita* [The Power Elite], Translated by Rozental' E.I., Roshal' L.G., Kon V.L. Direktmedia Publishing, Moscow, Russia.
7. Fligstein, N. (1996), "Markets as Politics: A Political-cultural Approach to Market Institutions" *American Sociological Rev.*, vol. 61, no. 4. pp. 656–673.
8. Polanyi, K. (1992), "The Economy as Instituted Process" [The Sociology of Economic Life], in Granovetter, M.S. and Swedberg, R. (ed.), Westview Press, Boulder, San Francisco, Oxford, UK, pp. 29–51.
9. Wallerstein, I. (2018), *Mirosistemnyi analiz. Vvedenie* [World-System Analysis. An Introduction], Translated by Derlug'yan, G. URSS, LENAND, Moscow, Russia.
10. Teveno, L. (2004), "Organized complexity: conventions of coordination and composition of economic entities", *Zapadnaya ekonomicheskaya sotsiologiya: khrestomatiya sovremennoi klassiki* [Western Economic Sociology: Reader of Contemporary Classics], in Radaev, V.V. (ed.), Translated by Gromova, R.A., Dobryakova, M.S., Kirchik, O.I. and Filippov A.F. ROSSPEN, Moscow, Russia.
11. North, D.C. (2004), "The functioning of the economy in time", *Otechestvennye zapiski*, no. 6 (21), pp. 93–105.

Andrei A. Soldatov – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of philosophy and sociology, State Marine Technical University. The author of 35 scientific publications. Area of expertise: political sociology, mass communications, PR-business support. E-mail: soldatov@smtu.ru

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2019-5-3-79-89>
УДК 811.111

Н. В. Степанова[✉]

Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)
ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия

ПЕРСУАЗИВНОСТЬ VS ЭВАЗИВНОСТЬ: СТРАТЕГИИ В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНТЕРВЬЮ

Введение. Рассматривается политическое интервью, которое является эффективным способом воздействия на массовую аудиторию, а также инструментом формирования общественного мнения. Приводятся ключевые стратегии политического интервью – персуазивная и эвазивная. Перечисляются основные тактики, способствующие реализации данных стратегий, в том числе в политическом дискурсе.

Материалы и методы. Использованы транскрипты интервью Д. Трампа, Х. Клинтон и Э. Макрона на английском языке. Транскрипты изучаются в рамках когнитивно-дискурсивного подхода, а именно теории концептуальной интеграции (анализ когнитивной метафоры и ментальных пространств) и дискурсивного анализа (рассмотрение лингвистического и экстралингвистического плана дискурса интервью).

Результаты исследования. Примеры изучения персуазивной и эвазивной стратегий с выявлением соответствующих тактик имплементации персуазивности и эвазивности в ходе построения схем концептуального смешения (для персуазивной стратегии) и разбора отдельных реплик с обращением к общественно-политическому контексту (для эвазивной стратегии).

Обсуждение. Среди персуазивных тактик в рассмотренном материале преобладают тактики этикетирования и дискредитации оппонента. Наиболее распространенные эвазивные тактики: смягчение категоричности ответа, обобщение, согласие с позицией журналиста, признание своей вины. Когнитивная метафора является эффективным средством актуализации персуазивной стратегии, однако в случае с эвазивной стратегией она используется крайне редко. С точки зрения психологического образа политиков, Х. Клинтон и Д. Трамп тяготеют к применению персуазивной стратегии, в то время как Э. Макрон строит диалог с позиций эвазивности, а также использует стратегию создания стабильного эмоционального фона.

Заключение. Приводятся перспективы проведенного исследования. Предполагается дальнейшее изучение персуазивной, эвазивной и других дискурсивных стратегий на материале политических интервью и политического дискурса в целом.

Ключевые слова: политическое интервью, политический дискурс, концептуальная интеграция, когнитивная метафора, ментальные пространства, дискурсивные стратегии, персуазивная стратегия, эвазивная стратегия.

Для цитирования: Степанова Н. В. Персуазивность vs эвазивность: стратегии в современном политическом интервью // ДИСКУРС. 2019. Т. 5, № 3. С. 79–89. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-3-79-89

Источник финансирования. Инициативная работа.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила 04.04.2019; принята к публикации 30.04.2019; опубликована онлайн 25.06.2019

© Н. В. Степанова, 2019

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Nataliia V. Stepanova✉

Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»
5, Professor Popov str., 197376, St. Petersburg, Russia

PERSUASION VS EVASION: STRATEGIES IN POLITICAL INTERVIEW

Introduction. Introduction explores the political interview genre, which is an efficient way of affecting the audience as well as a tool of forming public opinion. Key strategies of political interview namely persuasive and evasive ones are given. Basic tactics helping in carrying out these strategies in political interview are outlined.

Materials and methods. Materials and methods are explored in a corresponding paragraph of the paper. D. Trump, H. Clinton and E. Macron interviews transcripts in the English language are used as material for the research. Transcripts are studied within the frame of conceptual integration theory (cognitive metaphor and mental spaces study) and discourse analysis (linguistic and extra linguistic discourse features investigation).

Results. Results of the research represent specific examples of studying persuasive and evasive strategies revealing corresponding tactics while drawing conceptual integration schemes (for persuasive strategy) and examining particular phrases from the interview taking into account political and social context (for evasive strategy).

Discussion. Discussion is devoted to summarizing the investigation and reviewing the results. Among the persuasive tactics *Ettiketirung* and discreditation tactics prevail in the material studied. The most popular evasive tactics are mitigation, generalization, compliance with the journalist, admission of guilt. Cognitive metaphor is an effective way of implementing persuasive strategy while it is used rarely in carrying out evasive strategy. As far as psychological image of the politicians is concerned, H. Clinton and D. Trump tend to be using persuasive strategy, whereas E. Macron prefers to be evasive. Also, the French President often implements stable emotional state strategy.

Conclusion. Conclusion contemplates the outlook of the research given. Further studying of persuasive, evasive and other discursive strategies is planned based on political interviews and political discourse in general.

Key words: political interview, political discourse, conceptual integration, cognitive metaphor, mental spaces, discursive strategies, persuasive strategy, evasive strategy.

For citation: Stepanova N. V. Persuasion vs evasion: strategies in political interview. DISCOURSE. 2019, vol. 5, no. 3, pp. 79–89. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-3-79-89 (Russia).

Source of financing. Initiative work.

Conflict of interest. Authors declare no conflict of interest.

Received 04.04. 2019; revised 30.04.2019; published online 25.06.2019

Введение. Политическое интервью является важным инструментом формирования общественного мнения и воздействия на аудиторию. Одной из основных задач интервью считается выявление точки зрения собеседника на обсуждаемый вопрос и создание его психологического портрета, что предопределяет значимую роль интервью в формировании публичного имиджа интервьюируемого, в том числе за счет языковых средств. Раскрытию психологического портрета политика способствует фиксация спонтанного речевого поведения в ходе беседы с журналистом [1, с. 26–27].

Среди множества стратегий, выделяемых при исследовании политического интервью, основополагающими представляются *персуазивная* стратегия, направленная на убеждение собеседника, и *эвазивная* стратегия, которая проявляется в уклонении от ответа с целью избежать угрозы или уйти от отрицательной самопрезентации. Стратегия уклонения от прямого ответа является типом поведения в ситуации диалогического общения, позволяющим реализовать дипломатичный сценарий речевого взаимодействия [2].

В политическом интервью, как и в других жанрах политического дискурса, нередко применяется персуазивная стратегия, реализуемая посредством частной стратегии *оценочного информирования*, суть которого заключается в создании определенного образа объекта, а не в его объективном описании. При этом на первый план выходит эмоционально-аффективное воздействие, вытесняющее рациональное мышление, используются оценочная лексика и экспрессивные структуры, присутствует ориентация на определенную референтную группу.

В политическом дискурсе *оценочное информирование* осуществляется главным образом с помощью персуазивной техники *этикетирования*, которая реализуется двумя способами. Первый способ – противопоставление «своего» (мы) и «чужого» (они). Второй является логическим продолжением первого и заключается в *положительной характеристике* «своего» и *дискредитации* «чужого».

Тактики (техники), способствующие реализации стратегии оценочного информирования, многообразны. Например, тактика *групповой идентификации*, ведущая к формированию национальной, этнической, территориальной или политической идентичности (использование лозунговых слов). И соответственно – тактика *дискредитации* или *политического размежевания*, способствующая приписыванию «чужому» отрицательных характеристик. Это так называемая тактика «навешивания ярлыка» [3], [4, с. 86–87].

Стратегия эвазивности является одной из базовых стратегий политического интервью. Она реализуется посредством различных тактик. Т. А. Кожевникова выделяет тактики *встречного вопроса*, *смены темы*, *согласия с аргументацией журналиста*, отмечая при этом, что стратегия эвазивности нередко сопровождается вспомогательной стратегией с целью смещения коммуникативного фокуса. В качестве вспомогательной стратегии может выступать положительная и отрицательная репрезентация или создание эмоционального фона. Стратегия *оценочной репрезентации* (положительной и отрицательной) определяется следующими тактиками: *балансирование*, *признание своей вины*, *оправдание* [1, с. 168–169].

Л. Б. Головаш упоминает следующие тактики реализации эвазивной стратегии: *повторов и переспросов*; *задержки ответа*; *смягчения категоричности ответа*; *обобщения*; *поддакивания*; *собственно имплицитного отказа*; *игнорирования*; *иронии*; *намек*; *условия*. Стратегия уклонения от прямого ответа может реализовываться посредством комбинации нескольких тактик [2].

Материалы и методы. Данная статья является частью исследования, посвященного вопросам формирования и реализации дискурсивных стратегий в политических медиатекстах и в политическом интервью [4], [5]. Исследование проводится в русле когнитивно-дискурсивного подхода, с обращением к теории концептуальной интеграции (ТКИ) и критическому дискурсивному анализу (КДА). Работа в рамках ТКИ предполагает поиск в тексте когнитивных метафор с последующим построением схем смещения ментальных пространств, которые формируются по мере актуализации каждой метафоры. КДА заключается, в данном случае, в изучении собственно лингвистического плана дискурса интервью (отдельных слов и выражений) и экстралингвистического плана (анализ использованных в интервью реплик в контексте определенных политических и экономических событий).

В качестве *материала* исследования используются транскрипты интервью Д. Трампа [6], Х. Клинтон [7] и Э. Макрона [8] на английском языке. Каждый транскрипт насчитывает около 30 тыс. знаков.

Результаты исследования. Были выявлены тактики, способствующие актуализации персуазивной и эвазивной стратегий в дискурсе политического интервью. К результатам изучения дискурсивных стратегий можно отнести анализ роли когнитивной метафоры в реализации персуазивной стратегии, а также рассмотрение психологического портрета политиков и того образа, к созданию которого каждый из них стремится в интервью.

Рассмотрим некоторые примеры имплементации персуазивности и эвазивности в политическом интервью и проанализируем промежуточные результаты.

Для начала обратимся к персуазивной стратегии в интервью Д. Трампа и Х. Клинтон.

Персуазивная стратегия нередко реализуется благодаря актуализации когнитивного механизма метафоры [4], [5]. Проследим, как это происходит в следующем фрагменте интервью (1), где Д. Трамп открыто противопоставляет себя экс-президенту США – Б. Обаме.

В реплике Трампа, с помощью метафоры, экономика сравнивается с игрой, в которой есть свои собственные правила:

«And I'm not doing – *I'm not playing by the same rules as Obama*. And just so you understand, *I'm playing a normalization economy*, whereas *he's playing a free economy*. It's easy to make money when you're paying no interest. It's easy to make money when you're not doing any pay-downs, so you can't – and despite that, the numbers we have are phenomenal numbers» [6].

Анализ когнитивной метафоры с помощью схемы, заимствованной из ТКИ Ж. Фоко-нне, дает возможность пошагово проследить, как именно образ *Economy is a Game* формируется в нашем сознании.

Построим соответствующую сеть смещения *Economy is a Game* (рис. 1).

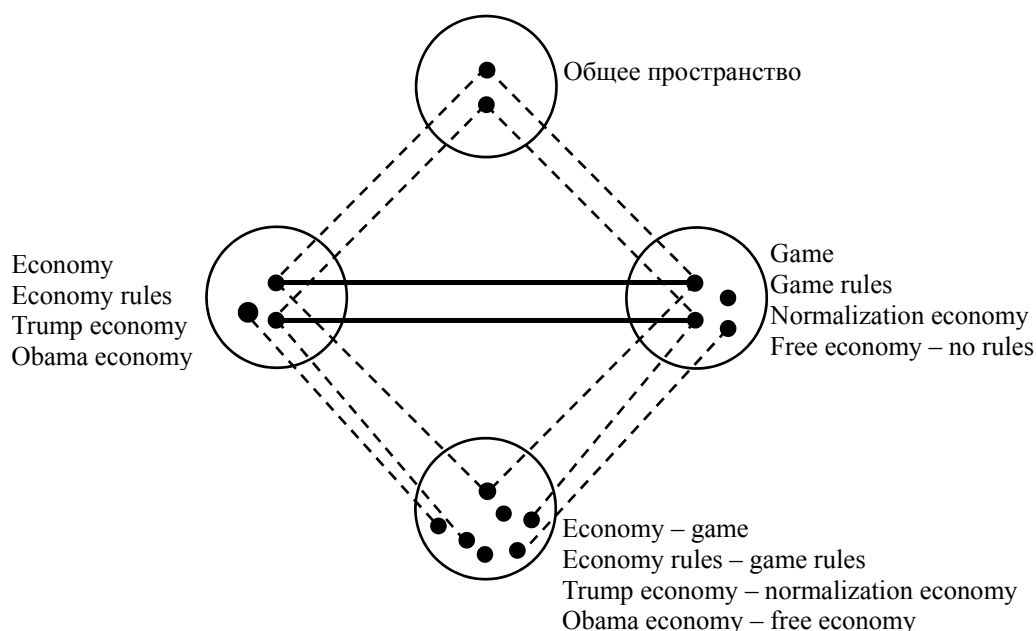

Рис. 1. Экономика – это игра

Fig. 1. Economy is a Game

По мере актуализации метафоры *Economy is a Game* реализуются два сценария: *Economy* и *Game*. Соответственно, формируются два исходных ментальных пространства: экономика, как сложное, комплексное, многоуровневое явление, сопоставляется с более простым и осязаемым понятием игры.

Элементы исходных ментальных пространств проецируются друг на друга в ходе операции композиции. Экономика ассоциируется с игрой, а принципы и законы развития экономики – с правилами игры. Поскольку, по словам Трампа, Обама «играет» в свободную экономику (*he's playing a free economy*), возникает допущение, согласно которому в бленде – смешанном пространстве – Обама играет не по правилам, а точнее – не соблюдает правила игры, иными словами, играет против правил. Далее это допущение подкрепляется такими репликами: «It's easy to make money when you're paying no interest. It's easy to make money when you're not doing any pay-downs».

Сам же президент США действует в строгом соответствии с правилами – «*I'm playing a normalization economy*».

В приведенном примере (1) Трамп прибегает к использованию тактики *этикетирования* (открыто противопоставляет себя Обаме) и к *положительной репрезентации* самого себя и своей политики (своего экономического курса) и *дискредитации* оппонента – экс-президента США.

Теперь обратимся к фрагментам интервью Хилари Клинтон, в котором Клинтон рассказывает о своей книге индийскому телевидению и отвечает на вопросы, связанные с выборами президента США, своей политической карьерой и планами на будущее и т. д. В избранном интервью кандидат в президенты, так же как ее соперник по выборам, использует *персуазивную* стратегию и успешно реализует ее с помощью метафоры (2).

Вспоминая свое участие в предвыборной гонке, Х. Клинтон использует выражение «*the perfect storm*»:

«I try to be candid and open in the book about *what I did wrong, what responsibility I feel about it*, but it was also important to talk about all these factors that were happening at the same time. *It was like the perfect storm*. You had sexism and misogyny; you had voter suppression which, in our country, is a real and growing problem; you had the interference of the Russians; you had the manipulation of social media, the phenomenon of fake news. So I just feel like I am taking responsibility but *I wrote this book in part so that what happened doesn't happen again*» [7].

Позже, в ходе интервью, Клинтон вновь возвращается к использованной метафоре:

«I was the candidate, my name was on the ballot and it's one of the reasons I take losing so personally, because I think I would have been a good President and I regret that there were lots of forces *in this perfect storm* that prevented that from happening» [Ibid].

Клинтон вспоминает о том, что ей не удалось завоевать пальму первенства на выборах, и обвиняет в сложившейся ситуации некие силы, которые в вихре этого страшного шторма (*this perfect storm*) не позволили ей победить.

По мере того, как политик отвечает на вопрос, используя рассмотренную метафору, в сознании слушателя интервью формируется бленд *Election is the perfect storm* (рис. 2).

В процессе актуализации соответствующей когнитивной метафоры реализуются два сценария: 1) выборы; 2) страшный шторм или девятый вал. Для каждого пространства образуется отдельное исходное пространство. Между этими пространствами функционируют жизненно важные отношения (*vital relations*), которые вступают в силу в процессе операции композиции и сводятся к отношениям времени, пространства и сходства.

Особый интерес представляют отношения сходства: предвыборная кампания ассоциируется у героини интервью с *the perfect storm*, т. е. со страшным штормом, с девятым валом, с катастрофической ситуацией, когда несколько/много неприятностей случаются одновременно, когда человека застигает врасплох стечение крайне неблагоприятных обстоятельств.

Отношения времени проецируются с одного пространства на другое: выборы, как и шторм, заканчиваются достаточно быстро. Ощущение кратковременности придает ситуации оттенок драматизма: создается впечатление, что все силы природы обрушились на жертву шторма, которая, в результате межпространственного отображения, отождествляется с участником выборов. Исход битвы с силами природы очевиден: жертва стихии (участник выборов) падет в неравной борьбе с природой (соперниками на выборах и неблагоприятными обстоятельствами). Здесь возможны различные допущения: например, жертва стихии могла попасть в кораблекрушение, что вызвало панику, отчаяние и т. д. Все подобные допущения автоматически переносятся и на пространство выборов.

Поскольку шторм чаще всего связан с водной стихией, то, с точки зрения отношений пространства, в бленде возникает образ океана, в котором словно щепка барахтается человек, – так кандидат в президенты борется со своими соперниками по предвыборной гонке.

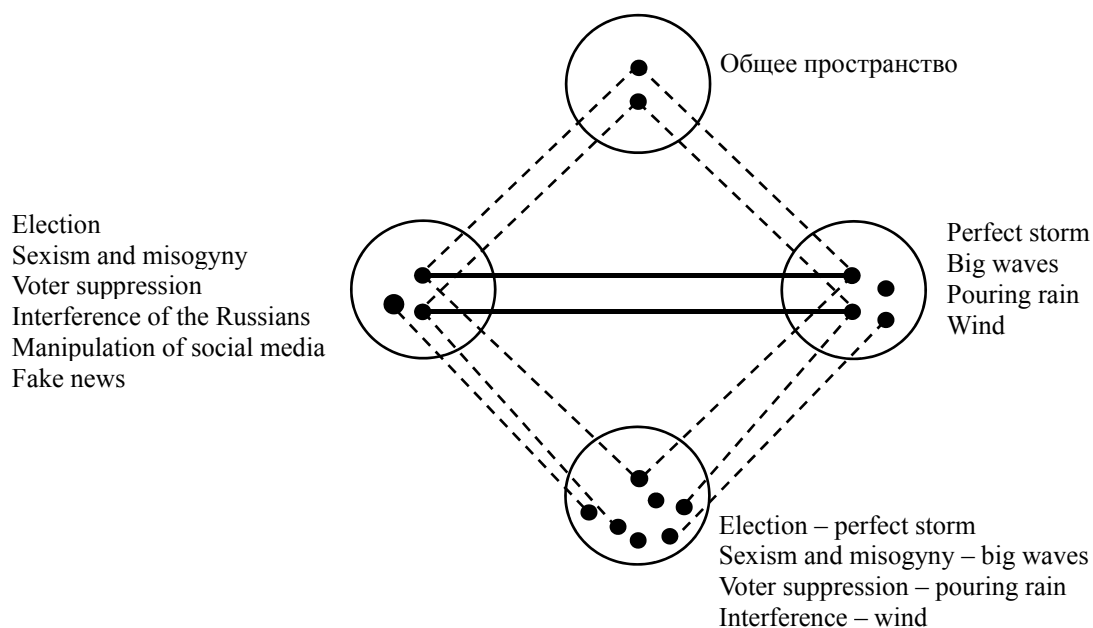

Рис. 2. Выборы – это страшный шторм

Fig. 2. Election is the perfect storm

Таким образом, в процессе операции завершения в эмерджентной структуре формируется представление о выборах как о страшном шторме. В ходе операции развития бленд дополняется новыми допущениями и фоновыми знаниями: Клинтон говорит о сексизме и шовинизме, манипуляциях масс медиа, фейковых новостях и кибер-вмешательстве русских, которые, подобно гигантским волнам в океане, в совокупности со шквальным ветром и ливнем, заставили кандидата в президенты почувствовать себя жертвой стихийного бедствия. В эмерджентной структуре бленда каждое из отрицательных проявлений выборов может ассоциироваться с любым из проявлений стихии.

Перечислив все эти факторы, экс-кандидат в президенты США заявляет, что написала свою книгу отчасти для того, чтобы в будущем подобное никогда не повторилось. Тем самым Клинтон занимает позицию силы, давая своей аудитории понять, что она думает не только о себе и своих собственных неудачах, но также заботится о других. Сильная позиция Клинтон в этом фрагменте (2) проявляется и в том, что она отчасти готова признавать свои собственные ошибки и брать за них ответственность.

Рассмотренная когнитивная метафора *Election is the perfect storm* напрямую способствует реализации *персуазивной* стратегии через тактику *этикетирования* (противопоставление образа самого политика группе остальных, враждебно настроенных лиц, т. е. поляризация по линии «мы» – «они») и, соответственно, отрицательной репрезентации враждебной группы. Благодаря когнитивной метафоре образ «чужого» становится осязаемым и детальным, дополняется не только собственно логическими выводами, но и различными (отрицательными) эмоциями.

Важно отметить, что сопоставление политических, экономических и других социально значимых событий с природными явлениями, и, в частности, с бурями и штормами, осуществляется в медиатекстах достаточно часто [7].

В этом же интервью Клинтон отвечает на вопросы журналиста о своем оппоненте Д. Трампе, характеризует его политику и объясняет, как именно ему удалось одержать победу на выборах (3):

«He won on *stoking anger and fear, pointing fingers, scapegoating people*. So I'm hoping that cooler heads prevail and people will get back to understanding» [7].

Здесь, реализуя *персуазивную* стратегию, Клинтон избирает тактику *дискредитации* в совершенно эксплицитной форме, обвиняя Трампа в том, что он разжигает страх и гнев, а также разными способами перекладывает ответственность на других людей: переводит стрелки (*pointing fingers*) и ищет козлов отпущения (*scapegoating people*).

В одной из последующих реплик Клинтон подробно описывает ситуацию с вмешательством в президентские выборы в США русских (4): «Neither I nor anyone who understands our law and our constitution is urging any contest to the election, that is over. But as we learn more about *the role the Russians played, there are questions that should be raised about the legitimacy of the election*. I personally think that what we're finding out about *how the Russians paid in rubles for ads on Facebook, how they weaponised information, how they sent fake Americans who were Russians to foment discord and demonstrations, how they had a thousand Russian agents, tens of thousands of bots; they were trying to get Donald Trump elected*. So those raise legitimate questions about *the role that Russia played*» [7].

В данном случае противопоставление по линии «свой» – «чужой» становится особенно явным. К «своим» Клинтон относит свое государство и саму себя, к чужим – русских и Трампа. Здесь дискредитация оппонента выглядит крайне убедительно, поскольку Клинтон приводит массу (пусть и не подтвержденных) аргументов в пользу кибервмешательства российского правительства в выборы президента США: как русские платили в рублях за рекламу на Фейсбуке, как они использовали фейковых американцев (а на самом деле – русских), чтобы зародить сомнения и спровоцировать демонстрации, как они внедрили тысячи агентов и десятки тысяч ботов, делая все, чтобы президентом стал Трамп. Особенно любопытно в данной реплике выглядит пример военного дискурса (*how they weaponised information*), который придает вмешательству русских еще более агрессивный и в целом беспрецедентный характер.

Теперь перейдем к стратегии *эвазивности*. Материалом в данном случае служит транскрипт интервью президента Франции – Эммануэля Макрона. Отметим сразу, что при рассмотрении данного интервью был обнаружен лишь один пример когнитивной метафоры (5), который будет упомянут далее. В связи с этим изучение *эвазивной* стратегии производилось в рамках КДА без обращения к когнитивному аспекту: через рассмотрение отдельных тактик, которые, в свою очередь, выявлялись на основании анализа собственно языкового материала – отдельных слов и выражений, используемых президентом Франции в контексте интервью.

В самом начале интервью журналист задает Макрону вопрос о его взаимоотношениях с Д. Трампом:

ZAKARIA: Let me ask you about your relationship with Donald Trump. He says, and now he's made up with you or after the tweet, he says you have lots in common. And I'm wondering what that is, because he calls himself a nationalist. He draws on these populist forces. And you describe yourself often as one of the great opponents of these forces of nationalism and populism. So what do you think you have in common?

MACRON: Probably the fact that *both of us are outsiders of the classical politicians, I would say*. And you're right from the business side it was not a favorite and it was an unexpected candidate. And I

was pretty much in the same institution in France. *Probably because we're very much in line in the fight against terrorism and we work very closely to together following this line* [8].

В ответе на вопрос журналиста (5) президент Франции успешно реализует стратегию *эвазивности*: уходит от жестких формулировок собеседника (националист, популист и др.), использует эвазивную тактику *объединения* с Трампом, ссылается на совместную деятельность (а именно борьбу с терроризмом), несколько меняет тему вопроса и в целом прибегает к *смягчению категоричности* ответа по сравнению с заданным вопросом. Таким образом, Макрон «балансирует» и старается предъявить своим слушателям положительную репрезентацию обеих сторон – Франции и США.

Дальше, продолжая тему Трампа, собеседник Макрона предлагает ряд довольно жестких формулировок:

ZAKARIA: Do you think it matters to have a personal relationship with Donald Trump? Because of all foreign leaders he certainly seems to warm toward you, and yet you tried very hard to keep him in the Paris climate deal, *he said no*. You tried very hard – I remember talking to you in Washington – to get him to stay with the Iran deal. *He said no* [8].

В ответ журналист слышит очередное обобщение и попытку президента оправдаться. Макрон смягчает категоричность ответа, приводя лишь самые общие слова («разный подход», «мы друг друга координируем», «избежать кризиса или роста напряженности») (6):

«We have a different approach, and we coordinate each other, which for me is the best way to avoid a big crisis in the region and to avoid increasing the tensions» [8].

В одной из дальнейших реплик (7) президент, пытаясь быть объективным, использует стратегию отрицательной самопрезентации, в частности, тактику *признания своей вины*. Отмечая неспособность евро конкурировать с долларом, Макрон подчеркивает, что «мы» (we), т. е. очевидно Евросоюз, и, в частности, Франция, не смогли сделать свою валюту твердой и устойчивой, подобно американскому доллару:

MACRON: I think today Europe is not clear alternative to the dollar. Why? Because de facto there is an international extra territoriality of the dollar due to its strength. And until now *we fail to make euro as strong as the dollar*. We may – we made a great job during the past years. But it's not yet sufficient. *We are too much dependent*, our corporates are too much dependent, which is an issue [8].

Далее журналист затрагивает вопросы, уходящие своими корнями в глубь истории, а также обращается к проблеме лояльности и преданности Трампа Европе:

ZAKARIA: I wonder, is part of that – that forgetting of the past that the United States has forgotten the role that it has played? Because when I talk to people in Europe, there's a real sense that one of the crucial pillars of stability that has kept the peace since 1945 was America's unwavering commitment to Europe. And people do worry that under President Trump that commitment is no longer as strong, perhaps not even there [8].

В ответной реплике (8) Макрон уклоняется от прямого ответа: переходит от конкретики к обобщению; избегает личных имен; использует общие слова, например, метафору *«peace is very fragile»*. В своем ответе президент Франции развивает такую мысль: мы победили в войне, но война унесла огромное количество жизней, важно помнить не о вкладе конкретных стран в одержанную победу, а о том, что мир хрупкий, и в любой момент может начаться очередной военный конфликт. Таким образом, президент соглашается с журналистом, но при этом уходит от напряженности (*I would not say that exactly like that*) – в частности, от того, что Трамп не оправдывает ожидания Евросоюза. *Смена темы, смягчение категоричности ответа, обобщение, игнорирование части вопроса*, – вот те тактики, которые помогают Макрону реализовать *эвазивную* стратегию в данном случае (9):

MACRON: Look, *I would not say that exactly like that*. I think *peace is always very fragile*, for sure. And that's why I think it was very important to take such an initiative with this peace forum and that what I wanted to do, especially these days, 11th of November, for the end of the First World War. Because probably we won the First World War, but we lost peace at that time. The first pillar for me is -- yes indeed, to be deeply rooted in our common past. Being very much attached to freedom and always remember the cost of the end of peace. Because nobody has in mind this cost. The First World War is 10 million people killed. It's huge. Coming from everywhere in the world. It was a generation devastated. So I think it's very important to do it this day and in order to remember and to remember that *peace is very fragile*.

ZAKARIA: And the.

MACRON (10): *Of some countries*.

ZAKARIA: Yes. *Of Germany*, but – *and lack of participation of the United States* [8].

Здесь президент соглашается с собеседником, однако вместо конкретной страны (Германии) использует обобщение «некоторые страны» (11).

Кроме смягчения категоричности и обобщения, еще одной типичной тактикой Макрона в данном интервью является *отсылка к «объективным» причинам* (отсутствие сильного лидера, финансовый кризис, рост национализма и тоталитаризма), которые он приводит для обоснования произошедших событий вместо того, чтобы искать виновных и привлекать их к ответственности. Также президент возвращается к идее кооперации «как работать вместе», проведения переговоров и поиска компромиссов (12):

MACRON: *Probably the lack of leadership at the time, definitely the financial and economic crisis. And the raise of nationalisms and totalitarianism*. And all in all it led us to the Second World War and a new massacre. So that's why I do believe that *cooperation is the second pillar of peace* today. *How to work together*. Multilateralism. And I'm a strong defender of that. Sometimes people consider it's too long, very painful, but for me this is one of the very important outcome of the two world wars, of the 20th century. *Negotiating, discussing, finding compromises* is always better than war. And it's very important [8].

Еще одна тактика, способствующая имплементации *эвазивности* в репликах Макрона, – немногословное и безоговорочное *согласие с аргументацией журналиста* (13):

ZAKARIA: What about the cultural issues? Because one of the areas where at least the left in general and I know you are not exactly right or left – but the left has had trouble, is that it provides a very compelling answer, sometimes, to most, many people, on the economic side. But it has no answers to the cultural anxieties that are moving people...

MACRON: *You're right* [8].

Наконец, в ряде случаев Макрон прибегает к стратегии отрицательной самопрезентации через тактику *смягчения собственных заслуг* – например, сначала акцентирует внимание на динамике отрасли в целом и лишь потом говорит о своем личном вкладе (14):

ZAKARIA: Do you – when you look at a plant like this, do you think that this is – the expansion of this plant is the product of your reforms and what reforms?

MACRON: *I think it's both the result of the dynamic of the industry*, because there is a big recovery in the auto – for the car makers and the automotive industry. *And this is indeed the first result of our policy* [8].

Обсуждение. Итак, по результатам исследования примеров реализации *персуазивной* и *эвазивной* стратегий можно сделать следующие выводы:

– *персуазивная стратегия* широко представлена в рассмотренных политических интервью и реализуется, главным образом, посредством тактик *этикетирования* и *дискредитации* оппонента, представленных в репликах Д. Трампа и Х. Клинтон;

– образ Х. Клинтон, к созданию которого она стремится в интервью, характеризуется жесткостью и напористостью политика, четко противопоставляющего себя другим, способного в эксплицитной форме отстаивать свою позицию, но при этом готового признавать свою вину;

– *эвазивная стратегия* реализуется в рассмотренном материале через следующие тактики: *смягчение категоричности ответа*, *обобщение*, *согласие с позицией журналиста*, *признание своей вины*; все интервью Макрона построено с позиций *эвазивности*, что характеризует политика (в рамках дискурса данного интервью) как человека, избегающего прямой конфронтации, уходящего от напряженности в диалоге; почти в каждой реплике Макрона присутствует также *стратегия создания стабильного эмоционального фона*, помогающая президенту поддерживать свой образ как политика-дипломата, умеющего сглаживать острые углы и договариваться;

– персуазивные тактики успешно внедряются в текст интервью благодаря когнитивной метафоре; персуазивный дискурс в целом метафоричен, и каждая отдельная метафора придает ему убедительности; метафора позволяет сопоставить сложные экономические и политические понятия (выборы, экономика) с более простыми и понятными (шторм, игра) в сознании аудитории;

– построение схем концептуальной интеграции дает возможность последовательно проследить процесс формирования того или иного образа и, соответственно, имплементации *персуазивной стратегии*;

– в эвазивном дискурсе метафоры встречаются крайне редко; в репликах французского президента когнитивная метафора встретила лишь однажды, что может свидетельствовать о стремлении политика, применяющего *стратегию эвазивности*, сохранять нейтралитет и высказываться максимально конкретно, сухим, лишенным образности языком.

Заключение. Исследование стратегий в политическом интервью будет продолжено на материале интервью американских и европейских политиков. Предполагается дальнейшая работа с персуазивной, эвазивной и другими стратегиями, главным образом, с точки зрения отслеживания психологического портрета политиков и формирования в ходе интервью их публичного имиджа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кожевникова Т. А. Риторический аспект аргументации в современном американском политическом интервью: дис. ... канд. филол. наук / СПбГУ. СПб., 2018.
2. Головаш Л. Б. Коммуникативные средства выражения стратегии уклонения от прямого ответа: на материале английского языка: дис. ... канд. филол. наук / КемГУ. Кемерово, 2008. URL: <https://www.disscat.com/content/kommunikativnye-sredstva-vyrazheniya-strategii-ukloneniya-ot-priyamo-go-otveta-na-materiale-an> (дата обращения: 03.03.2019).
3. Голоднов А. В. Специфика реализации персуазивной стратегии оценочного информирования в различных типах текста риторического метадискурса // Вестн. ЛГУ им. А. С. Пушкина. Сер. филология. 2009. Т. 2, № 5. С. 122–134.
4. Степанова Н. В. Роль концептуальной интеграции в реализации персуазивной стратегии в политическом интервью // Материалы VII межвуз. науч.-практ. конф. с междунар. участием «Актуальные проблемы языкознания», г. Санкт-Петербург, 22–23 апр. 2018 г. СПб., 2018. С. 86–92.

5. Степанова Н. В. Метафорическое осмысление кризиса как природного явления в контексте теории концептуальной интеграции // Филол. науки. Вопр. теории и практики. 2017. № 3 (69): в 3 ч. Ч. 3. С. 157–165.

6. The New York Times // Excerpts From Trump's Interview With The New York Times. URL: <https://www.nytimes.com/2019/02/01/us/politics/trump-interview-transcripts.html> (дата обращения: 03.03.2019).

7. Full Transcript Of Hillary Clinton's Exclusive Interview With NDTV. URL: <https://www.ndtv.com/world-news/full-transcript-of-hillary-clintons-interview-with-ndtv-1753521> (дата обращения: 02.04.2019).

8. Interview with French President Emmanuel Macron. URL: <http://transcripts.cnn.com/TRANSCRIPTS/1811/11/fzgps.01.html> (дата обращения: 02.04.2019).

Степанова Наталия Валентиновна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина). Автор свыше 30 научных публикаций. Сфера научных интересов: когнитивная лингвистика, дискурсивный анализ, медиа-дискурс, стилистика, теория перевода. E-mail: Nathalie.tresjolie@icloud.com.

REFERENCES

1. Kozhevnikova, T.A. (2018), "The rhetorical aspect of argumentation in contemporary American political interview", Can. of Philol. Sci. Thesis. Saint Petersburg State University, SPb., Russia.

2. Golovash, L.B. (2008), "Communicative means of expressing a strategy of evading a direct answer: on the material of the English language", Can. of Philolog. Sci. Thesis. Kemerovo State University, Kemerovo, Russia, available at: <https://www.dissercat.com/content/kommunikativnye-sredstva-vyrazheniya-strategii-ukloneniya-ot-pryamogo-otveta-na-materiale-an> (accessed 03.03.2019).

3. Golodnov, A.V. (2009), "The specifics of the implementation of the persuasive strategy for evaluating informing in various types of text of a rhetorical metadiscourse", *Vestn. of Pushkin Leningrad State Univ.*, vol. 2, no. 5, pp. 122–134.

4. Stepanova, N.V. (2018), "The role of conceptual integration in the implementation of a persuasive strategy in a political interview", Materials VIII Interuniversity Scientific-Practical Conference with International Participation "Actual Problems of Linguistics", Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI», SPb., 2018, 22–23 April, SPb., 2018. Pp. 86–92.

5. Stepanova, N.V. (2017), "Metaphorical Understanding of Crisis as a Natural Phenomenon in the Context of the Theory of Conceptual Integration", *Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*, no. 3 (69), p. 3, pp. 157–165.

6. The New York Times (2019), Excerpts From Trump's Interview With The New York Times, available at: URL: <https://www.nytimes.com/2019/02/01/us/politics/trump-interview-transcripts.html> (accessed 03.03.2019).

7. NDTV (2017), Full Transcript Of Hillary Clinton's Exclusive Interview With NDTV, available at: <https://www.ndtv.com/world-news/full-transcript-of-hillary-clintons-interview-with-ndtv-1753521> (accessed 02.04.2019).

8. CNN (2018), Interview with French President Emmanuel Macron, available at: <http://transcripts.cnn.com/TRANSCRIPTS/1811/11/fzgps.01.html> (accessed 19.04.2019).

Nataliia V. Stepanova – Candidate of Philological Sciences, Docent, Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI». The author of over 30 scientific publications. Area of expertise: cognitive linguistics, discourse analysis, media discourse, stylistics, translation theory. E-mail: Nathalie.tresjolie@icloud.com.

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2019-5-3-90-98>
УДК 81'373.45

Elena V. Beloglazova

Herzen State Pedagogical University of Russia
48, Moika emb., St. Petersburg, 191186, Russia

RUSSKIJ JAZYK IN NATIVE ENGLISH-LANGUAGE FICTION: TOWARDS THE POETICS OF RUSSISMS IN NON-RUSSIAN LITERATURE

Introduction. Against the torrential flow of Anglicisms into Russian, as well as many other languages, the present paper aims at considering the possible reasons behind introducing loans from Russian into English-language literature.

Materials and methods. The research encompasses authentic English-language literary works in the historical, dystopia and fantasy genres, featuring Russisms. The analysis algorithm includes (1) identification of the Russisms, which can be introduced via a scope of techniques varying in transparency, and (2) identifying their stylistic function in the literary text.

Results. All three of the genres under study feature Russian loans, yet, there are considerable differences as to the effects pursued. (1) In historical novels Russisms are employed to help construct a veritable culturally specific environment, yet absolute accuracy of description is not required. (2) In dystopias elements of the Russian language are used in a particular ideological function, resulting in the effect of negativisation. (3) In fantasy the primary function of Russisms is that of exotisation.

Discussion. The undertaken study allows to raise and answer two kinds of questions: (1) Why-question, or why would a writer risk the text intelligibility opting for the language heterogeneity; (2) How-question, or how accurately do the writers reproduce elements of the Russian linguaculture.

Conclusion. The research allows to show the unique relations established between the Russian and English linguocultures, which are reflected in literature. The genre shift also indicates a change in the overall perception of Russian which seems to be losing its ideological charge.

Key words: russism, historical novel, fantasy, dystopia.

For citation: Beloglazova E. V. Russkij jazyk in native english-language fiction: towards the poetics of russisms in non-russian literature. DISCOURSE. 2019, vol. 5, no. 3, pp. 90–98. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-90-98

Source of financing. Initiative work.

Conflict of interest. Authors declare no conflict of interest.

Received 02.04. 2019; revised 30.04.2019; published online 25.06.2019

Е. В. Белоглазова

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
наб. реки Мойки, д. 48, 191186, Санкт-Петербург, Россия

РУССКОЯЗЫЧНЫЕ ВКРАПЛЕНИЯ В АУТЕНТИЧНОЙ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: К ПОЭТИКЕ РУСИЗМОВ В НЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Введение. При том, что наиболее ярким следствием контакта английского языка, принятого в качестве международного в современном мире, с другими языками является поток англицизмов, заполняющих, в том числе, и русский язык, данное исследование направлено на рассмотрение возможных причин заимствований русизмов на материале англоязычной литературы.

© Е. В. Белоглазова, 2019

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Материалы и методы. Данное исследование охватывает аутентичные англоязычные литературные произведения исторического, антиутопического и фэнтезийного жанров, отмеченные русизмами. Алгоритм анализа включает: 1) выявление русизмов, которые могут быть представлены в тексте с различной степенью прозрачности; 2) определение их стилистической функции.

Результаты исследования. Русизмы присутствуют во всех трех исследуемых жанрах, но их введение обусловлено разными причинами. (1) В исторических романах русизмы используются для воссоздания достоверной культурно-специфической среды, при этом абсолютная номинативная и фактологическая точность не требуется и не соблюдается. (2) В антиутопической литературе элементы русского лингвокультурного контекста являются носителями определенной идеологии и вводятся с целью создания эффекта негативизации. (3) В произведениях жанра фэнтези русизмы выступают в функции экзотизации.

Обсуждение. Проведенное исследование дает ответ на следующие вопросы: 1) почему автор рискует доступностью текста, вводя элементы кодовой неоднородности? 2) как авторы воспроизводят русскую лингвокультуру средствами английского языка?

Заключение. Исследование позволяет показать уникальные отношения между английской и русской лингвокультурой. Отмеченный в ходе исследования жанровый сдвиг позволяет сделать вывод об изменении общего восприятия русской лингвокультуры, утрачивающей постепенно свою идеологическую заряженность.

Ключевые слова: русизм, исторический роман, антиутопия, фэнтези.

Для цитирования: Белоглазова Е. В. Русскоязычные вкрапления в аутентичной англоязычной литературе: к поэтике русизмов в нерусской литературе // ДИСКУРС. 2019. Т. 5, № 3. С. 90–98. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-3-90–98

Источник финансирования. Инициативная работа.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила 02.04.2019; принята к публикации 30.04.2019; опубликована онлайн 25.06.2019

Introduction. Languages exist in contact and interaction, which are the major factors in their development. English is no exception. It is by no means uncommon for English to make use of elements of other languages – rather, its whole history can be defined in terms of dominant donor languages. Russian has never been among those; yet starting with the XVI century there has been a constant, though uneven flow of Russisms into English (for detailed account see [1, p. 43–45]).

Yet, our focus here is not on the Russisms becoming part of the English lexicon – code interlingualism, but on the interaction of the two languages within a work of fiction – textual interlingualism. Quite unexpectedly, the Russian language appears prominent in the domain of English-language literature and performs a variety of unique functions.

Materials and methods. The phenomenon of language heterogeneity of literary texts has attracted ample scholarly attention and was described by different researchers as code-mixing [2], code-switching [3], multilingualism [4], code intertextuality [5], foreign-language inclusions [6]. The scope of languages covered is also most diverse and includes Spanish, Irish, Chinese, Urdu, etc.

Yet, despite this diversity, all these languages function in fiction in a similar way: their aim can be broadly classified as culturological, since they help to create a culturally authentic textual world and characters. This kind of code heterogeneity is to be found basically in two kinds of fiction: (a) native English fiction depicting ethnically diverse society (e. g. G. Jen's *Typical American*) and (b) non-native English fiction depicting the authors' native societies by means of the English language (e. g. A. Amadi's *The Concubine*).

In contrast, Russian linguocultural substrate appears to offer a much richer stylistic potential and is therefore to be found in a greater variety of literary genres. In the present paper we will consider the functions performed by Russisms in historicals, dystopias and fantasy. The corpus of

works is diverse in terms of genres, authors and time of writing; yet all of them are authentic English-language works written by native English speakers, and all of them feature certain elements of the Russian linguocultural substrate, although aiming at different effects.

Results.

Poetics of Russisms in historical literature. English-language literature favors historical novels; and, striving for diversity and novelty, it has developed a sub-genre of historical novels set in Russia: *Rasputin's Daughter* by R. Alexander, *The Bronze Horseman* trilogy by P. Simons, *Winter Garden* by K. Hannah, *Russian Winter* by D. Kalotay, to name just a few. At that, according to S. Johnson, book review editor for the *Historical Novels Review*, "it used to be that Russian settings for historicals were few and far between... In recent months, though, historicals set in Russia have been appearing in force", offering "a wide variety of eras, personalities, and reading levels" [7].

Clearly, the most prominent feature of historical fiction, distinguishing it from other genres, is an authentic cultural-historical background. Yet, there is a difference between history and historical fiction. As L. O. Mink put it, "history claims to be a true representation of the past, while fiction does not, even when it purports to describe actions and events locatable in particular times and places" [8, p. 14]. Therefore we can conclude, the role of Russisms should be to help construct a veritable culturally specific environment, yet absolute accuracy of description is not required. And this is exactly what we witness in literature.

Let us consider *The Bronze Horseman* by P. Simons as an example. The author makes quite an effort to create the genuine cultural-historical setting. To start with, the novel is introduced by two maps: (1) North-Western Russia and adjacent countries and (2) the map of the city of Leningrad, which are meant to help the readers identify the locale of the events narrated. Indeed, the maps are essential, since P. Simons pays much attention to specific routes followed by the characters:

E. g. When the tram didn't come for twenty minutes, Tatiana agreed to walk a few kilometers to tram Number 16. Govorova turned into Ulitsa Skapina and then meandered diagonally northward until it ended in the embankment of the Obvodnoy Canal – the Circular Canal.

Another important block of cultural setting is provided by the characters' names and the various ways they are referred to.

Russian names have a number of peculiarities in respect to their stock, structure, their tendency towards variation depending on the communication register and communicators' attitude, etc. All these make them a marker of the Russian identity, a highly culturally specific lexical class, often seen as a problem in intercultural communication and therefore subject to neutralization in all texts other than literary, where they are needed exactly for their cultural uniqueness, so readily emphasized by P. Simons in particular.

The author is careful in her choice of names, which are mostly specifically Russian (*Tatiana*, *Dasha*, *Pasha*), or international, but typical for Russia (*Alexander* – the bearer of the name turns out to be non-Russian, but this must come as surprise for the reader).

Secondly, the author is unafraid of confusing the reader by providing multiple variants of the characters' names, reflecting the Russian practice of modifying names to render various kinds of attitude:

E. g. "Daria, Dasha, Dashenka, Dashka. She represented everything that was dear to Tatiana".

Here the name variants are given in a list. The absence of "and" to signal the closing element rather signals that the list is incomplete, that it is potentially endless. These variants stand for various aspects of the personality, various social statuses of the character, all of which are equally dear for the speaker – Daria's sister. It is noteworthy that the list is given on the very first page of the novel, for it vividly illustrates the notion of the name variability and allows to avoid the reader's

confusion when coming across different references to one and the same character. Thus Tatiana is found in the novel under the names of *Tatiana* (full first name), *Tania* (contracted family name), *Tatiana Georgievna* (full name with patronymic, used when addressed by her mother in irritation), *Tanechka* (when addressed by her grandfather, in a gentle and kindly manner – an attitude most typical of Russian grandparents).

Apart from proper names, the characters can be referred to by other means of address – borrowed Russisms: *Babushka* (“grandmother”), *Deda* (contracted for “grandfather”, typical for child discourse), *Papochka* (endearment form for “father”) – all serving to render a specific Russian linguistic culture.

Thirdly, the author allows her reader to appreciate the Russian discursive practices, notoriously short of courtesy:

E. g. “Tania, be quiet and sit down”, “Papa ordered his daughter”. “It’s about to begin. Irina, you, too. Sit.”.

All these efforts on the part of the writer do not go amiss, but succeed in creating a genuine cultural setting for the novel, not undermined by some elements of inconsistency in rendering cultural realia and even by factual and linguistic mistakes. We are talking here about cases such as the use of the name “Tsarskoye Selo”, which is an anachronism, since this had been the name of the place before 1918, while from 1937 onward it has been named Pushkin. It is not our goal to give a detailed analysis of culturally-related mistakes in the text, since we believe these to be of little consequence here. Yet, in one instance the author’s imprecision had an unwelcome side effect.

In the very first chapter of the novel the reader learns about the beginning of the Soviet-Fascist war (known in Russia as the Great Patriotic War) in the same way the characters do – by being exposed to the official state announcement. This announcement in the novel is an exact translation of the opening and closing parts of the historical announcement, made by the Minister for international affairs V. M. Molotov on 12-00, 22nd June 1941. It is exact but for the rendering of the name of the city *Zhitomir*, which for some reason is transliterated as *Shitomir*, featuring an irrelevant vulgarism, so out of place in the described context.

In general though, it can be concluded that the means invoked by P. Simons to construct the veritable Russian cultural background were adequate to the task, i. e. the culturological function. In this genre the use of Russisms is crucial, but limited – they are to be sufficient to add a strange flavor to the text, but without overcomplicating it.

Poetics of Russisms in dystopian literature.

Another genre, where Russian language plays a prominent role, is dystopia. This is quite understandable in the light of the ideological differences between the Western European world and the Soviet Union for most of the XXth century: the Soviet model appeared to be the very quintessence of evil, Russian language being strongly associated with it and tainted by the association. Therefore Russian became an almost genre-constituting feature for the English-language dystopian literature.

Let us start our review with G. Orwell’s *Nineteen Eighty-four*, it being one of the early and by far the most influential dystopias, though somewhat marginal from our perspective, since it does not feature Russisms proper: there is nothing much Russian about the language of fictional Oceania, at least on the surface.

Yet, the Soviet discourse is directly associated with Orwellian Newspeak, as can be concluded from the U.S. reaction to the Danchev case, described by N. Chomsky [9]. M. McCauley also readily equates the “Stalinist discourse” and Newspeak [10, p. 298].

The reason is that G. Orwell’s Newspeak is not a language, but a discourse – in the novel it is applied to the English language, but it was the Soviet discourse that served as the source of

inspiration for the writer. So Newspeak is a combination of the English language with the socialist, i. e. Soviet, discursive strategies. This is implied by the direct parallel between the two in G. Orwell's Appendix to the novel.

Newspeak in the novel is the writer's experiment to show the relationship between thought and language, earlier approached by Orwell theoretically in "Politics and the English Language", where he reasons that "if thought corrupts language, language can also corrupt thought" [11]. In the essay we also find numerous references to the deplorable trends in the Russian language "as a result of dictatorship" [11]; in the novel these trends are merely radicalized.

At about the same time V. Nabokov published his first American novel *Bend Sinister*, which is also a dystopia featuring an aggressively asserting oneself totalitarian state. To complete the repulsive characterization of the state the writer gives it a language, which is a combination of Russian and German, perceived in the years directly following the 2nd World War not as languages of literature and philosophy, but as the languages of dictatorship.

Nabokov blends the languages, plays with them, but leaves them quite recognizable:

E. g. Ubit' il' ne ubit'? Vot est' oprosen. // Vto bude edler: v rasume tzerpieren // Ogneprashchi i strely zlovo roka.

The fragment is a translation of the Hamlet's famous "To be or not to be" monologue into the fictional Kuranian tongue. It mostly reads as distorted Russian, but also features German words and forms. The most interesting are Russian roots in German guise – *oprosen*, *tzerpieren*.

Finally we cannot but mention A. Burgess' creation – the world of *A Clockwork Orange*, where he focuses on a youth gang speaking their own slang Nadsat. This one is different from other dystopias, where the protagonist rebels against the evil state; it is the protagonist that is the evil here, and, as in all the above described texts, this quality is marked for the reader by the Russian language. Burgess, too, is not content with a mechanical transliteration, instead he plays with linguistic forms and meanings. This can be illustrated by the writer's coinage *horrorshow*, which via association with the Russian 'khorosho' comes to mean 'good'. But clearly, it is good only for the "droogs", while for the others it remains a horrorshow.

The three novels mentioned here are different in many respects, as we tried to highlight below (see Table 1). But there is one distinct feature that holds them together, and that is the use of the Russian language in a particular ideological function.

Table 1. Russian language in the English-language dystopian novels

Name of the fictional language	Newspeak	Nadsat	Kuranian
Novel	1984 (G. Orwell, 1948)	A Clockwork Orange (A. Burgess, 1962)	Bend Sinister (V. Nabokov, 1947)
Linguistic status in the artificial world of the novel	Conlang based on the official national language	Slang	Official national language
Linguistic features	Combination of the English language with the Soviet discursive strategies	Partially assimilated and distorted Russisms	Combination of partially assimilated, distorted words of Slavic and German origin (predominantly Russian and German)
Function in society	Thought control	Identification of the group, conspiracy	Communication
Function in novel	Negativisation of the image by association with Russian		
Additional functions in the novel	Criticism of manipulative discourse in a totalitarian state	Estrangement	Estrangement

Poetics of Russisms in fantasy literature. Finally, we can compare the place of Russisms in the older literary trends with a newer development, i. e. a particular sub-genre of fantasy, which we, following L. Bardugo, will refer to as tsarpunk [12].

Interestingly, texts of this genre comprise over three fourths of the COCA results for query “*boyar*” – 110 out of 144 [13]. This is a drastic contrast to BNC, giving mere 6 valid results, all in texts on political history [14]. Yet, this is understandable, taking into account the fact that the BNC ceased to update its textual basis since 1994, while COCA continues its development and reflects the newest trends in the English linguoculture, among which we count the emergence of tsarpunk – fantasy that “uses Russia as its cultural touchstone” [12]. So Russisms are crucial for the genre.

If we consider some isolated examples, we would find certain trends very similar to other genres considered above. Just for the sake of illustration, let us compare two fragments from different genres (see Table 2), featuring one and the same Russism introduced by means of transliteration (*kolbasa*), but in a highly explanatory context of hyperonyms and closest equivalents (meet, sausage). This is a model strategy that takes care of both the form and the meaning of the loan, and we can see no genre-specific difference here.

Table 2. Russisms in historical and fantasy fiction

Historical fiction	Fantasy fiction
No. Maybe some sausage. Some nice smoked <i>kolbasa</i> . (Simons P. <i>The Bronze Horseman</i>)	Is there meet? – <i>Kolbasa</i> . She doled out a length of smoked sausage. (Garcia y Robertson R. <i>Firebird</i>)

Yet the general genre portraits in terms of treating Russian linguocultural substrate are rather dissimilar. And there are two major distinctive features: (1) in fantasy Russian inclusions are much more frequent and lengthy; and (2) the authors enjoy greater freedom in respect to the foreign culture they build their literary world upon, indulging in all kinds of distortions and violations, which we shall attempt to systematize.

Firstly, the most frequent are banal misspellings (mistransliterations, confusion of similarly looking graphemes) and grammatical mistakes caused by poor knowledge of the source language. Thus we can consider the following passage presenting a dialogue of characters speaking different languages, which accounts for constant code shifting:

E. g. The rider stood in his stirrups and scanned the encampment. Then he called to Andrew: “K kakomu boyaru vy podchinyaetes?” (What boyar do you serve?) Confused, Andrew could only shake his head. “Nemedlenno mne otvechayte! Boyary Ivor-i-Boros trebuyut bashey nemedlennoy sdachi.” (Answer me at once! Boyars Ivor and Boros demand your immediate surrender!) Andrew extended his right hand outward. “I am Colonel Keane of the 35th Maine Volunteers, of the United States Army.” The rider reined his horse back several paces. “Vy yazychnik, vy ne govorite po hashemv yazyku. Zavaytes!” (Forstchen W. R. *Rally Cry*).

Not a single of the series of “Russian” inclusions is free from mistakes (underlined by us for the sake of convenience). Evidently they were not intended to be read – that would have been a challenge even for a person with Russian background. They were apparently meant to represent stretches of some barbarous tongue.

In another work – *The Grisha Trilogy* by L. Bardugo – we face a confusing inconsistency in rendering personal names, which mostly fail to agree in gender with the surnames accompanying them: *Ilya* (m.) *Morozova* (f.) – male character; *Alina* (f.) *Starkov* (m.) – female character.

Secondly, there occur functional shifts changing the way a word functions. Thus “Morevna” is part of the personal name of a Russian folk tale character “Marya Morevna”. Morphologically, it is reminiscent of patronymic, but C. Valente turns it into the character’s surname:

E. g. Major-General Marya Morevna sat impassively and watched the child weep. <...> “Go,” Morevna whispered (Valente C. M. *Deathless*).

In L. Bardugo’s trilogy the verb “otkazat’sya” functions as a noun; “Razrushaya” (literally “Ruining”, an active participle) is rendered as “the Ruined”.

Thirdly, there happen semantic shifts, changing the meaning of the Russian loans. Thus the analysis of contexts for Russism “kvas” in L. Bardugo’s *The Grisha Trilogy* indicates that it is an alcoholic beverage: one can get drunk on kvas, it can be compared to champagne, it is not to be drunk in the morning.

Fourthly, the strategy of introducing a Russism is sometimes far from optimal, or even faulty, in that it does not allow the reader to establish a connection between the transliterated and calqued versions of one and the same Russism, as is the case with “Byeli Zamak” and “the White Castle” in *Firebird* by R. Garcia y Robertson and with the birds’ names of the husbands and the birds they transfer from in C. Valente’s *Deathless*:

E. g. She laughed to see the rooks ... One of them <...> fell hard onto the streetside. But the little bird bounced up, and when he righted himself, he was a handsome young man ... “I am Lieutenant Gratch ...”.

Here “Gratch” is Russian for “rook”, but there is little chance that the reader would find it out.

Fifthly, the selection of the elements of Russian cultural substrate is noteworthy. Thus, the world of R. Garcia y Robertson’s *Firebird* is inhabited by *Infant King Ivan*; *Prince Sergey Mikhailovich*, *Grand Duke of Ikstra*; *Sonya D’Medved*; *Bishop Peter Petrovich of Markov*; *Tartars*; *Kazakhk bowmen*; *Boyars*. These aren’t really Russisms, but exotisms, i. e. elements of some undefined exotic culture; they have little meaning behind them but this exotic flavor.

Therefore, we can conclude that the primary function of Russisms in the fantasy genre fiction is that of exotisation. And, paradoxically, the choice of the Russian culture as substrate for fiction is due not to its being familiar, but on the contrary. For most readers (and, apparently, writers too) the knowledge is limited to a set of myths and stereotypes, which serve as an easy way of constructing a recognizable, yet distant and exotic alternative world.

Discussion. Having considered thus the functioning of Russian language in native English-language literature, we can conclude that it indeed holds quite a unique position for a foreign language neither culturally very close, nor especially influential for the target English linguoculture. In our review we tried to answer the why-question; and the answers differ for different genres, since the introduction of Russisms pursues different goals in them. In historical and, more broadly, realistic fiction their function is that of constructing an authentic cultural setting; in dystopias they serve to create a negatively charged fictional world; in fantasy Russian appears to a synonym to exotic, so its function is that of exotization, i. e. the utmost estrangement.

As to the how-question, there can be a more general answer, since in all three genres we noted lack of absolute exactness and trustworthiness in rendering elements of the Russian linguocultural substrate. There has been much debate among readers on forums as to the acceptability of this kind of freedom on the part of writers towards a real natural language, not some conlang of their own invention. Yet, even the highly unscrupulous use of Russian in modern fantasy can be seen as a kind of progress if compared to the perverse image of it in the Cold War literature.

Conclusion. Overall, this unique place held by the Russian language in the English linguoculture indicates that irrespective of the attitude, positive or negative, it has been and keeps attracting much interested attention. And literature is always an invitation for the reader to go further, beyond myths and stereotypes.

REFERENCES

1. Kabakchi, V.V. and Beloglazova, E.V. (2012), *Vvedenie v interlingvokul'turologiyu* [Introd. to Interlinguoculturology], Izdatel'stvo SPbGUEF, SPb., Russia.
2. Bennet-Kastor, T. (2008), "Code-Mixing in Biliterate and Multiliterate Irish Literary Texts", *Estudios Irlandeses*, no. 3. pp. 29–41.
3. Martin, H.E. (2005), "Code-switching in US ethnic literature: multiple perspectives presented through multiple languages", *Changing English*, vol. 12, no. 3, pp. 403–415.
4. Gardner-Chloros, P. and Weston D. (2015), "Code-switching and multilingualism in literature", *Language and Literature*, vol. 24, no. 3, pp. 182–193.
5. Arnol'd, I.V. (1999), *Semantika. Stilistika. Intertekstual'nost'* [Semantics. Stylistics. Intertextuality], Izdatel'stvo SPbGU, SPb., Russia.
6. Leont'ev, A.A. (1966), "Foreign language inclusions in Russian", *Voprosy kul'tury rechi*, no. 7, pp. 60–68.
7. Johnson, S. (2012), "Russia: A Novel Bibliography", available at: <http://readingthepast.blogspot.ru/2012/04/russia-novel-bibliography.html> (accessed 20.03. 2019).
8. Mitchell, K. (2010), *History and Cultural Memory in Neo-Victorian Fiction*. Palgrave Macmillan, NY.
9. Chomsky, N. (1989), "Invasion Newspeak: U. S. & USSR", available at: <https://chomsky.info/198912> (accessed 20.03. 2019).
10. McCauley, M. (2013), *The Rise and Fall of the Soviet Union*, Routledge, OX, NY.
11. Orwell, G. (1946), *Politics and the English Language*, available at: http://www.orwell.ru/library/essays/politics/english/e_polit (accessed 20.03. 2019).
12. Bardugo, L. (2012), *Genre Friction: What is Tsarpunk?* available at: <http://ageofsteam.wordpress.com/2012/04/25/genre-friction-what-is-tsarpunk-by-leigh-bardugo/> (accessed 20.03. 2019).
13. *The Corpus of Contemporary American English*, (2019), available at: <http://corpus.byu.edu/coca> (accessed 20.03. 2019).
14. *British National Corpus*, (2019), URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/corpus/index.xml> (дата обращения: 20.03. 2019).

Elena.V. Beloglazova – Doctor of Philological Sciences, Docent, Head of the Department of Modern European Languages, The Herzen State Pedagogical University of Russia. The author of around 150 scientific publications. Area of expertise: translation studies, intercultural communication, discourse analysis. E-mail: evbeloglazova@herzen.spb.ru

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кабакчи В. В., Белоглазова Е. В. Введение в интерлингвокультурологию: учеб. пособие. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2012.
2. Bennet-Kastor T. Code-Mixing in Biliterate and Multiliterate Irish Literary Texts // Estudios Irlandeses. 2008. No 3. P. 29–41.
3. Martin H. E. Code-switching in US ethnic literature: multiple perspectives presented through multiple languages // Changing English. Dec. 2005. Vol. 12. no. 3. P. 403–415.
4. Gardner-Chloros P., Weston D. Code-switching and multilingualism in literature // Language and Literature. Aug. 2015. Vol. 24, no. 3. P. 182–193.
5. Арнольд И. В. Семантика. Стилистика. Интертекстуальность. СПб.: Изд-во СПбГУ, 1999.
6. Леонтьев А. А. Иноязычные вкрапления в русскую речь // Вопр. культуры речи. 1966. № 7. С. 60–68.

7. Johnson S. Russia: A Novel Bibliography. URL: <http://readingthepast.blogspot.ru/2012/04/russia-novel-bibliography.html> (дата обращения: 20.03. 2019).
8. Mitchell K. History and Cultural Memory in Neo-Victorian Fiction. Palgrave Macmillan, NY, 2010.
9. Chomsky N. Invasion Newspeak: U. S. & USSR, 1989 // Fair. Dec. 1989. URL: <https://chomsky.info/198912> (дата обращения: 20.03. 2019).
10. McCauley M. The Rise and Fall of the Soviet Union. Routledge, OX, NY, 2013.
11. Orwell G. Politics and the English Language. 1946. URL: http://www.orwell.ru/library/essays/politics/english/e_polit (дата обращения: 20.03. 2019).
12. Bardugo L. Genre Friction: What is Tsarpunk? 2012. URL: <http://ageofsteam.wordpress.com/2012/04/25/genre-friction-what-is-tsarpunk-by-leigh-bardugo/> (дата обращения: 20.03. 2019).
13. The Corpus of Contemporary American English. URL: <http://corpus.byu.edu/coca> (дата обращения: 20.03. 2019).
14. British National Corpus. URL: <http://www.natcorp.ox.ac.uk/corpus/index.xml> (дата обращения: 20.03. 2019).

Белоглазова Елена Владимировна – доктор филологических наук, доцент, и. о. заведующего кафедрой современных европейских языков Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Автор порядка 150 научных публикаций. Сфера научных интересов: переводоведение, межкультурная коммуникация, дискурс-анализ. E-mail: evbeloglazova@herzen.spb.ru

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2019-5-3-99-111>
УДК 81-112

Maria A. Flaksman

*Saint Petersburg Electrotechnical University «LETI»
5, Professor Popov str., 197376, St. Petersburg, Russia*

SOUND IMITATIVE WORDS IN *BEOWULF*

Introduction. This article is devoted to the study of imitative (onomatopoeic and mimetic) lexicon of the Anglo-Saxon poem *Beowulf*. The poem is, probably, the most well-known work of Anglo-Saxon literature, characterized by its archaic language as well by its expressivity. The study focuses on quantitative and contextual analysis of the imitative words found in the poem from diachronic perspective.

Materials and methods. Methods for the research include the method of continuous sampling, etymological analysis, historical-comparative analysis, elements of quantitative analysis, and the method of phonosemantic analysis. The study is conducted on the material of the full unabridged version of the Anglo-Saxon poem *Beowulf* written in Old English.

Results. The results have revealed that all imitative words in the poem can be divided into three major semantic categories: 1) words denoting sounds of battle; 2) words denoting grief; 3) words denoting singing and playing musical instruments. There are altogether 43 imitative words identified in *Beowulf*, used 134 times. The calculations have shown that only 15 (or 35 %) out of them have been preserved since Old English.

Discussion. We suggest the following reasons for the possible obsolescence of the Old English imitative words: 1) their replacement by the French loans, 2) their belonging to poetic language and subsequent fall out of use, 3) their replacement by other, newly-coined English imitative words. The last argument we deem as the most probable. The iconic treadmill hypothesis introduced earlier explains that the mass obsolescence of the *Beowulf*'s imitative words might have been caused by natural, evolutionary processes – regular sense and meaning development leading to the expressivity loss and overall de-iconization of the language's imitative lexicon.

Conclusions. The study of the poem demonstrated the diversity and dynamic nature of the English imitative lexicon as well as revealed the underlying tendency of imitative words' de-iconization and replacement on the later stages of the language's development.

Key words: Iconicity, Old English, etymology, de-iconization, onomatopoeia, sound symbolism, *Beowulf*, phonosemantics, Anglo-Saxon poetry.

For citation: Flaksman M. A. Sound imitative words in *Beowulf*. DISCOURSE. 2019, vol. 5, no. 3, pp. 99–111. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-3-99-111

Source of financing. Initiative work.

Conflict of interest. Authors declare no conflict of interest.

Received 04.04. 2019; revised 30.04.2019; published online 25.06.2019

М. А. Флакسمан

*Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)
ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия*

ЗВУКОИЗОБРАЗИТЕЛЬНАЯ ЛЕКСИКА В «БЕОВУЛЬФЕ»

Введение. Посвящена подробному рассмотрению звукоизобразительной (звукоподражательной и звукоименной) лексики англо-саксонской поэмы «Беовульф». «Беовульф» является одним из

© Maria A. Flaksman, 2019

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

наиболее известных произведений, написанных на древнеанглийском языке. Исследование посвящено количественному и контекстуальному рассмотрению звукоизобразительной лексики в тексте поэмы. В ходе исследования также проводится всесторонний диахронический анализ используемых в «Беовульфе» звукоизобразительных лексем.

Материалы и методы. Исследование проводилось на материале оригинального текста англосаксонской поэмы «Беовульф», написанной на древнеанглийском языке. Методами исследования являлись метод сплошной выборки, сопоставительный анализ, этимологический анализ. Для установления звукоизобразительного происхождения слов применялся метод фоносемантического анализа.

Результаты исследования. Показано, что текст содержит 43 звукоизобразительные лексемы, использованные 143 раза в трех типах контекста: 1) для описания шума битвы; 2) для описания плача и скорби; 3) для описания пения и игры на музыкальных инструментах. Только 15 (и 35 %) древнеанглийских звукоизобразительных слов сохранились в современном английском.

Обсуждение. Такое массовое исчезновение древнеанглийских звукоподражаний можно объяснить следующими факторами: 1) их последующей заменой французскими звукоподражаниями; 2) их принадлежностью к поэтическому языку; 3) их позднейшей заменой новыми, английскими звукоподражаниями. Последнее кажется наиболее вероятным. Выдвинутая нами ранее гипотеза звукоизобразительного круговорота объясняет смену звукоизобразительной лексики естественными эволюционными процессами, происходящими в языке, – постепенным размыванием подобия между формой и значением звукоизобразительных слов в результате семантического развития и регулярных фонетических изменений, которые вместе приводят к утрате экспрессивности и последующей необходимости создания новых звукоизобразительных лексем.

Заключение. Исследование показало, что звукоизобразительный лексикон английского языка имеет глубокие исторические корни, а также проиллюстрировало его общую тенденцию к изменчивости и развитию.

Ключевые слова: звукоизобразительность, иконичность, древнеанглийский, этимология, деиконизация, ониматопея, звукоподражание, звуковой символизм, «Беовульф», фоносемантика, англосаксонская поэзия.

Для цитирования: Флакман М. А. Звукоизобразительная лексика в «Беовульфе» // ДИСКУРС. 2019. Т. 5, № 3. С. 99–111. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-3-99-111

Источник финансирования. Инициативная работа.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила 04.04.2019; принята к публикации 30.04.2019; опубликована онлайн 25.06.2019

Introduction. Imitative (onomatopoeic, mimetic) words form an integral part of the lexicons of the modern languages belonging to different groups and families, as it has been shown by extensive research [1]–[7]. Words denoting natural sounds and vocal gestures can also be found in ancient and reconstructed languages as well as in the course of etymological investigations [8]–[18]. Therefore, it is no surprise that imitative words also appear in Old English, a language spoken more than one thousand years ago on the territory of modern England. Although Old English is a predecessor of Modern English, the languages show little resemblance in terms of morphology, syntax, and also in terms of vocabulary.

The aim of the present study is to detect and analyse the Old English imitative words in the Anglo-Saxon poem *Beowulf* as well as to compare them to their Modern English equivalents.

Material and methods. The study is conducted on the material of the full unabridged version of the Anglo-Saxon poem *Beowulf* written in Old English (edited by George Jack [19]). The method of continuous sampling was applied in order to extract and analyse sound imitative words used in the text of the poem.

Other research methods include etymological analysis, historical-comparative analysis, elements of quantitative analysis, and method of phonosemantic analysis.

For verifying the imitative origin of the studied lexemes we used *Altenglisches Etymologisches Wörterbuch* compiled by F. Holthausen [20] as well as a number of other etymological dictionaries, such as *Etymological Dictionary of Proto-Germanic* by Guus Kroonen [21], Harper's *Online Etymology Dictionary* [22], and other [23]–[30].

The listed methods are well known to the linguistic research with the exception of the last one – phonosemantic analysis, which requires a special commentary.

Method of phonosemantic analysis.

The method of phonosemantic analysis is a method of establishing the iconic origin of a word, designed by Stanislav Voronin [31, p. 90]. We applied it in order to establish the imitative origin of a number of words not directly marked as 'onomatopoeic' in the abovementioned etymological dictionaries. The method includes a number of consecutive steps, or operations.

The first operation is called '**semantics**'. It involves establishing whether a word has a meaning which could be potentially rendered imitatively. It could be a sound (e. g. buzzing or clinging); some bodily actions (e. g. sneezing or coughing); a shape or a movement which could be mimicked (e. g. bobbling, doddering). In most cases, however, it might happen that a word has developed semantically to such extent that the original, 'simple' meaning becomes obscure. Therefore, the search for original semantics might require some additional etymological investigations (see operation three 'etymology').

The second operation is called '**salient iconic traits**'. Many (although not all) imitative words have a number of prominent traits which in combination make them distinctly different from non-imitative ones. Such traits include excessive expressivity, hyper-variability, reduplication, iconic ablaut, metathesis etc. (e. g. *ding-dong* or *cling-clang*). It should be emphasized that taken separately none of these traits indicate the imitative nature of a word (for example, reduplication could be a marker of grammatical plurality), but if viewed together with other characteristics they increase the probability of imitative origin.

The third operation '**etymology**' involves taking into account all regular semantic and phonetic changes which a word has undergone in the course of its history.

The fourth operation is called '**typology**'. It involves comparing the word to imitative words from other (non-related) languages. In case two words sharing the same meaning have similar structure in unrelated languages it is easy to suggest that they were coined imitatively.

The fifth operation of the method is the '**search of nomination motif**'. A word could only be deemed imitative when the motif of nomination is clearly established. It could be acoustic, articulatory or acoustic-articulatory motivation.

The last step is to summaries all the evidence for and against and to draw a conclusion about whether the word in question is imitative in its origin or not [32].

Iconicity, phonosemantics, and classifications of onomatopoeic and sound symbolic words. Imitation in general is a similarity between form and meaning. It is also often synonymously described as 'iconicity'. **Iconicity** is a broad semiotic notion first introduced by Charles Sanders Peirce [33], and when applied to linguistics it suggests a relation of resemblance between phonetic form of a word and its meaning.

As it was just mentioned above, linguistic imitation can be acoustic, articulatory or acoustic-articulatory. It means that either acoustic characteristics of the phonemes (once pronounced) render the most salient acoustic traits of the imitated sounds or the phoneme's articulatory characteristics

render the imitated movements. Iconic (or imitative) words are considered to be a language universal [34], [3].

Sound imitation, thus, is a notion stretching to all types of imitation possible within spoken languages, and the branch of linguistics studying imitative lexicons is called **phonosemantics**. As phonosemantics has imitative lexicon as its primary object of investigation, it is connected to lexicology, phonetics, psycholinguistics, etymology, and language typology.

Saint Petersburg school of phonosemantics distinguishes (after Voronin [35]) two main classes of imitative words – onomatopoeic words (acoustic imitation) and sound symbolic (or mimetic) words (articulatory or acoustic articulatory imitation).

Examples of onomatopoeic words are E. *buzz, click, plop, crash* (acoustic imitation).

Examples of sound symbolic are *munch, sneeze, cough* (acoustic articulatory imitation) and *dodder, totter* (articulatory imitation).

Onomatopoeic words. Onomatopoeic words are further subdivided [35] into five large groups according to their relation to their (sound) denotata. These groups are called *instants*, *continuants*, *frequentatives*, *instants-continuants* and *frequentatives-instants-continuants*.

Instants necessarily contain plosives in their structure and they designate pulse-like sounds (e. g. E. *click, tap, tick, clack*). The plosive nature of /b/, /p/, /k/ acoustically reflects intense natural sounds of short duration.

Continuants designate either a tone or a noise of some duration. The tonal continuants should contain vowels, reflecting the quality of the denoted sound (E. *hoot, peep*). Noise continuants necessarily contain fricatives or sibilants [E. *sizz(le), hiss*].

Frequentatives designate vibratory dissonance-like sounds; their core element is /r/ of some quality (E. *purr, chirr*, historically /pʊr/, /tʃɪr/).

Instants-continuants designate sounds with a combination of traits characteristic for pulses and tones (E. *clash, clang*).

Frequentatives-instants-continuants designate sounds combining the traits of all three classes of natural sounds – dissonances, pulses and tones. English examples of frequentatives-instants-continuants are *crash, screech, ring*.

Sound symbolic words. Sound symbolic words are, in turn, classified [31] into *intrakinesemisms* and *extrakinesemisms*.

Intrakinesemisms are imitative words conveying their meaning both via articulation and acoustic mimicry. Such words simultaneously imitate the sound and the muscle movement accompanying it. One can illustrate such articulatory-acoustic imitation, for example, on the English word *cough*. The process of coughing is represented by the word, which contains a velar sound /k/, articulated closest to the throat and at the same time imitative of the sound we hear when the action in question is performed [4].

Extrakinesemisms are purely articulatory copies; they are mimetic gestures produced by vocal cords, facial muscles, and tongue. For example, denoting small objects or trifling qualities is often done by coining words containing front vowel /i/ (e. g. E. *teeny-weeny, pimple, little*), which is a mimetic imitation of a small object.

Beowulf. *Beowulf* is probably the most well-known and well-researched work among the Anglo-Saxon poems. It was written down in the late tenth or early eleventh century and now survives in a single manuscript, British Library MS Cotton Vitellius A. xv. [19, p. 1]. As for the

date of the poem's composition, it is not known 'how large a gap in time separates the actual composition of the poem and making the copy now preserved in the British Library' [19, p. 4]. Linguistic features of *Beowulf*, however, suggest that it was composed no later than the tenth century, probably in the early eighth century [19, p. 5].

Beowulf is 3182-line long and it belongs to the genre of epic poems [36, p. 270]. The narrative of the poem focuses on the adventures of its main protagonist – Beowulf. In Geatland Beowulf hears about a terrible monster named Grendel attacking the royal hall of Hrothgar (who is the king of the Danes). The warrior comes to the rescue and succeeds in killing Grendel, but the hall is attacked again, this time by the monster's mother. She slays Hrothgar's men, and Beowulf has to fight with her in her underwater cave. The hero is successful again. After taking valuable gifts as a reward for his bravery Beowulf returns home, to Geatland, becomes a king there and eventually dies many years after while defending his kingdom against a terrible dragon.

The poem is written in predominantly West Saxon dialect [36, p. 272] in alliterate verse. The text includes numerous poetic words otherwise not encountered in works belonging to other genres.

The choice of genre (epic poem) for the present research was based on the hypothesis that such texts as *Beowulf* would be more saturated with onomatopoeic words due to expressivity of the narrative in comparison, for example, with the texts of the chronicles, legal documents, or medical recipes.

Contextual use of onomatopoeic and mimetic words in the poem. The research has shown that there are 134 instances of use of imitative words. Thus, they constitute 0,75 % of 17 779 words used in *Beowulf* (including prepositions and conjunctions). Semantically, most of these imitative words fall into the following three major categories:

1. Words denoting sounds of battle and destruction, cries of horror.

To this category belong such words as, for example, *hringan* 'to ring; to give out a sound' (Byrnan *hringdon* – line 327); *dynian* 'to make a noise, din, resound' (*Dryhtsele dynede* – line 767; *healwudu dynede* – line 1317); *hlemm* 'a sound, noise, crash' (*uhtlem* – line 2007; *Eft þæt geiode ufaran dogrum hildehlæmmum* – line 2201; *hildehlemma* – line 2351); *sweng* 'a blow, stroke' (*sweordes swengum* – line 2386) and other.

2. Words denoting grief and lamentation.

To this broad semantic field belong the following sound imitations: *murnan* 'to mourn, be sad, be anxious; to mourn, lament; to care about, regard' (*him wæs geomor sefa, murnende mod* – line 50); *sorg* 'care, anxiety; sorrow, grief, affliction, trouble' (*sorge ne cudon* – line 119; *þegnsorge dreahten* – line 131; *sidra sorga* – line 149); *wa* 'woe, ill' (*wa bið þæm ðe...* – line 183; *wea* 'woe, misery, evil, affliction, trouble; wickedness, malice' (*wean onwendan* – line 191; *weana ne wende* – line 933); *wanian* 'to lament, deplore' (*sigeleasne sang, sar wanigean* – line 787); *wop* 'mostly a cry of grief, wailing, lamentation, weeping' (*wop up ahafen* – line 128); *gnornian* 'to feel grief, regret; express discontent, murmur' (*Ides gnornode* – line 1117) and other.

3. Words denoting singing and playing musical instruments (often in the context of celebrations).

Into this category fall: *sweg* (*þær wæs hearpan sweg* – line 89; *þær wæs sang ond sweg samod ætgædere* – line 1053); *sang* 'song, singing; a singing, chanting; song, poetry; a song, a poem to be sung' (*swutol sang scopes* – line 90; *Scop hwilum sang hador on Heorote* – line 496); *leoð* 'a song, poem, ode, lay, verses' (*Leoð wæs asungen* – line 1159) and other.

Often these semantic fields interfere with each other, as in the following passage (imitative words are highlighted in bold):

783	niwe geneahhe; atelic egesa,	Sweg up astag Norðdenum stod anra gehwylcum
785	þara þe of wealle gryreleoð galan sigeleasne sang , helle hæfton.	wop gehyrdon, godes ondsacan, sar wanigean

The modern translation [37] of these lines is the following:

783	The sound mounted upward Novel enough; on the North Danes fastened A terror of anguish, on all of the men there
785	Who heard from the wall the weeping and plaining The song of defeat from the foeman of heaven, Heard him hymns of horror howl , and his sorrow Hell-bound bewailing .

The use of imitative words in the poem outside these indicated contexts is rare.

Frequency of use. It should be noted that some of the imitative words appear only once, whereas others are used in recurring contexts, their use resembling poetic formulae (cf. *nis þær hearpan sweg* – line 2458; and *þær wæs hearpan sweg* – line 89; *nalles hearpan sweg wigend weccan* – line 3023).

Whereas there are altogether 134 uses of imitative words in *Beowulf*, there are only 43 imitative words altogether (as it was mentioned above). It happens because they are used more than once in the set of similar contexts.

Below the most frequently used imitative words (both onomatopoeic and mimetic) are summarized in the Table 1.

Table 1. The most frequently used imitated words in *Beowulf**

Word	Meaning	Number of usages
GRETAN	To speak to, call upon, hail, greet, welcome, salute, take leave of, bid farewell to; to approach, come to, visit, touch, attack, treat	20
SORG SORGIAN	Care, anxiety; sorrow, grief, affliction, trouble; to care, be anxious, feel anxiety / to sorrow, grieve, be sorry	13
WĒA	Woe, misery, evil, affliction, trouble; evil, wickedness, malice	13
YRRE	Anger, wrath	10
BELGAN	To cause oneself to swell with anger, to make oneself angry, irritate oneself, enrage oneself; to swell with anger, to be angry, to be enraged	9
SWĒG	Unregulated, confused sound, noise, din, crash; modulated or articulate sound; sound made by living creatures, voice, cry or note of a bird, song	7
SANG SINGAN	A song, singing; chanting; song, poetry; / to sing, to compose verse, narrate; to narrate in verse, write	7

*Other imitative words appear less than seven times and not included in the table.

Typological classification of imitative words in *Beowulf*. The imitative words found in *Beowulf* can be divided into the categories indicated by S. Voronin [35] and described above.

The most frequently used group of imitatives in *Beowulf* are sound symbolic words *intrakinesemisms*. To this group belong, for example, the following lexemes: *belgan* ‘to cause oneself to swell with anger, to make oneself angry, irritate oneself, enrage oneself’; *gnornian* ‘to

feel grief, regret; express discontent, murmur'; *hleahtor* 'laughter'; *swelgan* 'to swallow; to swallow, take in, drink, absorb; to take in to the mind, accept, imbibe, to devour'; *wēa* 'woe, misery, evil, affliction, trouble; wickedness, malice' and other.

Onomatopoeic words are represented by four classes indicated in [35]: *instants* (*hnītan* 'to strike, thrust, push, come against with a shock'); *continuants* [*galan* 'to sing, enchant, call'; *swēg* 'unregulated, confused sound, noise, din, crash'; *swynsian* 'to make a (pleasing) sound, make melody or music'; *wōp* 'mostly a cry of grief, wailing, lamentation, weeping']; *instants-continuants* (*hlem* 'a sound, noise, crash'; *hlyn* 'a sound, noise, clamour, din'; *hlynsian* 'to sound, resound'); *frequentatives-instants-continuants* (*hringan* 'to ring; to give out a sound'; *murnan* 'to mourn, be sad, be anxious; lament; to care about, regard').

There are no examples of sound symbolisms-extrakinesemisms and onomatopoeic words frequentatives in the studied material.

Preservation of Old English imitative words used in *Beowulf*. If we take a random passage from the original text and compare it to its modern translation it will immediately become clear that the majority of imitated words used in *Beowulf* are now obsolete. Consider, for example, the following passage:

610

ðær wæs hæleþa	hleahtor, hlyn swynsode,
word wæron wynsume.	Eode Wealhþeow forð,
cwen Hroðgares,	cynna gemyndig
grette goldhroden guman on healle...	

The translation into Modern English is given below:

610

There was laughter of heroes;	loud was the clatter
The words were winsome	Wealhtheow advanced then
Consort of Hrothgar,	of courtesy mindful,
Gold-decked saluted	the men in the building...

It is evident that two of the three imitative words used in the passage are no longer used today [*hlyn* 'a sound, noise, clamour, din' and *swynsian* 'to make a (pleasing) sound, make melody or music'].

The calculations have shown that only 15 (or 35 %) out of 43 imitative words used in *Beowulf* were preserved until today whereas 28 (or 65 %) have gone out of use.

We suggest the following possible reasons for the obsolescence of the imitative vocabulary used in the poem:

- the words in question belonged to poetic language – specific language already in OE period used only in this genre;
- the imitative words were replaced by French loans after the Norman Conquest;
- the imitative words were later replaced by other, newly-coined English imitative words.

As for the first suggestion, we regard it as the least likely. For example, if we take *hlyn* 'a sound, noise, clamour, din' from the previous line, we will see that the word is also widely used in prose – *Hlynn wearþ on ceastrum* (Th. 153, 30) [38]; *Tó ðonðonne hit hát wære and mon ða earman men oninnan dón wolde hú se hlynn mást wære ðonne hie ðæt súsl ðáron prowiende wáron* (Ors. 1, 12) [39].

The second suggestion – the Anglo-Saxon imitative words being replaced by the French ones – is also not likely to be the main reason for the obsolescence of the Old English imitatives. The reason for that is that borrowed imitative words constitute only 19 % of the imitative lexicon in Modern English [40], therefore their number is not great enough to substitute all obsolete Old English iconic words.

Therefore, we regard the inner, linguistic forces to be mostly responsible for the loss of Old English imitative words. In 2017 we introduced [41] the iconic treadmill hypothesis which might account for the phenomenon. It states that ‘iconic words overtime lose their iconicity evolving into words with purely arbitrary sound-meaning correlation, and this process predetermines new iconic coinage’.

In order to find proof for this suggestion we analysed the *Beowulf*’s imitative lexicon according to the degree of its de-iconization.

De-iconization of imitative words used in *Beowulf*. *De-iconization* is the gradual loss of iconicity caused by parallel acting of regular sound changes and regular sense development of a word [40, p. 120].

We distinguish altogether four stages of de-iconization [Ibid.].

Stages of de-iconization show to what extent iconic words lose their expressivity in the course of language evolution. In other words they show how iconic is the imitative word in question on the synchronous level.

In order to establish the stage of de-iconization of imitative words used in *Beowulf* applied the **method of diachronic evaluation of imitative lexicon** [40].

The method includes:

- establishing the regular sound changes a word has undergone and whether these sound changes were phonosemantically significant;
- establishing semantic shifts the word has undergone and whether it still retains its original (sound-related) meaning;
- establishing the word’s degree of phonetic, morphological, and syntactic integration

The method is briefly summarized in the Table 2 below:

Table 2. Method of diachronic evaluation of imitative lexicon

	SD-1	SD-2	SD-3a	SD-3b	SD-4
Integration	-	+	+	+	+
Regular sound changes	-	-	+	-	+
Considerable semantic shifts	-	-	-	+	+

As one can see from the table, the most vivid, newly coined imitative words (words on **SD-1**) are, at the same time, the least conventional, and thus, poorly integrated into the language, both syntactically and morphologically. These are interjections, or in some languages, ideophones (e. g. E. *brrr!* *zzzz!*).

Words on **SD-2** are nouns, verbs, adjectives. They are well-integrated and expressive at the same time (e. g. English *buzz*, *splash*, *screech*), as they have not yet undergone any form or meaning changes.

Words on **SD-3** have undergone either some form or meaning changes, thus, having their expressivity considerably lessened (e. g. E. *bib* ‘a piece of cloth or plastic worn, esp. by babies, to protect their clothes while eating’, which has changes its meaning from an imitation of drinking to ‘a piece of cloth worn by eating’).

Words on **SD-4** can only be named 'iconic' from the historical perspective as both their form and meaning have changed considerably (e. g. E. *gargoyle* – see [41]).

To sum up, words on the SD-1 are the most vivid iconic formations, whereas words on SD-4 have lost their expressivity due to the simultaneous action of regular sound changes and semantic evolution – their iconic origin can only be revealed by etymologists.

In the corpus of *Beowulf*'s imitative words we find words from all de-iconization stages (except for SD-4 which requires a deep-down etymological analysis, impossible for ancient and reconstructed languages):

SD-1 *wā* 'woe, ill; alas';

SD-2 *dynian* 'to speak or moan in grief, mourn, lament'; *galan* 'to sing, enchant, call'; *gnornian* 'to feel grief, regret; express discontent'; *greotan* 'to weep'; *grētan* 'to bewail, deplore, weep'; *gyd* 'a song, lay, poem; speech, tale'; *hleahtr* 'laughter'; *hlem* 'a sound, noise, crash'; *hlyn* 'a sound, noise, clamour, din'; *hlynsian* 'to sound, resound'; *hringan* 'to ring; to give out a sound'; *singan* 'to sing, to compose verse, narrate'; *swēg* 'unregulated, confused sound, noise, din, crash'; *swelgan* 'to swallow, take in, drink, absorb'; *swynsian* 'to make a (pleasing) sound, make melody or music'; *punian* 'to make a noise, to sound, resound, creak'; *wēa* 'woe, misery, evil, affliction'; *wōp* 'mostly a cry of grief, wailing, lamentation, weeping';

SD-3 *gretan* 'to speak to, call upon, hail, greet, welcome'; *grindan* 'to grind, grind together, rub, rub together'; *gryre* 'horror, terror, dread'; *hearpe* 'a harp'; *hnītan* 'to strike, thrust, push, come against with a shock'; *hreōsan* 'to fall [rapidly, headlong], fall down, go to ruin'; *hrēran* 'to move, shake, stir'; *hrinan* 'to touch, reach, strike'; *hrisian* 'to shake'; *meornan* 'to care, feel anxiety, trouble one's self'; *sceran* 'to cut, shear'; *tredan* 'to tread, tread down, trample upon, step upon, walk upon'.

To sum up, in the studied sample there are 18 words on SD-2 (42 %), 24 words on SD-3 (56 %) and one word on SD-1 (2 %). Thus, on the periphery of the imitative lexicon (on SD-3) were more than the half of the imitative words used in *Beowulf*.

Curiously, only 5 words (or 11 %) from those on SD-2 in Old English still remain on SD-2 in Modern English.

These words are: *wānian* 'to lament, deplore'; *swelgan* 'to swallow, take in, drink'; *singan* 'to sing, to compose verse, narrate; to narrate in verse'; *hringan* 'to ring; to give out a sound'; *dynian* 'to make a noise, din, resound'.

The rest have changed their de-iconization stage, thus creating lacunae for new iconic coinage. An example of such word is *hleahtr* (Modern English *laughter* /'la:ftə/) which has become considerably less iconic due to a number of regular sound changes it has undergone.

Conclusions. The study of the text of the Anglo-Saxon poem *Beowulf* revealed that it contained a number of words imitative by their origin. They were obtained by the method of continuous sampling and also by applying the method of phonosemantic analysis.

These imitative words can be divided into three major groups according to their semantic affiliation: 1) words denoting sounds of battle and destruction, cries of horror; 2) words denoting grief and lamentation; 3) words denoting singing and playing musical instruments.

The quantitative analysis has shown that there are altogether 134 instances of use of onomatopoeic and mimetic words in the text of the poem; however, there are only 43 imitative words altogether, as many of them are used repetitively (up to 15–20 times).

The study of the selected imitative words in *Beowulf* reveals that they can be classified into onomatopoeic and sound symbolic words and further sub-divided into groups defined by Stanislav Voronin, thus illustrating the validity of this classification in diachrony.

The method of diachronic evaluation of iconic lexicon can also be applied to the studied material. Its application has shown that more than the half of imitative words indicated in *Beowulf* was already de-iconized at the moment of the poem's composition, which formed the ground for their future obsolescence.

The majority of imitative words used in *Beowulf* did not survive until today, while those who did make their way into Modern English have lost their expressivity considerably.

To conclude, the study of Anglo-Saxon poem demonstrated the diversity and dynamic nature of the language's imitative lexicon as well as revealed the underlying tendency of iconicity loss of imitative words and their replacement on the later stages of the language's development.

REFERENCES

1. Abelin, Å. (1999), *Studies in Sound Symbolism*, Göteborg: Göteborg Univ. Press, Sweden.
2. Anderson, E. (1998), *A Grammar of Iconism*, Associated Univ. Press, London, UK.
3. Hinton, L., Nichols, J. and Ohala, J.J. (ed.) (1994), *Sound Symbolism*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK.
4. Iconicity Atlas Project (2019), available at: <http://www.iconicity-atlas.com/index.htm> (accessed 01.03.2019).
5. Language IConicity webpage (2018), available at: <http://liconism.ru/> (accessed 01.03.2019).
6. Voeltz, E.F.K. and Kilian-Hatz, Ch. (ed.) (2001), *Ideophones. Typological Studies in Language 44*, John Benjamins, Amsterdam-Philadelphia, NLD.
7. Gazov-Ginsberg, A.M. (1965), *Byl li yazyk izobraziteln v svoikh istokakh?* [Was the Language Phonoiconic in its Origin?] Nauka, Moscow, Russia.
8. Joseph, B.D. (1997), "On the iconic elements in etymological investigation", *Diachronica*, no. 4(1), pp. 1–26.
9. Kozlova, T. (2013), "Iconically expressible meanings in proto-Indo-European roots and their reflexes in daughter branches", in Ellenström, L., Fischer, O. and C. Ljungberg (ed.), *Iconic Investigations* [Iconicity in Language and Literature 12], John Benjamins, Amsterdam, NDL, pp. 311–330.
10. Liberman, A. (2010), "Iconicity and etymology", in Conradie, J., Ronel, J., Beukes, M., Fischer, O. and Ljungberg Ch. (ed.) *Synergy*, John Benjamins, Amsterdam, NDL, pp. 243–258.
11. Malkiel, Y. (1994), "Regular Sound Development, Phonosymbolic Orchestration, Disambiguation of Homonyms" in Hinton, L., Nichols, J. and Ohala, J.J. (ed.). *Sound Symbolism*, Cambridge, Cambridge University Press, Cambridge, UK, pp. 207–221.
12. Malkiel, Ya. (1990), *Diachronic problems in phonosymbolism*, John Benjamins, Amsterdam-Philadelphia, NLD.
13. Afanas'ev, A.Yu. (1984), "Aspects of Vocabulary's Semantic Evolution: a Study of English Imitative Words", Can. of Philolog. Sci. Thesis. Univ. of Leningrad, Leningrad, USSR.
14. Brodovich, O.I. (2008), "Iconicity and sound changes", *Yazik – Soznanie – Kultura – Sozium* [Language – Consciousness – Culture – Socium], Nauka, Saratov, Russia, pp. 485–489.
15. Klimova, S.V. (1986), "Verbs of 'Uncertain Origin' in The Concise Oxford English Dictionary: Elements of Etymological Phonosemantics", Can. of Philol. Sci. Thesis, Univ. of Leningrad, Leningrad, USSR.
16. Koleva-Zlateva, Zh. (2008), *Slavayanskaya leksika zvukosimvolicheskogo proiskhozhdeniya. Tractata Slavica Universitatis Debreceniensis* [Slavic vocabulary zvukosimvolicheskoy origin. Tractata Slavica Universitatis Debreceniensis], Adyagashi, K. (ed.), vol. 1, Debrecen, HUN.

17. Petukhova, E.V. (2016), "Indo-European sound symbolic root *kap-/g^hab^h- in the modern English and Russian languages", *Vestn. Cheliabinsk. Gos. Pedagog. Univ.*, no. 2, pp. 180–185.
18. Flaksman, M.A. (2016), *Slovar' angliiskoi zvukoizobrazitel'noi leksiki v diakhronicheskom osveshchenii* [A dictionary of English iconic words on historical principles], St. Petersburg: Institute of Foreign Languages and RHGA Univ. Press, SPb., Russia.
19. Jack, G. (ed.) (1994), *Beowulf. A Student Edition*. Oxford Univ. Press, Oxford, UK.
20. Holthausen, F. (1974), *Altenglisches Etymologisches Wörterbuch*. Carl Winter Univ., Heidelberg, DEU.
21. Kroonen, G. (2013), *Etymological Dictionary of Proto-Germanic*. Brill, Leiden, Boston, NDL.
22. Harper, D (ed.), (2019), *Online Etymology Dictionary*, available at: <https://www.etymonline.com> (accessed 01.03.2019).
23. Boston-Toller Anglo-Saxon Dictionary (2019), "An Anglo-Saxon Dictionary, based on the manuscript collections of the late Joseph Bosworth", available at: <http://www.bosworthtoller.com> (accessed 01.03.2019).
24. Barnhart, R.K. (ed.), (2006), *Chambers Dictionary of Etymology*. Chambers, NY, USA.
25. *Collins English Dictionary* (2012), Harper Collins Publishers, Glasgow, UK.
26. Lehman, W.P. (1986), *A Gothic Etymological Dictionary*. Brill, Leiden, NDL.
27. Onions, C.T. (2002), *The Oxford Dictionary of English Etymology*, Clarendon Press, Oxford, UK.
28. *The Oxford English Dictionary* (3d ed.), available at: <http://www.oed.com> (accessed 01.03.2019).
29. Wedgwood, H. (1872), *A Dictionary of English Etymology*. N. Trübner & Co., London, UK.
30. Levitskii, V.V. (2000), *Etimologicheskii slovar' germanskikh yazykov* [An Etymological Dictionary of Germanic Languages], Ruta, Chernovtsy, Ukraine.
31. Voronin, S.V. (2006), *Osnovy fonosemantiki* [The Fundamentals of Phonosemantics], Lenand Moscow, Russia.
32. Voronin, S.V. (1990), "On the method of phonosemantic analysis", *Lingvometodicheskie aspekty semantiki i pragmatiki teksta* [Linguistic and methodological aspects of text semantics and pragmatics], Kursk, Russia, pp. 98–100.
33. Peirce, Ch.S. (2000), *Izbrannye filosofskie proizvedeniya* [Collected Papers], Translated by Golubovich, K., Chukhruidze, K. and Dmitriev, T. Logos, Moscow, Russia.
34. Voronin, S.V. (2005), *Iconicity. Glottogenesis. Semiosis: Sundry Papers*. St. Petersburg Univ. Press, SPb., Russia.
35. Voronin, S.V. (1998), *Angliiskie onomatopy: fonosemanticheskaya klassifikatsiya* [English Onomatopes: a Phonosemantic Classification], IFL, SPb., Russia.
36. Marsden, R. (2010), *The Cambridge Old English Reader*, Cambridge Univ. Press, Cambridge, UK.
37. *Beowulf*. Translated from Old English by Hall, L. available at: <https://www.gutenberg.org/files/16328/16328-h/16328-h.htm> (accessed 01.03.2019).
38. Thorpe, B. (ed.) (1842), *The Anglo-Saxon Version of the Holy Gospels*. London and Oxford, UK.
39. Sweet, H. (ed.) (1883), *King Alfred's Orosius*, no. 79, N. Trübner & Co., London, UK.
40. Flaksman, M.A. (2015), "Diachronic development of English iconic vocabulary", *Can. of Philol. Sci. Thesis*. Saint Petersburg State Univ., SPb., Russia.
41. Flaksman, M. (2017). "Iconic treadmill hypothesis: the reasons behind continuous onomatopoeic coinage", in Bauer, M., Zirker, A., Fischer, O. and Ljungberg, Ch. (ed.), *Dimensions of Iconicity*. John Benjamins Publishing Company, Amsterdam, NLD, pp. 15–38.

Maria A. Flaksman – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI". The author of over 40 scientific publications. Area of expertise: historical linguistics, iconicity, Germanic languages, historical lexicology, lexicography, phonosemantics. E-mail: maria.alexeevna@gmail.com

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Abelin Å. *Studies in Sound Symbolism*. Göteborg: Göteborg Univ. Press, Sweden, 1999.
2. Anderson E. A. *Grammar of Iconism*. Associated Univ. Press, London, 1998.
3. Hinton L., Nichols J., Ohala J. J. (ed.). *Sound Symbolism*. Cambridge, Cambridge Univ. Press, 1994.
4. Iconicity Atlas Project. URL: <http://www.iconicity-atlas.com/index.htm> (дата обращения: 01.03.2019).
5. Language IConicity webpage. 2018. URL: <http://iconism.ru/> (дата обращения: 01.03.2019).
6. Voeltz E. F. K., Ch. Kilian-Hatz (eds). *Ideophones. Typological Studies in Language 44*. Amsterdam-Philadelphia: John Benjamins, 2001.
7. Газов-Гинзберг А. М. Был ли язык изобразителен в своих истоках? М.: Наука, 1965.
8. Joseph B. D. On the iconic elements in etymological investigation // *Diachronica*. 1997. № 4 (1). P. 1–26.
9. Kozlova T. Iconically expressible meanings in proto-Indo-European roots and their reflexes in daughter branches // *Iconic Investigations* / L. Ellenström, O. Fischer, C. Ljungberg (ed.). Amsterdam: John Benjamins. 2013. P. 311–330.
10. Liberman A. Iconicity and etymology // *Synergy* / ed. by J. Conradie, J. Ronel, M. Beukes, O. Fischer and Ch. Ljungberg. Amsterdam: John Benjamins, 2010. P. 243–258.
11. Malkiel Y. Regular Sound Development, Phonosymbolic Orchestration, Disambiguation of Homonyms // *Sound Symbolism* / Hinton, L., Nichols J. and Ohala J. J. (ed.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1994. P. 207–221.
12. Malkiel Ya. *Diachronic problems in phonosymbolism*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1990.
13. Афанасьев А. Ю. Вопросы семантической эволюции лексики (на материале английских звукоподражательных существительных): дис. ... канд. филол. наук / ЛГУ. Л., 1984.
14. Бродович О. И. Звукоизобразительность и звуковые законы // *Язык – Сознание – Культура – Социум*. Саратов: Изд. центр «Наука», 2008. С. 485–489.
15. Климова С. В. Глаголы неясного происхождения в сокращенном Оксфордском словаре (элементы этимологической фоносемантики): дис. ... канд. филол. наук / ЛГУ. Л., 1986.
16. Колева-Златева Ж. Славянская лексика звукоименического происхождения. *Tractata Slavica Universitatis Debreceniensis* / под ред. К. Адягаши. Vol. 1. Debrecen, HUN.
17. Петухова Е. В. Индоевропейский звук изобразительный корень *kap-/g^{hab}h- в современном английском и русском языках // *Вестн. Челяб. гос. пед. ун-та*. 2016. № (2). С. 180–185.
18. Флакман М. А. Словарь английской звукоизобразительной лексики в диахроническом освещении. СПб.: НОУВПО «Институт иностранных языков», Изд-во РХГА, 2016.
19. Beowulf. A Student Edition / Jack G. (ed.). Oxford: Oxford Univ. Press, 1994.
20. Holthausen F. *Altenglisches Etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg: Carl Winter Univ., 1974.
21. Kroonen G. *Etymological Dictionary of Proto-Germanic*. Leiden-Boston, Brill, 2013.
22. Online Etymology Dictionary / Harper D. (ed.). URL: <https://www.etymonline.com>, 2001–2019 (дата обращения: 01.03.2019).
23. An Anglo-Saxon Dictionary, based on the manuscript collections of the late Joseph Bosworth. Comp. Sean Christ and Ondřej Tichý. Faculty of Arts, Charles Univ. in Prague. URL: <http://www.bosworthtoller.com> (дата обращения: 01.03.2019).
24. Chambers Dictionary of Etymology / Barnhart R. K. (ed.). NY: Chambers, 2006.
25. Collins English Dictionary. Glasgow: Harper Collins Publishers, 2012.
26. Lehman W. P. *A Gothic Etymological Dictionary*. Leiden: Brill, 1986.
27. Onions C. T. *The Oxford Dictionary of English Etymology*. Oxford: Clarendon Press, 2002.
28. The Oxford English Dictionary. 3d ed. URL: <http://www.oed.com> (дата обращения: 01.03.2019).
29. Wedgwood H. *A Dictionary of English Etymology*. London: N. Trübner & Co., UK, 1872.

30. Левицкий В. В. Этимологический словарь германских языков. Черновцы: Рута, 2000.
31. Воронин С. В. Основы фоносемантики. М.: ЛЕНАНД, 2006.
32. Воронин С. В. О методе фоносемантического анализа // Лингвометодические аспекты семантики и прагматики текста. Курск, 1990. С. 98–100.
33. Пирс Ч. С. Избранные философские произведения / пер. К. Голубович, К. Чухрукидзе, Т. Дмитриева. М.: Логос, 2000.
34. Voronin S. V. Iconicity. Glottogenesis. Semiosis: Sundry Papers. SPb.: St. Petersburg Univ. Press, 2005.
35. Воронин С. В. Английские ономотопы: фоносемантическая классификация. СПб.: Изд-во Ин-та иностранных языков, 1998.
36. Marsden R. The Cambridge Old English Reader. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2010.
37. Beowulf. Translated from Old English by L. Hall. URL: <https://www.gutenberg.org/files/16328/16328-h/16328-h.htm> (дата обращения: 01.03.2019).
38. The Anglo-Saxon Version of the Holy Gospels / Thorpe B. (ed.). London and Oxford, 1842.
39. King Alfred's Orosius / Sweet H. (ed.). № 79, London: N. Trübner & Co., UK. 1883.
40. Флакман М. А. Диахроническое развитие звукоизобразительной лексики английского языка: дис. ... канд. филол. наук / СПбГУ, СПб., 2015.
41. Flaksman M. Iconic treadmill hypothesis: the reasons behind continuous onomatopoeic coinage // Dimensions of Iconicity / M. Bauer, A. Zirker, O. Fischer, Ch. Ljungberg (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 2017. P. 15–38.

Флакман Мария Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина). Автор свыше 40 научных публикаций. Сфера научных интересов: сравнительно-историческое языкознание, звукоизобразительность, германские языки, историческая лексикология, лексикография, фоносемантика. E-mail: maria.alexeevna@gmail.com

<http://doi.org/10.32603/2412-8562-2019-5-3-112-123>

УДК 81-119

Е. П. Корчагина✉

Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина)
ул. Профессора Попова, д. 5, Санкт-Петербург, 197376, Россия

К ВОПРОСУ О МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Введение. Проводится обзор становления и развития фоносемантики – сравнительно молодого направления в языкознании. Рассматриваются предпосылки и состояние языковедческой мысли на момент возникновения данной научной дисциплины, а также анализируются ее актуальность и потенциал взаимодействия с другими областями науки.

Материалы и методы. В качестве материала для исследования выступили существующие работы языковедов, посвященные данному вопросу, анализ которых позволил выделить ключевые этапы процесса формирования фоносемантики, а также особенности данной научной сферы с целью создания наиболее полной, единой картины ее исторического развития. Помимо анализа в работе используется описательный метод.

Результаты исследования. Результатом проведенного исследования можно назвать полученную общую картину становления и формирования учения об иконичности языкового знака, а также перспектив дальнейшего его развития, в том числе на пересечении с другими научными дисциплинами.

Обсуждение. В целом следует обратить внимание на определенную теоретизированность современных фоносемантических исследований, что может трактоваться как проблемная область данной научной отрасли.

Заключение. Фоносемантика имеет огромный исследовательский потенциал как самостоятельная дисциплина, а также при тесном сотрудничестве с другими научными дисциплинами.

Ключевые слова: фоносемантика, иконичность языкового знака, междисциплинарные науки, история науки, история языкознания.

Для цитирования: Корчагина Е. П. К вопросу о междисциплинарности фоносемантических исследований // ДИСКУРС. 2019. Т. 5, № 3. С. 112–123. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-3-112-123

Источник финансирования. Инициативная работа.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Поступила 03.04.2019; принята к публикации 30.04.2019; опубликована онлайн 25.06.2019

Ekaterina P. Korchagina✉

Saint Petersburg Electrotechnical University “LETI”
5, Professor Popov str., 197376, St. Petersburg, Russia

ON THE ISSUE OF INTERDISCIPLINARY ASPECTS OF PHONOSEMANTIC RESEARCH

Introduction. This article is dedicated to the review of foundation and development of phono-semantics, which is known to be quite a young field of linguistics. The background and reasons for the foundation of iconic words research are analyzed, as well as current issues of this field, including the potential of its interaction with other sciences.

© Е. П. Корчагина, 2019

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

Materials and Methods. *The works of linguists, dedicated to this issue, have been used as the research material. They have been analyzed in order to draw out peculiarities and the key phases in the formation of phonosemantics. The aim of the analysis comprises the creation of a general overview of the historical development of phonosemantics. In addition to analysis, another method used in the research implies description.*

Results. *The results of the research work comprise the presentation of phonosemantics foundation and development, its main ideas and research direction. The work also states the perspectives of language iconicity studies as a separate scientific field, as well as in collaboration with other branches of linguistic studies.*

Discussion. *All in all it is worth mentioning that modern phonosemantic research offers a major degree of theoretical studies, which can be considered as a problematic field due to lack of empirical research.*

Conclusion. *It should be underlined that phonosemantics has a great research potential, not only as a general scientific field, but also as a major interdisciplinary research field.*

Key words: phonosemantics, language iconicity, interdisciplinary sciences, history of science, history of linguistics.

For citation: Korchagina E. P. On the issue of interdisciplinary aspects of phonosemantic research. DISCOURSE. 2019, vol. 5, no. 3. pp. 112–123. DOI: 10.32603/2412-8562-2019-5-3-112–123 (Russia).

Source of financing. Initiative work.

Conflict of interest. Authors declare no conflict of interest.

Received 03.04. 2019; revised 30.04.2019; published online 25.06.2019

Введение. Человеческий язык представляет собой сложную многоуровневую систему, которая складывалась и развивалась на протяжении длительного времени. В общем смысле язык понимается именно как естественный язык, поскольку он формировался стихийным образом в процессе естественной коммуникации человека. Естественный язык противопоставляется искусственному по принципу намеренности создания последнего [1, с. 9]. Сложность этого явления подтверждается огромным разнообразием научных дисциплин, которые занимаются его исследованием. Сравнительно недавно появились новые направления, рассматривающие язык с непривычных для классического языкознания позиций, и одним из них является фоносемантика.

Материалы и методы. В качестве материала исследования использовались труды ученых-фоносемасиологов с целью проследить становление фоносемантики, ее историческое развитие, формирование предмета, объекта и исследовательских задач. При исследовании использовались теоретические методы описания и анализа.

Фоносемантика – это наука, изучающая вопросы не-произвольности (т. е., намеренности), мотивированности языкового знака [2, с. 14] (от *греч.* «голос», «звук» + «обозначающий», «знак»). Данная область научного знания начала складываться в середине XX в. и окончательно сформировалась в 1982 г. благодаря усилиям выдающегося отечественного лингвиста, доктора филологических наук, профессора Ленинградского государственного университета С. В. Воронина, основоположника Ленинградской (ныне Санкт-Петербургской) фоносемантической школы, которая является старейшей школой фоносемантических исследований [3]. С. В. Воронин проявлял интерес к связи звука и значения слова с самого начала своей научной деятельности, разработав основы классификации звукоподражательной лексики в кандидатском диссертационном исследовании «Английские ономотопы: Типы и строение», защищенном в 1968 г. Дальнейшее развитие эти идеи получили в докторской диссертации «Основы фоносемантики», защищенной в 1982 г., которую можно считать работой, ознаменовавшей зарождение новой самостоятельной научной дисциплины [4, с. 1]. Некоторые исследователи называют 1982-й годом рождения отечественной фоносемантики. И если ранее фоносемантические и близкие исследования велись в рамках других

разделов языкознания и представляли собой частные интересы исследователей, то с этого момента перед учеными открылось огромное количество новых исследовательских возможностей [5, с. 110].

Фоносемантические исследования на сегодняшний день активно проводятся и представляют собой актуальное направление лингвистики, поскольку изучение звуковой мотивированности лексических единиц может способствовать разрешению проблем языковых закономерностей и феноменов как с синхронической, так и с диахронической точки зрения. Кроме того, фоносемантика может дать ответы на вопросы, связанные с реконструкцией языковых единиц и происхождением языка в целом, порождением речи, с исследованиями в области психолингвистики, диалектологии и многих других областей языкознания. В своей монографии «Основы фоносемантики» С. В. Воронин не раз подчеркивает новаторство этой науки, исследующей мир, «где многие привычные представления “не работают”, где многое “не так”, где многое “иначе”» [6, с. 4]. Тот факт, что фоносемантика представляет собой относительно новое направление, естественным образом подразумевает наличие большого горизонта потенциальных исследований, что в очередной раз подтверждает актуальность данной области научного знания.

Фоносемантику можно считать поистине междисциплинарной наукой. С одной стороны, она возникла на пересечении нескольких дисциплин, с другой – формулирует множество задач, предполагающих решение при тесном сотрудничестве фоносемасиологов с представителями других научных направлений. Однако какой же путь был «пройден» учением о звукоизобразительности с момента появления идей о значимости звука до наших дней?

Итак, фоносемантика образовалась на стыке уже существующих направлений в языкознании. Подобная тенденция является довольно распространенной в современной науке, поскольку существующие знания человечества о тех или иных вопросах требуют углубления и развития, рассмотрения с принципиально новых точек зрения, не вписывающихся в рамки одной конкретной концепции. Междисциплинарные исследования и системный подход позволяют рассмотреть объект комплексно. В качестве предмета фоносемантики С. В. Ворониным была определена звукоизобразительная система языка (звукоподражательная и звукосимволическая) [6, с. 3–4]. Поскольку данная система во всем своем многообразии, с его точки зрения, не может быть адекватно и полноценно описана с помощью какой-либо уже существующей научной дисциплины, им было предложено ввести для этих целей самостоятельное направление в лингвистике, интегрирующее несколько областей научного знания, т. е. фоносемантику [там же, с. 6–7].

Базой для возникновения фоносемантики стали фонетика (по плану выражения), семантика (по плану содержания) и лексикология (по совокупности этих планов). Кроме этих дисциплин, существенную роль в формировании фоносемантики играют глоттогония, этимология, сравнительно-историческое языкознание и типология [там же, с. 21].

Кроме того, следует отметить непосредственную связь рассматриваемой дисциплины с семиотикой, поскольку в основу учения о звукоизобразительности легла классификация знаков, предложенная американским исследователем Чарльзом Пирсом, который выделял три типа знаков: знаки-индексы (указатели), знаки-иконы (подобия) и знаки-символы [7, с. 89]. Звукоизобразительная лексика представляет собой именно иконический языковой знак, т. е. выполняющий функцию передачи идей через имитацию, в отличие от не-звукоизобразительных единиц, имеющих символическую природу и ассоциирующихся с привычным значением благодаря договоренности. Термин «иконичность» языковой единицы

(т. е. звукоизобразительность) в узком смысле включает в себя звукоподражание (ономатопею), выраженное знаком, имеющим материальное сходство с предметом, с другой стороны – и звукоподражание, и звукоимовизм в более широком смысле [8, с. 9].

Сам процесс развития идей о звукоизобразительности был длительным и сложным. А история фоносемантики как самостоятельной дисциплины достаточно коротка. Однако несмотря на то, что вопросы значимости звуковой единицы давно волновали умы ученых, проблема фонетического символизма долгое время была неканонической в лингвистике [9, с. 3]. Предположения о значимости звука можно встретить в древнеиндийских ведах, а также в работах древнегреческих философов. Среди работ античной эпохи, посвященных этой теме, особого внимания заслуживает диалог Платона «Кратил», предлагающий компромисс в решении спора о происхождении языка. Данный спор был связан с попыткой определить, возник ли язык «по установлению» (т. е. по соглашению носителей), или же «от природы» (т. е. естественным образом) [6, с. 9], [10, с. 8]. Идея Платона заключалась в том, что «слово есть некое подобие предмета, более или менее совершенное отображение предмета», в противовес убеждениям его оппонентов, считавших, что слово имеет только условную, договорную связь с предметом [6, с. 9–10]. В Средние века проблема значимости звука нашла свое отражение в работах Св. Августина и Фомы Аквинского, в период Нового времени подобные вопросы интересовали таких ученых, как Ж. Ж. Руссо и Р. Декарт [там же, с. 10].

Собственно, лингвистические исследования семантической стороны звука положили начало ономатопеической (звукоподражательной) и междоиметной теориям происхождения языка, которая предполагала отприродную связь между звучанием и значением слова. Подобные теории активно разрабатывались в XVII–XIX вв. Г. В. Лейбницем, В. Фон Гумбольдтом, Г. Штейнталем, Г. Паулем, в России – А. С. Шишковым и другими учеными-лингвистами [там же]. Согласно этой теории люди, слышавшие естественные звуки, подражали им и называли предметы именами, которые, можно сказать, были даны им природой [5, с. 74]. Тем не менее методика и фактический материал того времени были ограничены, что существенно тормозило ведущиеся исследования. Своеобразными «предвестниками» фоносемантики как науки можно назвать работы А. М. Газова-Гинзберга, И. Н. Горелова, Д. В. Бубриха, Р. Пэйджета и многих других, в работах которых ономатопея и звукоимовизм занимают существенное место [6, с. 10].

Идеи мотивированности языкового знака поднимаются в трудах Ф. де Соссюра, а в работах О. Есперсена нередко высказывается мнение, согласно которому звуковой символизм играет в системе языка гораздо более существенную роль, чем признается большинством лингвистов. Собственно, О. Есперсен, по мнению С. В. Воронина, является основоположником теоретического изучения явления звукоимовизма (20-е гг. XX в.). Проблема звукоимовизма начала разрабатываться на примере отдельно взятых языков (английский, немецкий, французский), однако исследователи, интересовавшиеся этим вопросом, понимали, что полноценное изучение данного феномена невозможно без учета комплекса неродственных языков. Кроме того, в изучении звукоимовизма требовалось непосредственное исследование психологических факторов и особенностей, в связи с чем фоносемантика тесно переплетается с такими науками, как психология и психоллингвистика. Подобные изыскания нашли отражение в экспериментах американского ученого Э. Сепира. «Весьма часто вопросы звукоизобразительности затрагивались при изучении экспрессивной речи,

детского языка, стилистики и поэтики, психологии» [6, с. 11]. Сепир собрал большой статистический материал, который позволил ему прийти к выводу, что участниками эксперимента устанавливается четкая связь между некоторыми звуками и определенными качествами (например, звук [i] связывался в сознании информантов с чем-то маленьким, а [æ] с большим) [9, с. 20]. Идеи Сепира нашли отражение и продолжение в работах американского исследователя С. Ньюмэна, который, учитывая опыт предшественника, продолжил эксперимент – расположил на шкале от «маленького» к «большому» гласные (i-e-ε-æ-a) и согласные (t-d-p-b-k-g) звуки английского языка. Еще одно экспериментальное исследование, заслуживающее внимания, было проведено в 1935 г. немецким лингвистом Г. Мюллером. Основная идея его работы заключалась в предложении информантам неизвестных слов из «экзотических» языков с последующим угадыванием смысла этих слов. Несмотря на то, что данный эксперимент обладал рядом методических недостатков, в его результате Мюллер пришел к определенным положительным выводам о связи звука и значения [8, с. 11].

Говоря о предпосылках становления фоносемантики, особое внимание следует уделить развитию идей звукоизобразительности в отечественной науке, поскольку, как уже было отмечено, фоносемантика как отдельная дисциплина оформилась благодаря изысканиям С. В. Воронина.

В ходе формирования русской фоносемантической мысли первые звуко-символические характеристики языка были даны в середине XVII в. в труде Ю. Г. Крижанича «Грамматично искажение об русском језику» [5, с. 72].

Среди ученых, которые так или иначе посвятили исследования данной проблематике, следует упомянуть М. В. Ломоносова, который «не только указал на способность звуков речи вызывать определенные незвуковые впечатления, но и разработал рекомендации для использования этого явления в художественной речи» [9, с. 17].

Однако более активное развитие идей звукоизобразительности приходится на XIX в. Здесь стоит обратить внимание на уже упомянутого в настоящей работе лингвиста-любителя А. С. Шишкова. «В работах Шишкова находим мысли, которые коррелируют с фоносемантическим принципом отражения и законом соответствия, а также попытки проследить и уловить момент деэтимологизации языкового знака» [5, с. 74]. Несмотря на то, что уровень его лингвистических изысканий был далек от современного, многие из выделенных им этимологических гнезд были подтверждены современными данными. Помимо А. С. Шишкова языковой знак, «первоначальный» состав языка и звуко-символизм изучаются в работах И. С. Рижского, Н. И. Греча, Г. П. Павского, К. П. Зеленецкого. Данными исследователями высказывались разные предположения относительно обозначенных вопросов [там же].

Так, например, Н. И. Греч установил связь между определенными гласными звуками в русском языке и выражаемыми ими эмоциями и чувствами (звуки [a], [э] означают удивление, [и] – смех, [o] – внезапность, [y] – страх). Он выделяет «два разряда слов: 1) первобытные слова, знаки впечатлений на чувства наружные; 2) знаки внутренних, душевных действий и движений, составленные из первобытных посредством метафоры, т. е. переноса, подобия и т. п.». Оба эти разряда были образованы по принципу подражания, однако с течением времени приобрели условную, «договорную» форму [5, с. 74–76].

Г. П. Павский в свою очередь предлагает идею стадийного развития языка, первую стадию которого он называет «натуральной». Во время этой стадии складывается первоначальный состав языка, состоящий из звукоподражаний, междометий и «лепетных слов» (первые звуки, издаваемые детьми) [там же, с. 76–77].

Русская фоносемантическая мысль второй половины XIX в. представлена работами Ф. И. Буслаева и К. С. Аксакова. Ф. И. Буслаев («О преподавании отечественного языка») считал, что «в основе номинации лежит первоначальное впечатление от свойства предмета, которое ярче других бросается в глаза и сильнее затрагивает “чувства и воображение”, что соотносится с современными теориями звуко-символизма» [5, с. 78]. В своих работах он уделял внимание примарно мотивированным словам (собственно звукоизобразительная лексика в современном представлении) и утрате примарной мотивированности (идеи деиконизации) [там же, с. 79].

К. С. Аксаков («Опыт русской грамматики») также пытался проследить возникновение формы слова от звука. «Звук, по К. С. Аксакову, – та субстанция, которая определяет бытие всего сущего» [там же, с. 80]. Он разделяет звуки на два класса – внешние (звуки природы и предметов) и внутренние (те, которые издают человек и животные). В этой идее К. С. Аксаков подошел очень близко к классификации, которая предлагается современной фоносемантикой. Кроме того, ученый высказывал замечания о звуко-символизме, проявляющемся на акустическом и графическом уровнях, а также о связи реальности бытия и грамматических категорий (концепция грамматической фоносемантики) [там же, с. 81].

Основатель Казанской лингвистической школы И. А. Бодуэн де Куртенэ также проявлял интерес к звуко-символизму. Он связывал фонологические явления с психологической стороной звуковых знаков, которые с его точки зрения носили бессознательный характер. И. А. Бодуэн де Куртенэ создал учение о звукопредставлениях – психофонетику. «Звуковая материя, как он подчеркивал, обладает не только определенной символикой звуков, но и создает определенный тон, который подчеркивает содержание» [11, с. 15].

Говоря об отечественных изысканиях относительно вопросов мотивированности языкового знака, нельзя обойти имя великого русского языковеда А. А. Потебни [«Мысль и язык» (1862) и «Из записок по русской грамматике» (1874)], разрабатывавшего огромное количество лингвистических проблем, среди которых его, конечно же, интересовал вопрос происхождения и эволюции языка. А. А. Потебня предпринял попытку описать процесс становления членораздельной речи отдельно взятого индивида, с одной стороны, и сообщества индивидов в целом – с другой. Он выдвинул на передний план «этимологические и ассоциативные связи в номинации денотата с определенным звуковым комплексом» [5, с. 83]. Именно А. А. Потебня, исходя из связи звука и значения, разработал учение о внутренней форме слова, согласно которому слово обладает признаком, лежащим в основе номинации. Благодаря этому признаку мы получаем тот или иной звуковой облик слова (т. е. слово «мотивируется» этим признаком) [там же, с. 82–84].

Идеи А. А. Потебни получили развитие в отечественной науке XX в. в работах лингвистов Л. П. Якубинского, Е. Д. Поливанова, С. И. Бернштейна, теоретиков и историков литературы О. М. Брика, Б. М. Эйхенбаума, В. Б. Шкловского, Ю. Н. Тынянова, а также членов Московского лингвистического кружка Р. О. Якобсона, Г. В. Винокура, Б. В. Томашевского, В. В. Виноградова и других исследователей. Их изыскания во многом были посвящены внутренней форме поэтического слова, что было обосновано огромной популярностью языковых экспериментов поэтов-символистов и футуристов. «Внутренняя форма поэтического языка осмыслялась как результат особого внимания поэтов к различным видам взаимодействия звука и смысла» [5, с. 102–103].

Однако примечательным является тот факт, что в советское время проблема связи звука и значения практически не изучалась. Как отмечает В. В. Левицкий, «звуковой символизм никогда не был баловнем советской лингвистики» в силу идеологической нагрузки [8, с. 13]. Согласно актуальной на тот момент философской и языковедческой мысли, звукоизобразительность противоречила господствовавшим в то время идеям ленинской материалистической теории отражения, согласно которой язык не имеет «отприродной связи» с окружающей действительностью и связан с ней только семантической, условной стороной. В те времена в силу идеологической направленности государства многие вопросы, не только языковедческие, трактовались через призму работ, не имевших отношения к данной конкретной науке, что также коснулось и идей о звукоименизме. Так, К. Маркс опровергает возможность связи звука и значения высказыванием, согласно которому нет никакой связи между собственным именем человека и самим человеком [там же], что на самом деле неверно, поскольку им рассматривается только частный случай, который не может быть прецедентом, когда речь идет об изучении словарного состава языка в целом.

Возрождение интереса к вопросу звукового символизма происходит уже во второй половине XX в., когда идеи о существовании звукоименизма и его влияния на функционирование слова начали все чаще появляться в работах советских ученых [8, с. 14]. Существенный вклад в развитие теории о звукоизобразительности внесли такие ученые, как Е. А. Гурджиева, В. В. Левицкий, А. А. Леонтьев, А. П. Журавлев, А. М. Газов-Гинзберг, И. Н. Горелов [9, с. 21]. Возвращение ученых к поискам связи между звуком и смыслом было обусловлено несколькими факторами. С одной стороны, имел место фактор исторический: период «оттепели» принес определенную свободу, в том числе научной мысли. С другой стороны (и этот фактор является более важным) в 1960-е гг. умы многих исследователей занимает интерес к психолингвистике, основная направленность которой заключалась в изучении содержательной стороны языка и противоречила устоявшимся идеям структурализма, рассматривавшего язык в отрыве от мышления. Знаковый труд в данной области был выпущен А. А. Леонтьевым в 1967 г. [8, с. 15].

Вскоре после этого в истории фоносемантики происходит еще одно ключевое событие – семинар по проблемам мотивированности языкового знака, прошедший в 1969 г. в Ленинграде, результатом которого стало укрепление научных связей и сотрудничества между учеными, занимавшимися данной проблематикой [2, с. 233].

Существенную роль в становлении фоносемантики как науки сыграл труд А. П. Журавлева «Фонетическое значение» (1974 г.). Автор вводит множество новых терминов и определяет место фонетического значения в структуре слова, а также проводит экспериментальное исследование символического значения звуков русского языка, в результате чего им предпринимается попытка вывести формулу, по которой можно определить величину фонетического значения слова [9], [8, с. 16].

Таким образом, еще к началу 60-х гг. XX в. в отечественной лингвистике сложились предпосылки для «рассмотрения звукоизобразительности как явления, выходящего за узкие рамки звукоподражания и включающего в себя все аспекты сложного взаимодействия звучания и значения слова, в том числе и те, которые составляют понятие “звуковой символизм”» [8, с. 14–15]. Длительная работа по исследованию связи фонетического знака и значения, эксперименты и полученный фактический материал привели к тому, что в XX в. возникает необходимость создания нового отдельного раздела в языкознании, что и было сделано С. В. Ворониным.

Подводя итог развития предпосылок становления фоносемантики как науки, следует отметить, что среди факторов, обусловивших формирование новой дисциплины, С. В. Воронин отмечает следующие: 1) накопленный фактический материал; 2) создание универсальной классификации ониматопов; 3) доказанность существования звуко-символизма в языках мира путем исследований, проведенных в рамках психолингвистики и лингвотипологии; 4) доказанность системы ониматопеи; 5) зарождение идей типологизирования звукоизобразительных систем и универсалий и прочие факторы. Однако если ранее изучение звукоизобразительных единиц было нестрогим и довольно разрозненным (они не изучались в системе), то сейчас стала ясной потребность именно в системном подходе. Таким образом, на момент возникновения фоносемантики учеными была проделана огромная работа, собрано большое количество практического материала, сопровождавшегося некоторыми теоретическими идеями, и в результате сложилось множество предпосылок для создания общей теории звукоизобразительности [6, с. 18–20]. Как отмечает С. В. Воронин, «не было лишь самой теории, самой научной дисциплины» [там же, с. 20].

Эмпирической базой для основания изучаемой дисциплины становятся многочисленные факты звукоизобразительных единиц, полученные исследователями в процессе наблюдения над языком и речью, а также в ходе лингвистических и психологических экспериментов. При этом комплексное теоретическое изучение полученных фактов еще не было проведено в полной мере. Поэтому возникновение фоносемантики С. В. Воронин называет реакцией на сложившуюся ситуацию [6, с. 20], т. е. потребность в объяснении и обосновании того, что не могло быть объяснено через призму отдельно взятой уже существующей на тот момент дисциплины.

В своих работах С. В. Воронин сформулировал предмет (звукоизобразительная система языка) и объект фоносемантики [звукоизобразительная система языка в пантопохронии, т. е. с точки зрения совокупности пространственных («топических») и временных («хронических») подходов]. Цель фоносемантики виделась С. В. Воронину в теоретическом и эмпирическом изучении звукоизобразительной системы языка как «необходимой, существенной, повторяющейся и относительно устойчивой не-произвольной фонетически примарно мотивированной связи между фонемами слова и полагаемым в основу наименования признаком объекта-денотата» [6, с. 21–22]. Среди задач, стоящих перед фоносемантикой, С. В. Воронин приводит решение проблем, связанных с: 1) выявлением особенностей звукоизобразительной системы языка в целом; 2) звукоподражательной и звуко-символической подсистемами; 3) параметрами, классами и типами звучаний; 4) строением звукового денотата; 5) универсальной классификацией звукоподражательных слов и их типологией; 6) звукоизобразительными функциями фонем звукоподражательного слова и некоторые другие задачи [там же, с. 22]. Наконец, в качестве основных принципов фоносемантики он видел принцип непроизвольности языкового знака, принцип детерминизма, принцип отражения, принцип целостности и принцип многоплановости [6], [8, с. 17].

С. В. Воронин внес колоссальный вклад в становление и развитие фоносемантики в том виде, в котором мы имеем ее сегодня. Именно ему было поручено написание статей «Звукоизобразительность» и «Звуко-символизм» при составлении Лингвистического энциклопедического словаря [11, с. 17].

Исследования вопросов фоносемантики весьма разнообразны и затрагивают различные ее аспекты. Данные исследования включают в себя в первую очередь диссертационные работы, выполненные под руководством С. В. Воронина. К ним относятся труды таких исследователей,

как Л. З. Лапкина, И. А. Мазанаев, Т. Х. Койбаева, Л. А. Канкия (вопросы типологии различных языков); О. А. Барташова, М. В. Иванова, С. Н. Пономарева (исследование звукоизобразительности в литературных жанрах английского языка); С. В. Климова (этимологическая фоносемантика); а также И. Б. Братусь, А. Ю. Афанасьев, Л. Ф. Лихоманова, Е. И. Беседина, Е. А. Шамина, И. В. Кузьмич, Н. В. Бартко, Е. В. Петухова, Н. В. Антоненко (прочие аспекты). Кроме того, среди направлений фоносемантики, предполагающих решение вопросов при сотрудничестве с другими научными направлениями, необходимо назвать фоносемантический аспект происхождения языка (Ю. Д. Каражаев); исследования на стыке со стилистикой о функционировании фоносемантических средств в поэтической речи (А. П. Тимонина, Т. Е. Воронина и С. Ю. Косицина, Н. А. Аверьянова).

К рубежу XX–XXI вв. накопился существенный материал, представленный монографиями, диссертационными исследованиями и статьями, посвященными изучению звукоизобразительной лексики различных языков. Среди ученых, внесших существенный вклад в развитие фоносемантики, помимо уже упомянутых, следует назвать В. И. Абаева, Э. А. Вельди, А. Н. Журина, Б. В. Журковского, С. С. Шляхову, а также зарубежных исследователей: Т. Кауфман, Р. Вескотт и мн. др.

С развитием фоносемантики возникло несколько дополнительных направлений – этимологическая фоносемантика, диалектная фоносемантика, фоносемантическая теория звукоизобразительного происхождения языка и др. [11, с. 19].

Важно заметить, что вопросы исторического развития звукоизобразительной лексики были разработаны недостаточно подробно и либо затронуты, но не занимают центральное место в исследованиях, либо освещены только в отдельных статьях. Первая крупная работа, посвященная исследованию диахронического развития звукоизобразительной лексики английского языка принадлежит М. А. Флакسمан (2015). Данное исследование рассматривает звукоизобразительную лексику английского языка с точки зрения ее эволюции, изучается гипотеза об отличии развития звукоизобразительной лексики от лексики незвукоизобразительной, что обусловлено именно иконической природой звукоизобразительных единиц [10, с. 3–5].

Существенную роль в фоносемантических исследованиях играют работы, результатом которых стало составление списков и словарей (например, Словарь русских фоносемантических аномалий С. С. Шляховой) [8, с. 19]. Еще одним значимым диссертационным исследованием является работа И. В. Кузьмич «Звукоизобразительная лексика американского слэнга: фоносемантический анализ», в ходе выполнения которой автором был составлен Сводный список звукоизобразительных слов английского языка, ставший «первой попыткой обобщения результатов проведенных ранее исследований звукоизобразительной лексики английского языка» [12, с. 4]. В 2016 г. вышел Словарь английской звукоизобразительной лексики в диахроническом освещении, составленный М. А. Флакسمан.

Следует также обратить особое внимание на исследование, проведенное Н. Н. Швецовой, посвященное звукоизобразительной лексике в английских диалектах, поскольку она сосредоточилась на изучении фоносемантических особенностей диалектной лексики и ввела понятие диалектной фоносемантики. Необходимость данной меры объясняется тем, что подавляющее большинство исследовательских работ проводится на материале литературной нормы. В то же время диалекты, подвергающиеся тщательному изучению в рамках самостоятельного направления диалектологии, не изучались с точки зрения природы языкового знака. Н. Н. Швецова отмечает, что диалектная лексика отличается экспрессивностью и большим

количеством звукоизобразительных единиц, в связи с чем «диалекты могут дать нам особенно богатый и интересный звукоизобразительный материал, который может изучаться в рамках диалектной фоносемантики» [11, с. 5]. Данное исследование стало первой работой, проведенной на стыке фоносемантики и диалектологии и внесло вклад в развитие обоих направлений.

Фоносемантика приобретает все больший интерес в научном мире. Круг исследователей, интересующихся данным направлением, расширяется, проблемы иконизма лексики занимают умы российских и зарубежных ученых. В России в настоящий момент существует несколько научных школ, которые активно занимаются исследованием вопросов звукоизобразительности. Старейшей является Санкт-Петербургская (Ленинградская) школа фоносемантики, основанная профессором С. В. Ворониным. Кроме того известны еще шесть школ: Саратовская психолингвистическая (основатель – проф. И. Н. Горелов, руководитель – проф. Л. П. Прокофьева); Бийская фоносемантическая (руководитель – проф. Е. Б. Трофимова); Уфимская психолингвистическая (руководитель – проф. Т. М. Рогожникова); Пятигорская фоносемантическая (руководитель – проф. А. Б. Михалев); Пермский фоносемантический кружок (руководитель – проф. С. С. Шляхова); Московская школа экологической биолингвистики (основатель – проф. В. Д. Ильичев, руководитель – проф. О. Л. Силаева), а также одна школа на территории Украины – Черновицкая фоносемантическая (основатель – проф. В. В. Левицкий) [3].

Значимость фоносемантических исследований подтверждается возрастающей популярностью проблем звукоизобразительности в современном научном сообществе. Фоносемантика представляется на различных межвузовских, всероссийских и международных конференциях и симпозиумах не только в отдельных докладах и статьях. Ряд конференций выделяет для демонстрации фоносемантических изысканий самостоятельные секции: «Фоносемантика» – в рамках международной научной конференции филологического факультета Санкт-Петербургского университета; «Проблемы фоносемантических исследований» – в рамках межвузовской научно-практической конференции с международным участием «Актуальные проблемы языкознания» Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ»; «Фоносемантика» – в рамках всероссийской межвузовской научно-методической конференции «Англистика XXI века»; «Теоретические и прикладные аспекты фоносемантических исследований» – в рамках международной научной конференции в Саратове «Язык – Сознание – Культура – Социум»; «Современная фоносемантика» – в рамках X Международного конгресса Международного общества по прикладной психолингвистике [2, с. 237]. Однако все же следует обратить внимание на то, что несмотря на растущий интерес к изучаемому вопросу, в отношении к науке в целом фоносемантикой занимается довольно узкий круг специалистов. Исследователь С. С. Шляхова отмечает, что на сегодняшний день эмпирическая сторона фоносемантических изысканий более пассивна, и это, с ее точки зрения, во многом связано с уходом пионеров фоносемантической мысли С. В. Воронина и В. В. Левицкого [2, с. 236–237]. Поэтому одной из задач, стоящих перед современными исследователями, является распространение идей, лежащих в поле фоносемантики на более широкие горизонты.

Также следует заметить, что учеными, занимающимися вопросами фоносемантики, был создан международный научный интернет-проект «Лингвистический ИКонизм». «Главная цель проекта – объединение усилий по исследованию звукоизобразительности по различным языкам

мира и распространение научных и достоверных знаний о лингвистическом иконизме, фоносемантике и смежных с ними областях научного знания» [6]. Проект служит для распространения достоверного знания о фоносемантике и звукоизобразительности, организации обмена информацией, расширения контактов и поддержки взаимодействия исследователей, интересующихся данными вопросами, поддержки начинающих исследователей, формирования масштабной электронной базы фоносемантических средств различных языков мира и т. д. На данный момент проект объединяет 8 стран (Беларусь, Болгария, Молдова, Монголия, Нидерланды, Польша, Россия и Украина), 50 ведущих ученых в данной области, 43 университета и исследовательских центра. Работы исследователей посвящены изучению иконичности на примере 54 языков мира [там же]. Еще один интернет-проект в области фоносемантики получил название «Иконический атлас» (Iconicity Atlas Project). Проект развивается Н. Н. Ноланд (Швецовой) и М. А. Флакسمан. Он представляет собой «интерактивный многоязычный сравнительный словарь иконических слов, состоящий из существующего лексикографического материала и полевых материалов, собранных командой исследователей» [2, с. 240].

Результаты исследования. Изучены основные этапы становления и развития фоносемантики как науки, ее основная проблематика, современное состояние и дальнейшие перспективы.

Обсуждение. Среди проблемных вопросов современной фоносемантики следует отметить значительную долю теоретических исследований, а также то, что «сегодня российское сообщество фоносемасиологов не формирует профессиональное сообщество, которое было бы способно концентрировать научный потенциал, формировать «повестку дня» и формулировать «тренды» фоносемантических исследований» [2, с. 237].

Заключение. Следует подчеркнуть, что сегодня фоносемантика вызывает неподдельный интерес у все большего количества исследователей, поскольку она позволяет рассмотреть многие вопросы, волновавшие ученых-лингвистов длительное время, под принципиально новым углом, а также порождает ряд новых, собственных вопросов, требующих скорейшего изучения. И хотя современные исследования, посвященные фоносемантике, представляют собой относительно небольшую часть от общего количества научных работ в области языкознания и характеризуются некой разрозненностью, можно смело утверждать, что данная научная дисциплина имеет огромный исследовательский потенциал.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бродович О. И. Предисловие // Воронин С. В. Основы фоносемантики. 2-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2006. С. 1–2.
2. Воронин С. В. Основы фоносемантики. 2-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2006.
3. Журавлев А. П. Фонетическое значение. Л.: Изд-во ЛГУ, 1974.
4. Кузьмич И. В. Звукоизобразительная лексика американского слэнга: фоносемантический анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. / СПбГУ. СПб., 1993.
5. Левицкий В. В. Звуковой символизм. Мифы и реальность. Черновцы: Рута, 2009.
6. Лингвистический ИКонизм. Междунар. науч. интернет-проект. URL: <http://liconism.ru/> (дата обращения: 04.03.2019).
7. Аргамакова А. А. Пирс Ч. С. Что такое знак / под ред. Е. В. Борисова // Вестн. Томск. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2009. № 3 (7). С. 88–95.
8. Флакسمан М. А. Диахроническое развитие звукоизобразительной лексики английского языка: дис. канд. филол. наук / СПбГУ, СПб., 2015.

9. Швецова Н. Н. Звукоизобразительная лексика в английских диалектах: дис. канд. филол. наук / СПбГУ, СПб., 2011.
10. Шелякин М. А. Язык и человек. К проблеме мотивированности языковой системы. М.: Флинта, 2012.
11. Шляхова С. С. О состоянии фоносемантики в России. Статья вторая. Фоносемантические конференции. Фундаментальные исследования. Программное обеспечение (технологии Hi-Hume) // Вопр. психолингвистики. 2019. № 1 (39). С. 232–251.
12. Шляхова С. С. Тень смысла в звуке. Введение в русскую фоносемантику: учеб. пособие / ПГПУ. Пермь, 2003.

Корчагина Екатерина Павловна – аспирантка, ассистент кафедры иностранных языков Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина). Автор 3 научных публикаций. Сфера научных интересов: фоносемантика, диалектология, дискурс. E-mail: katherinekorch@gmail.com; epkorchagina@etu.ru

REFERENCES

1. Brodovich, O.I. (2006), "Foreword", *Osnovy fonosemantiki* [The Fundamentals of Phonosemantics], 2nd, Lenand Moscow, Russia, pp. 1–2.
2. Voronin, S.V. (2006), *Osnovy fonosemantiki* [The Fundamentals of Phonosemantics], 2nd, Lenand Moscow, Russia.
3. Zhuravlev, A.P. (1974), *Foneticheskoe znachenie* [Phonetic meaning], Izdatel'stvo LGU, Leningrad, USSR.
4. Kuz'mich, I.V. (1993), "American slang phono-vocabulary: phonosemantic analysis", Abstract of Can. of Philolog. Sci. dissertation, SPbGU, SPb, Russia.
5. Levitskii, V.V. (2009), *Zvukovoi simvolizm. Mify i real'nost'* [Sound symbolism. Myths and Reality], Ruta, Chernovtsy, Ukraine.
6. *Lingvisticheskii Ikonizm. Mezhdunarodnyi nauchnyi internet-proekt* [Linguistic Iconism. International scientific Internet project], available at: <http://liconism.ru/> (accessed 04.03.2019).
7. Argamakova, A.A. (2009), "Pirs, Ch.S. What is a sign", in Borisov, E.V. (ed.), *Vestn. Tomsk. gos. un-ta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*, no. 3 (7), pp. 88–95.
40. Flaksman, M.A. (2015), "Diachronic development of English iconic vocabulary", Can. of Philolog. Sci. Thesis. Saint Petersburg State University, SPb., Russia.
9. Shvetsova, N.N. (2011), "Sound-visual vocabulary in English dialects", Can. of Philolog. Sci. Thesis. Saint Petersburg State University, SPb., Russia.
10. Shelyakin, M.A. (2012), *Yazyk i chelovek. K probleme motivirovannosti yazykovoi sistemy* [Language and man. To the problem of motivation of the language system], Flinta, Moscow, Russia.
11. Shlyakhova, S.S. (2019), "On the state of phonosemantics in Russia. Article Two. Phonosemantic conferences. Basic research. Software (Hi-Hume technology)", *Journal of Psycholinguistics*, no. 1 (39), pp. 232–251.
12. Shlyakhova, S.S. (2003), *Ten' smysla v zvuke. Vvedenie v russkuyu fonosemantiku* [The shadow of meaning in sound. Introduction to Russian phonosemantics], PGPU, Perm', Russia.

Ekaterina P. Korchagina – postgraduate, assistant lecturer at the Department of Foreign Languages, Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI". The author of 3 scientific publications. Area of expertise: phonosemantics, dialectology, discourse. E-mail: katherinekorch@gmail.com; epkorchagina@etu.ru

В редакционный совет журнала «ДИСКУРС» необходимо представить:

- по e-mail discourse@etu.ru либо на электронном носителе:
 - электронную копию статьи, подготовленную согласно «Правилам оформления» и «Структуре научной статьи»;
 - отдельный файл для каждого рисунка в формате тех редакторов, в которых они были подготовлены согласно «Правилам оформления». Размещение рисунка в электронной копии статьи не освобождает от его представления отдельным файлом;
 - сведения об авторах (на русском и на английском языках) (1 экз.);
- документы на листах формата А4 (1 экз.):
 - распечатку рукописи (1 экз.), подписанную всеми авторами (объем статьи 20 000-40 000 знаков, включая пробелы). К публикации принимаются статьи на русском и английском языках;
 - рекомендацию кафедры (подразделения) к опубликованию (следует указать предполагаемую рубрику) (1 экз.);
 - сопроводительное письмо (только для авторов, не работающих в СПбГЭТУ «ЛЭТИ») (1 экз.).

Правила оформления текста статьи

Текстовый редактор Microsoft Word версии не ниже 2003.

Формат бумаги А4.

Параметры страницы: поля – верхнее – 2.75 см, правое и левое 2.25 см, нижнее 2.5 см, верхний колонтитул 1.7 см, нижний колонтитул 2 см.

Для создания *формул* используется редактор MathType.

Текст статьи: объем до 1 п. л. (20 000–40 000 знаков, включая пробелы), шрифт «Times New Roman» 12 pt; выравнивание по ширине; междустрочный интервал «Множитель 1.15»; автоматическая расстановка переносов.

Текст в таблицах печатается через одинарный интервал, шрифт «Times New Roman»; основной текст 10 pt, индексы 8 pt, подындекс 6 pt. Нумерационный заголовок содержит слово «Таблица» и ее номер арабскими цифрами. Номер и заглавие таблицы указываются на русском и английском языках.

Рисунки в электронном виде и подписи к ним создаются средствами Word или другими программами [CorelDRAW, Visio, Adobe Illustrator, Excel (с предоставлением оригинала рисунка в электронном виде)] в черно-белом виде. Качество рисунков и фотографий (в форматах .jpeg, .tiff) должно быть не менее 300 dpi. На каждый рисунок и таблицу в тексте статьи необходимо дать ссылку. Каждый рисунок и таблица должны быть пронумерованы (например: рис. 1, табл. 3). Описание содержания рисунка, а также введенных на нем обозначений следует приводить в основном тексте статьи. Подпись под рисунком содержит его номер и название на русском и английском языках. Буквенные обозначения фрагментов рисунка ставятся под фрагментом перед нумерационным заголовком; в тексте ссылка на фрагмент ставится после нумерационного заголовка через запятую (например, рис. 1, а).

На каждый рисунок и таблицу в тексте статьи необходимо дать ссылку. Каждый рисунок и таблица, если в статье их содержится более одного, должны быть пронумерованы (например: рис. 1, рис. 2, табл. 1, табл. 2).

Структура научной статьи

Авторам рекомендуется придерживаться следующей структуры статьи:

Заголовочная часть:

- УДК (выравнивание по левому краю);
- авторы (перечень авторов – ф. и. о. автора (-ов) полностью. инициалы ставятся перед фамилиями, после каждого инициала точка и пробел; инициалы не отрываются от фамилии, если авторов несколько – ф. и. о. разделяются запятыми);
- место работы каждого автора и почтовый адрес организации. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов, относящихся к одной организации, дается ее наименование, а затем список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;
- название статьи;
- аннотация – 200–250 слов, характеризующих содержание статьи;
- ключевые слова – 5–7 слов и/или словосочетаний, отражающих содержание статьи, разделенных запятыми;
 - текст статьи;
 - приложения (при наличии);
 - список литературы (библиографический список);
 - авторская справка.

Англоязычная часть (по порядку расположения и оформлению соответствует русскоязычной части статьи):

- авторы (Authors);
- место работы каждого автора (Affiliation). Необходимо убедиться в корректном (согласно уставу организации) написании ее названия на английском языке. Перевод названия возможен лишь при отсутствии англоязычного названия в уставе. Если авторы относятся к разным организациям, то после указания всех авторов, относящихся к одной организации, дается ее наименование, затем приводится список авторов, относящихся ко второй организации, наименование второй организации и т. д.;
- название (Title);
- аннотация (Abstract);
- ключевые слова (Keywords);
- список литературы (References).
- авторская справка.

Авторство и место в перечне авторов определяется договоренностью последних. При примерно равном авторском вкладе рекомендуется алфавитный порядок. Если авторов несколько, необходимо указать контактного автора по работе со статьей.

Название статьи должно быть информативным, четко отражать ее содержание в нескольких словах. Хорошо сформулированное название – гарантия того, что работа привлечет читательский интерес. Следует помнить, что название работы прочтут гораздо больше людей, чем ее основную часть.

Аннотация представляет собой краткое описание содержания изложенного текста. Она должна отражать актуальность, постановку задачи, пути ее решения, результаты и выводы. Рекомендуется содержание аннотации представить в структурированной форме согласно структуре самой статьи: *Введение (Introduction)*, *Материалы и методы (Materials and methods)*, *Результаты (Results)*, *Обсуждение (Discussion)*, *Заключение (Conclusion)*.

В аннотации не следует указывать ссылки и сноски, упоминать источники, использованные в работе, пересказывать содержание отдельных параграфов, упоминать цифры и формулы.

При написании аннотации необходимо соблюдать особый стиль изложения: избегать длинных и сложных предложений, излагать мысли максимально кратко и четко. Составлять предложения только в настоящем времени и только от третьего лица.

В русскоязычном издании *Abstract* является для иностранных читателей основным и, как правило, единственным источником информации о содержании статьи и изложенных в ней результатах исследований. Зарубежные специалисты по авторскому резюме оценивают публикацию, определяют свой интерес к работе российского ученого, могут использовать ее в своей публикации и сделать на нее ссылку, открыть дискуссию с автором, запросить полный текст и т. д. Текст должен быть связным и информативным; целесообразно при написании резюме использовать Past Indefinite и Present Perfect Tenses.

Рекомендуемый объем – 200–250 слов.

Ключевые слова – набор слов, отражающих содержание текста в терминах объекта, научной отрасли и методов исследования. Рекомендуемое количество ключевых слов/фраз – 5–7, количество слов внутри ключевой фразы – не более 3.

Текст статьи излагается в определенной последовательности: Введение (Introduction), Материалы и методы (Materials and methods), Результаты (Results), Обсуждение (Discussion), Заключение (Conclusion):

- *Введение.* Во введении автор знакомит с предметом, задачами и состоянием исследований по теме публикации (обзор литературы); при этом необходимо обязательно ссылаться на источники, из которых берется информация. Автор приводит описание «белых пятен» в проблеме или того, что еще не сделано, и формулирует цели и задачи исследования.

В тексте могут быть применены сноски, которые нумеруются арабскими цифрами. В сносках могут быть размещены: ссылки на анонимные источники в сети Интернет, ссылки на учебники, учебные пособия, ГОСТ, авторефераты, диссертации (если нет возможности процитировать статьи, опубликованные по результатам диссертационного исследования).

- *Материалы и методы.* Необходимо описать теоретические или экспериментальные методы исследования, используемое оборудование и т. д., чтобы можно было оценить и/или воспроизвести исследование. Метод или методологию проведения исследования целесообразно описывать в том случае, если они отличаются новизной.

Научная статья должна отображать не только выбранный инструментарий и полученные результаты, но и логику самого исследования или последовательность рассуждений, в результате которых получены теоретические выводы. По результатам экспериментальных исследований целесообразно описать стадии и этапы экспериментов.

- *Результаты.* В этом разделе представлены экспериментальные или теоретические данные, полученные в ходе исследования. Результаты даются в обработанном варианте: в виде таблиц, графиков, диаграмм, уравнений, фотографий, рисунков. Приводятся только факты. В описании полученных результатов не должно быть никаких пояснений – они даются в разделе «Обсуждение».

- *Обсуждение.* В этой части статьи авторы интерпретируют полученные результаты в соответствии с поставленными задачами исследования, приводят сравнение полученных собственных результатов с результатами других авторов. Показывается, что статья решает научную проблему или служит приращению нового знания. Можно объяснять полученные результаты на основе своего опыта и базовых знаний, приводя несколько возможных объяснений. Здесь излагаются предложения по направлению будущих исследований.

- *Заключение.* Резюмируются основные результаты проведенного исследования.

Благодарности – выражается признательность коллегам, которые оказывали помощь в выполнении исследования или высказывали критические замечания в адрес вашей статьи. Однако, прежде чем выразить благодарность, необходимо заручиться согласием тех, кого планируете поблагодарить.

Источник финансирования – указываются источники финансирования (гранты, совместные проекты и т. п.). При отсутствии источника финансирования необходимо указать: «Инициативная работа».

Соблюдение этических стандартов – раздел необходим в том случае, если проводились опыты с участием животных или людей. Подробнее см. <http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/>

Конфликт интересов – авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи. Например, «Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов». Если конфликт интересов возможен, то необходимо пояснение; см. <http://pleiades.online/ru/authors/guidlines/ethics-statements/>

Возможен раздел *Информация о вкладе авторов* (по желанию указывается какая часть работы конкретным автором выполнена при подготовке и написании статьи).

Приложения – при их наличии.

Библиографический список, который включает:

- заголовок «Список литературы»;
- библиографическое описание источника с порядковым номером ссылки на него по тексту статьи, начиная с первого, выполненное по ГОСТ Р 7.0.5–2008.

В ссылках на материалы конференций обязательно указание даты и места их проведения; при ссылках на статьи в сборниках статей обязательно приводятся номера страниц, содержащих данный материал. Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть *цифровой идентификатор* Digital Object Identifier (DOI), его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки. Проверять наличие DOI статьи следует на сайте <http://search.crossref.org/> или <https://www.citethisforme.com>.

References (стиль Harvard): для зарубежных баз данных приводится полностью отдельным блоком, повторяя список литературы к русскоязычной части, независимо от того, имеются или нет в нем иностранные источники. Если в списке литературы есть ссылки на иностранные публикации, то они полностью повторяются в списке, готовящемся в романском алфавите. В References совершенно недопустимо использовать российский ГОСТ 7.0.5-2008. Библиографический список представляется с переводом русскоязычных источников на латиницу. При этом применяется транслитерация по системе BSI (см. <http://ru.translit.net/?account=bsi>). Онлайн-помощник оформления библиографии (только статьи из газет или журналов) <http://publishing-vak.ru/clearance-bibliography.htm>

Авторская справка: содержат фамилию, имя, отчество (полностью) автора, ученую степень (год присвоения), ученое звание (год присвоения), должность по основному месту работы; указывается количество научных публикаций автора; сфера научных интересов: (несколько слов, словосочетаний); e-mail; контактный телефон. Также требуется включать идентификационный номер исследователя ORCID (Open Researcher and Contributor ID), который отображается как адрес вида <http://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>. При этом важно, чтобы кабинет автора в ORCID был заполнен информацией об авторе, имел необходимые сведения об его образовании, карьере, публикациях.

Перечень основных тематических направлений журнала

Философия (по специальностям):

- 09.00.01 – Онтология и теория познания;
- 09.00.05 – Этика;
- 09.00.07 – Логика;
- 09.00.08 – Философия науки и техники;
- 09.00.11 – Социальная философия;
- 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры.

Социология (по специальностям):

- 22.00.01 – Теория, методология и история социологии;
- 22.00.04 – Социальная структура, социальные институты и процессы;
- 22.00.05 – Политическая социология;
- 22.00.06 – Социология культуры;
- 22.00.08 – Социология управления.

Языкознание (по специальностям):

- 10.02.04 – Германские языки;
- 10.02.19 – Теория языка;
- 10.02.21 – Прикладная и математическая лингвистика.

Рукописи аспирантов печатаются бесплатно.

Технические вопросы можно выяснить по адресу: discourse@etu.ru